The Oxford Book of Russian Verse

Chosen by

The Hon. MAURICE BARING

SECOND EDITION

Supplemented by

D. P. COSTELLO

Oxford · At the Clarendon Press

This edition of the *Oxford Book of Russian Verse* is an enlargement, not a revision, of the first. Baring's book is, within its chronological limits, not merely the best collection of Russian poetry readily available to English readers; it is doubtful if any anthology of comparable size published in Russia itself is more representative. Accordingly, except for the one poem written since 1914 which it included, it has been left intact.

The additional material in this edition (comprising some 60 new poems) falls into two sections. First, the anonymous traditional poems with which the book now opens. Secondly, a modern selection from the poets writing between 1914, when Baring's collection closes, and the year 1939.

D. S. Mirsky's notes on the poets from Derzhavin to Blok have been retained, with minor additions where these were necessary.

£1·75 net
in UK

SOLANO COLLEG

SOLANO COMMUNITY COLLEGE
3 7045 00012 5528

BOOK SALE
Solano College Library

PG
3233
O8

37376

The Oxford book of
Russian verse

Digitized by the Internet Archive
in 2023 with funding from
Kahle/Austin Foundation

https://archive.org/details/oxfordbookofruss0000maur

The Oxford Book of Russian Verse

The Oxford Book of Russian Verse

Chosen by

The Hon. Maurice Baring

Second Edition supplemented by

D. P. Costello

Oxford

At the Clarendon Press

Oxford University Press, Ely House, London W.1

GLASGOW NEW YORK TORONTO MELBOURNE WELLINGTON
CAPE TOWN SALISBURY IBADAN NAIROBI DAR ES SALAAM LUSAKA ADDIS ABABA
BOMBAY CALCUTTA MADRAS KARACHI LAHORE DACCA
KUALA LUMPUR SINGAPORE HONG KONG TOKYO

FIRST PUBLISHED 1925
REPRINTED 1942, 1944
SECOND EDITION 1948
REPRINTED 1953, 1958, 1961
1966 (WITH CORRECTIONS), 1971

PRINTED IN GREAT BRITAIN

PG
3233
O8

EDITOR'S NOTE TO THE SECOND EDITION

87376

THIS edition of the *Oxford Book of Russian Verse* is an enlargement, not a revision, of the first. Baring's book is, within its chronological limits, not merely the best collection of Russian poetry readily available to English readers; it is doubtful if any anthology of comparable size published in Russia itself is more representative. Accordingly, except for the one poem written since 1914 which it included, it has been left intact.

The additional material in this edition falls into two sections. First, the anonymous traditional poems with which the book now opens. Russian traditional poetry is extremely diverse in its genres and its origins; and, although it has for centuries been in the keeping of the peasantry, to style it 'peasant' or 'folk' poetry could lead to misapprehension. The most important group of poems within this class, the epic byliny, developed from the songs of medieval court poets, and the peculiar technique of these compositions left its trace on work which was later produced by genuine peasant poets. The noncommittal term устная is therefore preferable to the richer, but slightly misleading народная to qualify the whole category of Russian traditional literature.

The lyrical poems of this group are simple and direct and require little in the way of introduction or explanation. The byliny are a more complex phenomenon, and some general account of them may be useful.

The Russian epic has no Iliad. It is represented by above 1,500 poems of an average length of 300 or 400

lines, in which are treated in various manner some forty basic episodes. A few of its themes are taken from the life of Novgorod, and a still smaller number from the strange world of pilgrims and holy vagabonds, but the greater number of the byliny relate to Kiev and taken as a whole are the epic of Kiev Russia's unremitting war with nomad Asia. Its heroes are the Christian knights who man the frontier posts on the steppe border; the enemy is the Tartar, more rarely the Polovets; earlier invaders, Pechenegs and Khazars, are more faintly remembered.

The period during which the byliny were composed extends from the ninth to about the end of the sixteenth century. They arose within the circle of the druzhinniki, the men-at-arms who formed the entourage of the Russian princes; and in such characters as Dobrynya and Staver Godinovich they have preserved the portrait of the warrior minstrels in whose songs lay the germ of the byliny themselves. The next and principal phase of their development was the work of the professional poets and musicians of medieval Russia, the skomorokhi, who exercised a powerful influence on both form and content. Long persecuted by the Orthodox Church, the skomorokhi were finally suppressed in central Russia by decree of Tsar Alexei Mikhailovich. Many of them fled to regions where the Tsar could not reach them, to the Don, to Siberia, and to the far north, and they took their songs with them. In central Russia the explicit ban on 'devilish' songs combined with the growth of serfdom to stamp out the epic tradition. On the edges of Muscovy, above all in the desolate regions north of Lake Onega, where serfdom never took hold, it continued to live and is even yet not quite dead.

As the epic declined, its place was taken by another kind of narrative verse, the historical poem. This, while close stylistically to the bylina, differs from it in that it treats contemporary themes, characteristically in a passionate and lyrical manner. The golden age of the historical poem was precisely the period during which the epic as a living form was approaching its end, but the composition of songs on current historical themes went on until well into the nineteenth century. The literary value of the later historical poems is less, a fact which stands in direct relationship to the consolidation of serfdom and the consequent degradation of the Russian peasantry. The best of them survived among the free population of the far north and, above all, among the Cossacks.

* * * * * * * * *

It remains to relate in barest outline the trends which have manifested themselves in Russian poetry since 1914.

As early as 1912 the manifestoes of two new schools of poetry had attacked the dominant symbolists. The acmeists, led by Gumilyov and Gorodetsky, constituted in reality an allotropic variety of Russian Symbolism. As against the symbolists they insisted on the reality and significance of the external world and required of poetic imagery a precision from which the symbolists shrank; but they maintained intact the existing formal structure of Russian verse and in their subject-matter were concerned primarily with the complexities of their own emotional experience. Although they included some remarkable poets, they were unable to achieve the triumphal revival of Russian poetry which Gumilyov had proclaimed, and in the result the contribution of acmeism

to Russian literature was a small body of exquisite Alexandrian poetry which had ceased, before the middle 'twenties, to exercise any important influence on the life or the literature of its generation.

The other oppositional school was a more formidable thing. The one feature which was common to all the various trends of Russian futurism was the rejection of existing aesthetic canons and the striving to create a new poetical technique. In this perhaps the greatest achievement was that of Velemir Khlebnikov, whose experiments with language made him at once the most difficult and the most influential of the futurists. As the crisis of Russian society proceeded, the majority of the futurists (above all, Mayakovsky) carried their opposition beyond the field of aesthetics and attacked the existing system of social and political relationships. In 1917 futurism was politically, as well as artistically, the most left-wing tendency in Russian literature, and Mayakovsky naturally became the poetic voice of the Revolution. During the next few years much of the best poetry was the work of futurists (Pasternak, Aseyev) and their technical innovations became the property of many who had had no organizational connexion with futurism.

It would not be profitable to follow here the fortunes of the various schools—proletkulty, imaginism, neoacmeism, constructivism—which rose and fell during the first years after the Revolution. Each had its programme and its journal; each warred with the rest over issues which were as much political as literary; and by 1930 most of them had followed symbolism and acmeism into the past. The end of the first phase of Soviet literature was marked by the entry in 1932 of all writers sympathetic

with the régime into a single Union of Soviet Writers. The preceding fifteen-year period had been as brilliant as perhaps any in the history of Russian poetry. It had included Blok's greatest work, the maturity of Khlebnikov, Mayakovsky and Yesenin and the early production of some—Pasternak, Antokolsky, Tikhonov, Aseyev—who are prominent among the poets of to-day. Such periods occur rarely enough in any literature, and there were special reasons why Russian poetry could not maintain the same high level during the next years. Five-Year Plans were a less likely source of inspiration than revolution and civil war; the Communist Party's Platonic art policy restricted freedom of self-expression; the new public resulting from the increase in literacy and from the consequent dilution of the intelligentsia by mass accessions from the working-class and the peasantry was culturally less mature than the old. At all events, the latest phase of Russian poetry has not been as brilliant as that which preceded it. Good poetry has been written, particularly under the influence of the war, but much of it is the work of poets of long-established name. It does not seem—at any rate at this close range—that among the younger poets is a new Mayakovsky or a new Pasternak. The present is a transitional period in the literature as in the economy of Russia, and a great new flowering of Russian poetry does not appear likely until times are easier in the Soviet Union and Soviet society has completed the cultural revolution which is still in progress. The Russian view of the problem was tersely expressed by Mayakovsky:

Надо жизнь сначала переделать,
Переделав—можно воспевать.

EDITOR'S NOTE TO THE SECOND EDITION

To achieve adequate representation of the best poets of the period I have had to give some good poets little space and to exclude others altogether. I regret the absence of Klyuyev, Gorodetsky, Vera Inber, Zabolotsky and others; it was not possible to include them and at the same time to do justice to Mayakovsky, Pasternak and Yesenin.

D. S. Mirsky's notes on the poets from Derzhavin to Blok have been retained, with minor additions where these were necessary.

D. P. COSTELLO

MOSCOW
December 1946.

CHRONOLOGICAL LIST OF AUTHORS

		No.
Anonymous		1–16
Gavrila Romanovich Derzhávin .	1743–1816	17
Ivan Andreyevich Krylóv . .	1768–1844	18–24
Vasily Andreyevich Zhukóvsky .	1783–1852	25
Alexandr Sergeyevich Púshkin .	1799–1837	26–59
Kondraty Fyodorovich Ryléyev .	1795–1826	60
Ivan Ivanovich Kozlóv . . .	1779–1840	61
Yevgeny Abramovich Baratýnsky .	1800–1844	62
Nikolai Mikhailovich Yazýkov .	1803–1846	63–64
Alexei Vasilyevich Koltsóv . .	1808–1842	65–68
Mikhail Yuryevich Lérmontov .	1814–1841	69–83
Alexei Stepanovich Khomyakóv .	1804–1860	84–87
Nikolai Alexeyevich Nekrásov .	1821–1877	88–97
Fyodor Ivanovich Tyútchev . .	1803–1873	98–101
A. Fet (Afanasy Afanasyevich Shenshín)	1820–1892	102–111
Apollon Nikolayevich Máikov .	1821–1897	112–115
Yakov Petrovich Polónsky . .	1819–1898	116–120
Ivan Savich Nikítin . . .	1824–1861	121–123
Count Alexei Konstantinovich Tolstóy	1817–1875	124–135
N. Mínsky (Nikolai Maximovich Vilénkin)	1855– ?	136–137
Semyon Yakovlevich Nádson .	1862–1887	138–141
Alexei Nikolayevich Apúkhtin .	1841–1893	142–143
Konstantin Konstantinovich Sluchévsky	1837–1904	144–146
Vladimir Sergeyevich Solovyóv .	1853–1900	147
Konstantin Dmitryevich Bálmont	1867–1942	148–150

CHRONOLOGICAL LIST OF AUTHORS

		No.
Valery Yakovlevich Bryúsov	1873–1924	151–153
Ivan Alexeyevich Búnin	1870–	154
Alexandr Alexandrovich Blok	1880–1921	155–162
Andrei Byély (Boris Nikolayevich Bugáyev)	1880–1934	163–164
Velemir Vladimirovich Khlébnikov	1885–1922	165–168
Nikolai Stepanovich Gumilyóv	1886–1921	169
Samuil Yakovlevich Marshák	1887–	170–171
Nikolai Nikolayevich Aséyev	1889–	172
Boris Leonidovich Pasternák	1890–	173–179
Osip Emilyevich Mandelstám	1891–1938	180–183
Ilya Grigoryevich Ehrenbúrg	1891–	184–185
Marina Ivanovna Tsvetáyeva	1892–1941	186
Anna Akhmátova (Anna Andreyevna Gorénko)	1893–	187–189
Vladimir Vladimirovich Mayakóvsky	1893–1930	190–194
Sergei Alexandrovich Yesénin	1895–1925	195–200
Eduard Georgievich Bagrítsky	1895–1934	201–202
Nikolai Semyonovich Tíkhonov	1896–	203
Pavel Grigoryevich Antokólsky	1896–	204–205
Ilya Lvovich Selvínsky	1899–	206
Olga Fyodorovna Bérgholtz	1910–	207
Konstantin Mikhailovich Símonov	1915–	208

INTRODUCTION

I

For all students of literature—and especially for the foreign student—Russian literature and, of Russian literature, Russian poetry in particular, begins with the nineteenth century. The seeds of it were sown centuries earlier and are as obscure as the origins of Russian history and Russian civilization. These origins are still a matter of dispute among historians; and the most plausible theories advanced by certain brilliant writers of history are said by other equally brilliant critics to be highly conjectural. There are, it is true, certain facts and certain factors that stand out like landmarks and monuments of the past in writing as well as in stone.

The course of Russian literature, just as the course of Russian history, was interrupted by a series of startling events which again and again put back the clock of its normal progress.

The first centre of Russian culture was the city of Kiev on the Dnieper. Kiev was the mother of Russian letters; Moscow and St. Petersburg were the heirs of Kiev. In the eleventh century Kiev was one of the most enlightened cities of Europe. Her rulers were at this time related to the Kings of France, England, Hungary, and Norway. The Russian manuscripts of the eleventh century are as good as the finest manuscripts of western European countries of the same period. Kiev was the centre of wealth, learning, and art. Byzantine artists went thither, and Kiev sent her own painters to the West. There was no barrier during this epoch between the East and the

West. Nothing could have been more promising than such a beginning. It was followed by a series of disasters which retarded the growth of civilization and culture. First of all came the schism of the Eastern and Western Churches, which started in the ninth century and was never truly remediable after the excommunication of Cerularius in 1054, although attempts were made to heal it. It was caused by the rivalry between the Greeks and the Latins—a rivalry which ever since then has continued to exist between Rome and the East. The Slavs were the accidental victims of this racial quarrel. The schism erected a barrier between Russia and western Europe. Later, in the thirteenth century, another and a still more crushing and retarding blow was dealt to Russian civilization and Russian culture—the Tartar invasion, which was followed by the Tartar yoke. The Russians remained under the yoke of the Tartars from 1240 to 1480. Because of the Tartar yoke, from the fourteenth until the beginning of the nineteenth century Russian literature has nothing to give to the outside world. Kiev was destroyed by the Tartars in 1240. After this the south was abandoned; Poland was separated from the east; the eastern principalities were gradually drawn towards Moscow, and by the fourteenth century Moscow had taken the place of Kiev and had become the kernel of Russian culture. From the fourteenth until the beginning of the nineteenth century, Russian literature, instead of developing in a series of splendid and various phases of production, such as the Middle Ages in Italy, the Renaissance in France and England, the *Grand Siècle* in France, and the Georgian epoch in England, had nothing to present to western Europe. There were no literary Middle Ages in

Russia, no Renaissance. Russia was debarred on one side from the living culture of the West and was cut off from the antique traditions of Rome and Greece on the other. There was, it is true, a popular poetry, but it was a flower which grew by the wayside and nobody took any notice of it until the nineteenth century.

In the twelfth century the beginnings of a new literature and of a national poetry are visible in the story of the 'Raid of Prince Igor', a prose epic which is not only one of the most remarkable memorials to the ancient written language of Russia but, by virtue of its originality, its historical subject-matter, and its picturesque vividness, colour, and detail, has a place in the literary history of Europe. After the Tartar invasion, the history of Russian literature is the story of the destruction of the barrier and the wall which had shut off Russia from western Europe. This destruction came about gradually. It began when a link was forged between Moscow and the Byzantine Emperors and Italian architects and other foreigners poured into Moscow. This was followed by the establishment of the first printing press in Moscow during the reign of Ivan the Terrible, and by a slight infection of Polish manners and Latin culture which followed the brief reign of that enigmatic and romantic figure, the 'False Dimitrius', who claimed to be a son of Ivan the Terrible. Kiev rose again from its ruins and became the centre of learning. Schools were founded in Moscow, and in 1665 Latin was taught by Simeon Polotsky, who wrote syllabic verse. In the latter half of the seventeenth century, another influence besides that of Kiev and Poland was felt: another breach was made in the wall. German officers, soldiers, capitalists, and artisans settled in the

German suburb of Moscow and brought with them the technical crafts and the letters of western Europe. It was here that the Russian stage and the Russian ballet were born. Peter the Great made still wider breaches in the wall between Russia and western Europe, but the 'Peter the Great' of Russian literature and of the Russian language was Michael Lomonosov (1711–1765), who was mathematician, chemist, astronomer, political economist, historian, electrician, geologist, grammarian, as well as a poet. He scraped the crust of foreign barbarism from his native language, and by his example still more than by his precept he displayed the Russian language in its native purity, and left it as an instrument ready attuned for a great player. Thanks to Lomonosov and to Prince Kantemir (1708–1744), who wrote the first Russian literary verse, the literary wall between Russia and French and German culture was finally broken down. Prince Kantemir wrote in the French manner. His style was modelled on that of Boileau. During Catherine the Second's reign, French influence was felt in Russia. Poets began to spring up, especially writers of odes, and the best of these was Derzhavin (1743–1816), a master of the French classical manner, in whose work the elements of real poetical beauty entitle him to be called the first Russian poet. It is with an example of his verse that this book begins. But it was not until the nineteenth century and the advent of Krylov that a poet of national importance was born.

II

Peter the Great, in a speech he made at a banquet after the Peace of Nystadt, said that historians placed the seat

of all sciences in Greece, whence, being expelled by fate, they migrated to Italy and later to the rest of Europe, but owing to the perverseness of the ancient Russians they went no farther than Poland in their trend eastwards. He compared the transmigration of science to the circulation of the blood in the human body, and he prophesied that art and science and culture would travel one day from England, France, and Germany to Russia, and finally perhaps to Greece, their earliest home. The prophecy has in some ways been fulfilled, but the interesting point about Russian poetry and Russian music is this: thanks either to chance or to the logical march of history, the characteristics of both these arts are Greek, in spite of any other influences either from the west, the east, or the north.

In the songs of the Russian peasants the Greek modes are or (until the European war) were still in use: the Doric, the hypo-Dorian, the Lydian, the hypo-Phrygian. 'La musique, telle qu'elle était pratiquée en Russie au Moyen Age', writes M. Soubier in his *History of Russian Music*, 'tenait à la tradition des religions et des mœurs païennes.' In the secular as well as in the ecclesiastical music of Russia there is an element of influence which is purely Hellenic.

When national poetry blossomed in Russia at the beginning of the nineteenth century, it revealed certain qualities and characteristics of its own which are different from what we find in the verse of other European nations, but in some respects singularly like the qualities which are peculiar to the verse of ancient Greece. In writing on the nature of Greek beauty Professor Gilbert Murray, in *The Legacy of Greece*, says: 'It is not a beauty of ornament;

it is a beauty of structure, a beauty of rightness and simplicity. . . Greek poetry is statuesque in the sense that it depends greatly on its organic structure; it is not in the least so in the sense of being cold or colourless or stiff. But Greek poetry on the whole has a bareness and severity which disappoints a modern reader, accustomed as he is to lavish ornament and exaggeration at every turn. It has the same simplicity and straightforwardness as Greek sculpture. The poet has something to say and he says it as well and truly as he can in the suitable style, and if you are not interested, you are not.'

And in the same volume Mr. R. W. Livingstone says: 'If a reader new to the classics opened Thucydides, his first impression would probably be one of jejuneness, of baldness. If, fresh from Shelley or Tennyson, he came across the epigram of Simonides on the Spartan dead at Thermopylae,

> ὦ ξεῖν', ἀγγέλλειν Λακεδαιμονίοις ὅτι τῇδε
> κείμεθα, τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι,

he might see little in it but a prosaic want of colour. This exceeding simplicity or economy is a stumbling-block to those who are accustomed to the expansive modern manner. Yet such a reader would have been making the acquaintance of some of the finest things in Greek literature, which is always at its best when most simple, and he would have been face to face with a characteristic quality of it.'

Almost exactly the same thing could be said of the student who, fresh from the western European languages, approaches Russian verse for the first time, and in writing on the salient characteristics of Russian poetry, fourteen

years ago, in a book called *Landmarks in Russian Literature*, I made the same point about Russian poetry as the two scholars I have quoted make about the poetry of the Greeks. I can but quote what I wrote then, as this broad summary of the main qualities of Russian poetry has been approved by Russian critics, and indeed translated into Russian:

'It is in Russian poetry that the quality of Russian realism is perhaps most clearly made manifest. Any reader familiar with German literature will, I think, agree that if we compare French or English poetry with German poetry, and French and English Romanticism with German Romanticism, we are conscious, in approaching the work of the Germans, of entering into a more sober and more quiet dominion; we leave behind the exuberance of England; "the purple patches" of a Shakespeare, the glowing richness of a Keats, the soaring fancies of a Shelley, the wizard horizons of a Coleridge. We leave behind the splendid sword-play and gleaming decision of the French: the clarions of Corneille, the harps and flutes of Racine, the great many-piped organ of Victor Hugo, the stormy pageants of Musset, the gorgeous lyricism of Flaubert, the jewelled dreams of Gautier, and all the colour and the pomp of the Parnassians. We leave all these things behind, to step into a world of quiet skies, rustling leaves, peaceful meadows, and calm woods, where the birds twitter cheerfully and are answered by the plaintive notes of pipe or reed, or interrupted by the homely melody, sometimes cheerful and sometimes sad, of the wandering fiddler.

'In this country it is true, we have visions and vistas of distant hills and great brooding waters, of starlit nights

and magical twilights; in this country, it is also true that we hear the echoes of magic horns, the footfall of the fairies, the tinkling hammers of the sedulous Kobolds, and the champing and the neighing of the steeds of Chivalry. But there is nothing wildly fantastic, nor portentous, nor exuberant, nor dazzling; nothing tempestuous, unbridled or extreme. When the Germans have wished to express such things, they have done so in their music; they certainly have not done so in their poetry. What they have done in their poetry, and what they have done better than any one else, is to express in the simplest of all words the simplest of all thoughts and feelings. They have spoken of first love, of spring and the flowers, the smiles and tears of children, the dreams of youth and the musings of old age—with a simplicity, a homeliness no writers of any other country have ever excelled. And when they deal with the supernatural, with ghosts, fairies, legends, deeds of prowess or phantom lovers, there is a quaint homeliness about the recital of such things, as though they were being told by the fireside in a cottage, or being sung on the village green to the accompaniment of a hurdy-gurdy. To many Germans the phantasy of a Shelley or of a Victor Hugo is alien and unpalatable. They feel as though they were listening to men who are talking too loud and too wildly, and they merely wish to get away or to stop their ears. Again, poets like Keats or Gautier often give them the impression that they are listening to sensuous and meaningless echoes.

'Now Russian poetry is a step farther on in this same direction. The reader who enters the kingdom of Russian poetry, after having visited those of France and England, experiences what he feels in entering the German region,

but still more so. The region of Russian poetry is still more earthy. Even the mysticism of certain German Romantic writers is alien to it. The German poetic country is quiet and sober, it is true; but in its German forests you hear, as I have said, the noise of those hoofs which are bearing riders to the unknown country. You have, too, in German literature, allegory and pantheistic dreams which are foreign to the Russian poetic temperament, and for this reason unreflected in Russian poetry.

'The Russian poetical temperament and, its expression, Russian poetry, does not only closely cling to the solid earth, but it is based on and saturated with sound common sense, with a curious matter-of-fact quality. And this common sense, which the greatest Russian poet, Pushkin, is so thoroughly impregnated with, is as foreign to German *Schwärmerei* as it is to French rhetoric, or the imaginative exuberance of England. In the Russian poetry of the early part of the nineteenth century, in spite of the enthusiasm kindled in certain Russian poets by the romantic scenery of the Caucasus, there is very little feeling for nature. Nature, in the poetry of Pushkin, is more or less conventional: almost the only flower mentioned is the rose, almost the only bird the nightingale. And although certain Russian poets adopted the paraphernalia and the machinery of Romanticism (largely owing to the influence of Byron), their true nature, their fundamental sense, keeps on breaking out. Moreover, there is an element in Russian Romanticism of passive obedience, of submission to authority, which arises partly from the passive quality in all Russians, and partly from the atmosphere of the age and the political order of the

beginning of the nineteenth century. Thus it is that no Russian Romantic poet would have ever tried to reach the dim pinnacles of Shelley's speculative cities, and no Russian Romantic poet would have uttered a wild cry of revolt such as Musset's "Rolla". But what the Russian poets did, and what they did in a manner which gives them a unique place in the history of the world's literature, was to extract poetry from the daily life they saw around them, and to express it in forms of incomparable beauty. Russian poetry, like the Russian temperament, is plastic. Plasticity, adaptability, comprehensiveness, are the great qualities of Pushkin. His verse is "simple, sensuous, and impassioned"; there is nothing indistinct about it, no vague outline and no blurred detail; it is perfectly balanced, and it is this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense, which reminds the reader of Greek art when he reads Pushkin, and gives us the impression that the poet is a classic, however much he may have employed the stock-in-trade of Romanticism.

'Meredith says somewhere that the poetry of mortals is their daily prose. It is precisely this kind of poetry, the poetry arising from the incidents of everyday life, which the Russian poets have been successful in transmuting into verse. There is a quality of matter-of-factness in Russian poetry which is unmatched; the same quality exists in Russian folklore and fairy tales; even Russian ghosts, and certainly the Russian devil, have an element of matter-of-factness about them; and the most Romantic of all Russian poets, Lermontov, has certain qualities which remind one more of Thackeray than of Byron or Shelley, who undoubtedly influenced him.'

The passage which I have just quoted is, I repeat, a generalization, and, like all generalizations, it lays stress on one side to the exclusion of others, and it requires modification and qualification; but roughly, broadly, I am told by those Russians whose literary judgement I respect and believe in, that it is true.

It is certainly true of the great poets who heralded the dawn of the new age at the beginning of the nineteenth century in Russia.

III

Krylov's first Fables appeared in 1806, and he went on writing fables till he died in 1844. His earliest fables were translations from La Fontaine. Their success encouraged him to translate others from the French or to adapt from Aesop or other sources, but as time went on he invented fables of his own. At his death he left two hundred fables, of which one hundred and forty are original. His translations are often as successful as his original work, and they are re-creations rather than translations. Krylov was a satirist with a fund of the shrewdest sense—*le gros bon sens*; but, like La Fontaine, he was not only a poet but a poet of nature. His imagery, the machinery of his verse, is conventional; he uses zephyrs, nymphs, gods, and demi-gods, but he breathes a new life into these outworn forms. In speaking of a cornflower he will recall Aristophanes; in his fable of the eagle and the spider he will give you a vista as from an aeroplane, an airscape; and he can evoke the nightingale's song no less magically than Keats. He is a master of the *Volkston* and his fables abound in native proverbial turns of speech, and many of the

phrases he himself coined have become part of the Russian language.

Compared with La Fontaine he is a more careless and a less spontaneously finished artist; at times he seems heavy beside the French fabulist, slovenly and even clumsy, but the two poets have many qualities in common, and chiefly that of being popular. Pushkin said Krylov was 'le plus populaire de nos poètes'.

Up to the beginning of the nineteenth century a superstition had reigned in the Russian literary world that the literature of France was the only literature that counted. This superstition was exploded by Zhukovsky (1783–1852). He opened the door on the kingdoms of German and English poetry. He translated Gray's *Elegy* twice—the second version, written after a visit to Stoke Poges, will be found in this book—and the ballads and lyrics of Bürger, Uhland, Hebbel, Schiller, and Goethe. It is no exaggeration to say he is the first and best translator in European literature; he re-created and made his own what he touched, and being a master of technique and a 'lord of language' second only in Russian poetry to Pushkin, he finished the work of attuning the instrument of Russian verse, and made it ready for a poet of genius to take and play upon it and to master its whole gamut.

The moment demanded a man, and the man came. His name was Pushkin. He was born in 1799 at Moscow, of ancient lineage, with a streak of Abyssinian blood on his mother's side. Of all Russian writers both of verse and prose Pushkin is the one whom the Russians admire most. V. Soloviev said he would give the whole of the works of Tolstoy for an unpublished poem of Pushkin. Turgenev

said there were four lines of the 'Conversation between the Bookseller and the Poet'[1] he would gladly have burnt all his work to have written. Some of his prose works (and his prose has the same excellence and the same qualities as his verse—for his verse is, as a Frenchman said of some one else, 'beau comme de la prose') have been admirably translated by Prosper Mérimée, but his verse is little known outside Russia, because it is untranslatable.

Dr. Johnson said we learn foreign languages and dead languages because of their poetry, which we cannot taste without reading them in the original, and it is worth while learning Russian simply for the sake of reading Pushkin.

The fundamental moral characteristic of his genius, of the substance and groundwork of his genius, was his power of understanding. There was nothing which he could not understand. Dostoyevsky called him *πανάνθρωπος*, and it is this capacity for understanding everything and everybody, for being able to assimilate anything, however alien, that makes him so profoundly Russian. So much for his substance, '*pour le fond*'.

As to his form, his qualities as an artist can be summed up in one word, he is classic. Classic in the same way that the Greeks are classic.

To quote Professor Murray once more, he had something to say and he said it as well and as truly as he could in the suitable style. Suitable, yes, but that is *meiosis*;

---

[1] Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.

it is a huge understatement of the case. Supremely appropriate and inevitable would be the more accurate description, and never, as the aesthetic Lady says in Gilbert's *Patience*, 'supremely all-but'. His themes were often romantic, but romanticism to Pushkin was only a means to an end; a mask through which he could try the pitch of his voice and cast aside as soon as he was sure that he had attained it.

Pushkin is remarkable because he combines gifts that are rarely met with in conjunction: the common sense, the reality, the detachment, and the finish of a Miss Austen; the swiftness and masculinity of a Byron; and the form, the lofty form, easy withal and perfectly natural, of a Racine; reaching at times, and should it be necessary, the sublimity of a Milton. When he wants to, Pushkin can 'build lofty rhyme' with the greatest. He is, in a word, the Mozart of poetry: he can be as light as Figaro and as tremendous as the chords of the *Commendatore* or the message of the *Requiem*; and to translate his poems into another language is as hopeless a task as it would be to try to transmute the melodies of Mozart into another medium, into colour or stone. It is for this reason that Pushkin, perhaps more than all other Russian poets, is akin to the Greeks. Pushkin lisped in numbers like Pope; fame came to him as easily as the power of writing verse. His genius met with immediate recognition from his contemporaries, and the new accent which can be heard so distinctly in his early work was instantly acclaimed. When the first of his poems which sought the suffrages of the general public, namely, 'Ruslan and Ludmila', was published in 1820, it was received with enthusiasm by the public, and Pushkin's reputation was

definitely sealed. But the poem itself, although Pushkin borrowed the subject from Russian folklore, was still an offspring of French influence. When the second edition was published eight years later, Pushkin added a prologue to it in his finest manner, which will be found in this book. In 1820 Pushkin was banished to the south of Russia. His exile lasted six years, two years of which were spent on his own estate. This temporary banishment ripened and matured his genius and provided him with new subject-matter. He learnt Italian and English, and came under the influence of André Chénier and Byron. The influence of Byron is discernible in a long poem, 'The Prisoner of the Caucasus'. Byron helped Pushkin to emancipate himself from the influence of France and opened his eyes to a new world, but the methods of the two poets are radically different, and Pushkin cannot be said ever to have imitated Byron. Pushkin derived his inspiration from his own country, which he discovered during his banishment to it. It was during this period that he wrote some of his finest lyrics, notably the 'Conversation between the Bookseller and the Poet'; also a longer poem called 'The Gipsies', and his dramatic chronicle, 'Boris Godunov'. Byron's influence was followed by that of Shakespeare. It was Shakespeare's influence that led Pushkin to try the historical drama. In 'Boris Godunov' both the tragic and the poetical scenes and those that depict common life are vivid, and the characters live, but Pushkin, like Goethe, lacked the gift of stage architectonics and the optics which are necessary for successful stage-craft. So his play, though a dramatic poem of the highest order, is not an acting drama. It was published in 1831 and passed

almost unnoticed. In 1828 Pushkin wrote his 'Poltava', of which the subject is Mazeppa and which in reality is the epic of Peter the Great. In 1831 he finished the eighth and last canto of his 'Evgenie Oniegin'. This is his best-known and perhaps his most characteristic work, for, with the publication of 'Oniegin', Pushkin conquered a new kingdom; so far he had written the best Russian verse and the best Russian prose; in writing 'Oniegin' he created the Russian novel. 'Oniegin' is a story of contemporary life told in verse, a novel in verse, the first Russian novel and the best. It has the ease of Byron's 'Don Juan', the reality of Fielding and Miss Austen, and nevertheless, when the situation demands it, it rises and takes on radiance and expresses poetry and passion. It contains one of the great confessions of love in poetry, a performance without parallel because only a Russian could have written it, and of Russians only Pushkin. It has the perspicuity of a crystal sphere, a liquid spontaneity, as of a blackbird's song. Pushkin in his 'Oniegin' succeeded in doing what Shelley urged Byron to do, in creating, that is to say, something new, and in accordance with the spirit of the age. 'Oniegin' has been compared to Byron's 'Don Juan', but the only resemblance between the two poems is that they both deal with contemporary life, and in both poems there are rapid transitions from the grave to the gay and from the lively to the severe, and the author frequently breaks off the narrative to make digressions. 'Oniegin' is an organic whole with a well-constructed plot: a beginning, a middle, and an end, so that it makes an admirable libretto for an opera. In the workmanship, the standard of 'Oniegin' is higher than that of 'Don Juan', for, although Pushkin

is just as spontaneous a writer as Byron, he is at the same time an impeccable artist and cannot drop a stitch, strike a false note, or blur an outline. Later on, Pushkin sought the province of Russian folklore and wrote some admirable fairy tales which are as homely as those of Grimm. But throughout his whole career he continued to pour out a stream of lyrics and occasional pieces, many of which are among the most beautiful of his poems. The width of his range is astonishing. Pushkin will sometimes write lines which have the grace of a Greek epigram, at other times he will write a poem as bitter and as passionate as the most packed of Shakespeare's sonnets, or he will write you an ode blazing with indignant patriotism, or a description of a winter's drive, or an autumn morning, or a lofty prayer, a playful or a tender love poem, a finished Horatian ode, or a lyric as galloping as any of those of Byron. He understood the hearts of all men, and because he understood the hearts of men, of whatever nation and of whatever race, he understood the Russian heart better than any of his countrymen. He loved his people for what they were, and as they were; and he told the story of the soul of his people in the cadence of his words and the lilt of his songs. In his verse you can hear the *troika* circling, blind and bewildered in the blizzard; you can feel the shadow of Peter the Great; you can peer into the crystal of the heart of the Russian woman; you can hear his old nurse crooning the fairy tales that were told when Rurik came over the sea. You can watch in the silence of the night the sleepless soul gazing at the blurred and blotched scroll, the smeared chronicle of its past deeds, powerless with all the tears in the world to wash away the written characters, and you can read in eight short lines

an expression of the inexpressible: the declaration of love of all the unhappy lovers in the world. But perhaps the greatest of his short poems is 'The Prophet', and even a rough prose translation gives some idea of the imaginative splendour of the poem, although of course none of the infinite range and suggestion of its sonorous music, none of its perfectly planned and magnificently close utterance. I print this translation here simply in the hope of stimulating in some reader the desire to learn Russian so as to read this poem in the original.

The Prophet

'My spirit was weary and I was athirst, and in the dark wilderness I went astray. And a seraph with six wings appeared to me at the crossing of the ways: And he touched my eyelids and his fingers were as soft as sleep: and my prophetic eyes were awakened like those of a startled eagle. And the angel touched my ears and he filled them with noise and with sound: and I heard the Heavens shuddering, and the flight of the angels in the height, and the moving of the beasts under the waters, and the noise of the growing vine in the valley. He bent down over me and he looked upon my lips; and he tore out my sinful tongue, and he took away all idle things and all evil with his right hand, and his right hand was dabbled with blood; and he set there in its stead, between my perished lips, the tongue of a wise serpent. And he clove my breast asunder with a sword, and he plucked out my trembling heart and in my stricken breast he set a live coal of fire. Like a corpse in the desert I lay. Then the voice of God called out and said unto me: "Prophet, arise, and take heed, and hear. Be filled with My Will and

go forth over the sea and over the land, and set light with My Word to the hearts of the people."'

Pushkin is Russia's national poet. He emancipated the Russian language from the bondage of the conventional. He is above all things a lyrical poet and a realistic poet. He revealed to the Russians the beauty and charm of their own country, the goodness of their own people, and the beauty of their own folklore. He was a great artist, and fundamentally a classical artist, although he handled romantic themes in a romantic manner at the beginning of his career. He was gifted with divine ease, and, since his expression is inseparable from his thought, his work is, as I have already said, untranslatable. To appreciate Pushkin it is necessary to learn Russian.

Pushkin died comparatively young at the age of thirty-eight in 1837. As Schiller says:

> 'Nimmer, das glaubt mir,
> Erscheinen die Götter—
> Nimmer allein.'

Pushkin's successor was Lermontov, who was born at Moscow in 1814. After a brief, troubled, and unsatisfactory career, in which temporary periods of exile to the Caucasus were the brightest and most profitable events, he was killed in a duel which was fought over a trivial incident in 1841. Lermontov achieved fame through his 'Ode on the Death of Pushkin', in which he struck strong and bitter chords: a note which he was to strike several times, notably in the poem called 'A Thought' and in another which has for subject the transfer of Napoleon's body to Paris. But it is not in such poems that you will find Lermontov at his most characteristic. Lermontov

is a romantic poet. He sought out his own path and remained in it. He chose certain themes in his youth and he clung to them. His most widely known poem is 'The Demon', which tells of the love of a demon for a woman. The subject is as romantic as any that might have been chosen by Byron or Moore, but Lermontov's poem is as fresh to-day as when it was written. The poem contains magnificent descriptions of the Caucasus. He wrote other romantic tales in which he made experiments with his brush and his colours until, in 'Mtsyry' (the Novice), he produced a finished picture. In this tale of a Circassian orphan Lermontov reaches the high-water mark of his descriptive powers. The pages and the lines glow like jewels. Although Lermontov was a romantic—and he felt Byron's influence more deeply than Pushkin—his treatment of romantic themes is that of a realist. Like Pushkin, he is a lyric poet, and profoundly original, subjective, and self-centred. His descriptions—and here Shelley's influence is said to be discernible—however magnificent, are always concrete and sharp; he can be the most unadorned, truthful, and vivid of all Russian poets at times. In fact, he succeeds in writing a poem or presenting a situation without any exaggeration, emphasis, imagery, or metaphor, in the very language of everyday conversation, and at the same time achieving poetry of the highest, most 'inevitable' order. This was Wordsworth's ideal, but whereas Wordsworth constantly relapses into 'poetic diction', Lermontov never does. For instance, Lermontov would never call a spade a 'tool of honour', he would simply call it a spade, and if he wrote a poem about a spade it would be poetical, in spite of the fact, perhaps because of it. Lermontov, again, could never

have expressed himself in diction equivalent to a line of Wordsworth's, such as

> 'Whence comes', said I, 'this piteous moan?'

or addressed a child as follows,

> 'My child, in Durham do you *dwell*?'

Lermontov would have used the Russian equivalent for *live* instead of *dwell*, and yet he would have achieved poetry. His diction is far more like that of everyday life than that of Wordsworth, and yet his verse is never prosaic.

The best examples of Lermontov's gifts at their finest are, of his long poems, the 'Song of Tsar Ivan Vasilievich the *Oprichnik* (bodyguardsman) and the Merchant Kalashnikov'; and among his shorter poems, 'The Testament', where a wounded officer gives his last instructions to a friend who is going home on leave, or his account of the battle of Borodino as told by a veteran. His short lyrics, many of which are included in this volume, every Russian child used to know by heart. A prose translation of 'The Testament' will give an idea of the way in which Lermontov handles a subject:

The Testament

'I want to be alone with you, my friend, just for a moment. They say I have not long to live and you will soon be going home on leave. Well, look . . . but why? There is not a soul over there who will be greatly troubled about my fate.

'And yet, if some one were to ask you, whoever it might be, tell them a bullet hit me in the chest and say

that I died honourably "for king and country", that our doctors are fools and that I send my best love to the old country.

'My father and my mother you will scarcely find alive, and to tell the truth it would be a pity to make them unhappy, but if one of them should still be living, say that I am bad at writing, that they sent us to the front and that they need not wait for me.

'We had a neighbour . . . as you will remember, I and she—how long ago it is—we said good-bye! She will not ask after me. But no matter, tell her everything, do not spare her empty heart, let her have her cry, tears cost her nothing.'

Lermontov only left behind him one poet: the greatest of Russian folk-poets, Koltsov. There followed in Russian literature an epoch of prose: Gogol, the Westerners and Herzen; and the Slavophils. Among the latter was a poet, the patriot Khomyakov.

Then came the age of the great novelists, Turgeniev, Goncharov, Saltikov (the satirist), Tolstoy, Dostoyevsky, and Leskov. The neglect of verse in Russia lasted right until the end of the 'seventies, but after a wave of political crisis which reached its climax with the assassination of Alexander II, reaction and stagnation set in, the poets were rediscovered, and many who had been quietly singing from the 'sixties onward were appreciated once more. Among these the most important is Tyutchev, whose work was unnoticed (except by men of genius such as Tolstoy and Turgenev) until 1854, and met with no appreciation until a great deal later. He went on living until 1873 and was the greatest poet of his day, which happened to be the Parnassian period, for in Russia, as

in the rest of Europe, there was a Parnassian period which corresponded to the epochs of Parnassian poetry in England and France. I am using the words 'Parnassian' and 'Parnassus' in the widest sense of the words. In the sense I am using it, it would include Tennyson (although he wrote political poems and on current subjects) as well as Rossetti and Swinburne: Verlaine as well as Leconte de Lisle (Verlaine began by being a Parnassian), and Sully Prudhomme (although he wrote a great many didactic poems) as well as Heredia. Tyutchev, for instance, although his work was first noticed in this period, was not a Parnassian. He preceded the epoch and might be said to have affinities with the German Romantic School. He also wrote a great many political poems. But in the poems of the remaining writers of the 'fifties and 'sixties, even the works of those who are most unlike French or English poets, there is a note that in an undefinable way reminds one of the contemporary verse of the period of all other European countries, and which is post-Romantic and 'Parnassian' in quality. It may be objected that the word *Parnassian* is here a misnomer, and that it is absurd to include in one and the same category poets as widely different as Sully Prudhomme and Verlaine, Tennyson and Browning and Swinburne. But it must be remembered that time throws a startling light on the past, and that under its mellowing and dissolving influence books and works of art which at one time seemed so strangely dissimilar, suddenly seem to belong unmistakably to one given period and become strangely alike. People once cut their throats over the difference between the music of Gluck and Piccini; to our ears it is now difficult to perceive any difference between

the 'date' of their respective work; and the time will perhaps come when it will be difficult to detect much difference between the lyrics of Byron, Shelley, and Wordsworth, or even—I admit that this at present seems wildly improbable—between those of writers who appeared to their contemporaries as startlingly different as Browning, Tennyson, and Patmore. However this may be, in Russia there was a Parnassian epoch, and the Russian Parnassians varied perhaps less from one another than those of France and England. The Olympian calm and the serene slopes of the Russian Parnassus were disturbed by a stern and disturbing visitor in the shape of Nekrasov (1821–1877)—a poet of the first rank. Nekrasov sang the life of the people, the peasants' life, with power and with authority and without any idealization. He is not unlike the English poet Crabbe, and, like Crabbe, he has a keen and marvellous eye for landscape, a gift of unsentimental pathos, an uncompromising brush and palette, and a strong transparent sincerity. He reaches at times to imaginative sublimity in his descriptions, especially in his poem called 'The Red-nosed Frost', where King Frost comes to a peasant woman who is at work in the wintry forest and freezes her to death. The passage will be found in this volume.

The best-known of the Parnassians proper are Maikov (1821–1897), Fet (1820–1892), and Polonsky (1820–1898). All three of these began to write in the 'forties: they all three paid great attention to form. All three were typical Parnassians. They had no didactic message and they remained aloof from political and social questions. Of the three, Maikov is the most concrete. He was drawn towards classical themes; Italy and old ballads fascinated

him. His verse is plastic and coloured. He paints Russian landscape and evokes reminiscences of childhood in fresh and vivid colours. Fet, on the other hand, lives in another world, he is farther removed from reality. His muse is elusive. His delicate lyrics express the intangible: overtones, echoes, flickering shades, half-tints. His verse is iridescent like a shell with an orient tint, and soft and delicate as a petal of blossom. 'Men che di rose e più che di viole.' He has something in common with the French poet Albert Samain, and something which sometimes reminds one of Verlaine. Indeed his verse observes the canon and fulfils the standard of Verlaine's *Ars poetica*:

> 'Pas la Couleur, rien que la nuance!
> Oh! la nuance seule fiance
> Le rêve au rêve et la flûte au cor!'

Polonsky is nearer to the earth; he has a wide range of subjects and his lyrics have sometimes a dramatic quality. His verse is above all things musical and reflects the charm of his personality. Of these three poets he is perhaps, considering the whole of his production, the most remarkable. But in the Parnassian group there is another lyrical poet who is more important than these: Count Alexis Tolstoy (1817–1875). He wrote a noble trilogy of historical plays on the subject of Ivan the Terrible and many beautiful lyrics, Tennysonian in their tenderness but entirely Russian in their 'touch', accent, and naturalness. One of the most characteristic examples of his nature poems and a matchless rendering of Russian landscape is No. 132 in this book:

> По гребле неровной и тряской,
> Вдоль мокрых рыбачьих сетей.

Through the slush and the ruts of the roadway—
By the side of the dam of the stream;
Where the wet fishing-nets are drying,
The carriage jogs on, and I muse.

I muse and I look at the roadway,
At the damp and the dull grey weather,
At the shelving bank of the lake,
And the far-off smoke of the villages.

By the dam, with a cheerless face,
Is walking a tattered old Jew.
From the lake, with a splashing of foam,
The waters rush through the weir.

A little boy plays on a pipe,
He has made it out of a reed.
The startled wild-ducks have flown,
And call as they sweep from the lake.

Near the old tumbling-down mill
Some labourers sit on the grass.
An old worn horse in a cart
Is lazily dragging some sacks.

And I know it all, oh! so well,
Though I never have been here before,
The roof there, far away yonder,
And the boy, and the wood, and the weir,

And the mournful voice of the mill,
And the crumbling barn in the field—
I have been here and seen it before,
And forgotten it all long ago.

This very same horse plodded on,
It was dragging the very same sacks;
And under the mouldering mill
The labourers sat on the grass.

And the Jew, with his beard, walked by,
And the weir made just such a noise.
All this has happened before,
Only, I cannot tell when.'

But the poem in which he rises to greatest heights is 'Tropar', an imitation of the ἰδιόμελα of St. John Damascene, which is a part of the funeral service of the Eastern Church blent with other motifs from the same service. Here is a prose translation of it:

Hymn

'What joy does this life possess that is not mingled with earthly sorrow? What hope is not in vain and where among mortals is there one who is happy? Of all the fruits of our labour and toil there is nothing which shall endure nor anything of any value. Where is the earthly glory that shall remain and pass not away? All things are but ashes, phantom, shadow, and smoke. Everything shall vanish as the dust of a whirlwind; and face to face with death we are unarmed and without defence; the right hand of the mighty is feeble and the commands of kings are as nothing. Receive, O Lord, Thy departed Servant into Thy happy dwelling-place!

'Death, like a furious knight-at-arms encountered me, and like a robber he laid me low; the grave opened its jaws and took away from me all that was alive. Save yourselves, kinsmen and children. I call to you from the grave. Be saved, my brothers, my friends, so that you behold not the flames of hell! Life is a kingdom of vanity, and as we breathe the corruption of death, we wither away like flowers. Why do we toss about in vain? Our thrones are nothing but graves and our palaces but ruins.

Receive, O Lord, Thy departed Servant into Thy happy dwelling-place!

'Amidst the heap of rotting bones, who is king or servant or judge or warrior? Who shall deserve the Kingdom of God, and who shall be the outcast and the evil-doer? O brothers, where is the gold and the silver, where are the hosts of servants? Among the forgotten graves who is the rich man and who is the poor man? All is but ashes and smoke, and dust and mould, phantom and shadow and dream; only with Thee in Heaven, O Lord, is there refuge and salvation; all that was once flesh shall disappear and our pomps shall fall in decay. Receive, O Lord, Thy departed Servant into Thy happy dwelling-place!

'And Thou who dost intercede on behalf of us all, Thou the defender of the oppressed; to Thee, most blessed among women, we cry on behalf of our brother who lies here. Pray to Thy Divine Son, pray, O most Immaculate, for him: that having lived out his life upon earth, he may leave his sorrow behind him. All things are but ashes, dust and smoke and shadow. O friends, put not your faith in a phantom! When, on some sudden day, the corruption of death shall breathe upon us, we shall perish like wheat, mown down by the sickle in the cornfields. Receive, O Lord, Thy departed Servant into Thy happy dwelling-place!

'I follow I know not what path; half in hope and half in fear I go; my sight is dimmed, my heart has grown chill, my hearing is faint, my eyelids are closed; I am lying voiceless and I cannot move, I cannot hear the wailing of the brethren, and the blue smoke from the censer brings to me no fragrance; yet, until I sleep the

eternal sleep, my love shall not die, and in the name of that love I implore you, O my brothers, that each one of you may thus call upon God: "Lord, on that day, when the trumpet shall sound the end of the world, receive Thy departed Servant into Thy happy dwelling-place!"'

In the 'eighties, Nadson (1862–1887), who died at the age of twenty-four of consumption, left behind him a legacy of verse which enjoyed an almost incredible popularity. His verse is at times magically musical, but ultra-morbid, super-delicate, and, to the taste of a later day, mawkish. After Nadson came the so-called 'Decadent' School, in which the influence of Shelley, Verlaine, the French Symbolists, and Edgar Allan Poe made itself felt. This school produced two remarkable poets: Valery Bryusov and Alexander Blok. The latter, who died in Russia during the Russian Revolution, started as an exquisite and ended as a great poet, as will be seen from the extracts quoted in this book. His most famous poem, and the masterpiece of modern Russian poetry, 'The Twelve', which is a vision of Bolshevism and amazingly impressive—especially if one hears it read out—is too long for quotation in this volume, but it will be seen from a poem called «На поле Куликовом» (No. 158) how poignant a note he is able to strike.

In spite of the War and the Revolution, perhaps because of them, Russian poetry has continued and is continuing to flourish, but as this book was compiled at the beginning of the War, and I have since then had no access to modern Russian literature, I have not attempted, with one exception, to deal with Russian poetry of the present day. Those who wish to get an idea of contemporary Russian verse cannot do better than consult

Prince Dmitri Sviatopolk-Mirsky's anthology,[1] *Russkaia Lyrika*, published in Paris, where, among other interesting things, he will become acquainted with the work of a remarkable poetess, Anna Akhmatova.

IV

I have said that Russian poetry resembles Greek poetry in its absence of ornament, its beauty of structure, of rightness and simplicity. Lomonosov, in speaking of the Russian language, said that it possessed the vivacity of French, the strength of German, the softness of Italian, the richness and concision of Greek and Latin. The Russian language in the hands of an artist such as Pushkin reminds one constantly of Greek art. Pushkin's eight lines (No. 33 in this anthology) could only have been written either in Russian or in Greek:

Я вас любил; любовь еще, быть-может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

'I loved you and it may be that my love within my soul has not yet altogether died away; howbeit, it will not trouble you any more, I do not wish to sadden you in any way. I loved you in silence and without hope, worn out now with jealousy and now with shamefastedness;

[1] Paris, 'Presse Franco-Russe', 1924. 216, Bd. Raspail.

I loved you so truly and so tenderly as may God grant you may be loved by some other one.'

Pushkin, moreover, at times has the simplicity and the power of evoking a whole picture in one line without ornament or epithet, such as we find only in Homer. For instance, in a speech from his tale, 'The Miserly Knight', there is a line which in Russian is:

И море, где бежали корабли.

(I morye gdye bezhali korabli.)

The literal translation is 'and the sea where the ships were scudding'. The Russian line evokes without a single epithet a whole picture. Swinburne praises Tennyson for what he calls a triumph of evocation and accurate observation in the line:

'and white ships flying on the yellow sea',

but in Tennyson's line there are two epithets. Pushkin achieves a still more vivid picture without mentioning a colour or a shade, by the perfect lilt and appropriateness of his words and his rhythm, and by the movement and accent of the particular verb employed. Although the other Russian poets do not attain to Pushkin's matchless standard, nevertheless in all Russian poetry from Derzhavin down to the poets of the present day, we find the same unique quality of naturalness and sincerity; the same love of realism, that is to say, of reality, the same absence of unnecessary ornament. All these qualities can be said to be Greek in their essentials, but Russian poetry has, in its subject-matter, qualities which are widely different from anything that is to be found in

Greek literature, qualities which, in fact, were unknown to the ancients and which only came to the world with Christianity. Russian poetry expresses the Russian soul. The method of expression may be Greek, but the quality expressed is essentially Russian and widely different from anything Greek in its essentials. What it expresses is a spiritual flame, a fraternal sympathy, a great-hearted wisdom—pity, love, an all-embracing charity:

> 'Infinite passion and the pain
> Of finite hearts that yearn.'

MAURICE BARING

1924

УСТНАЯ ПОЭЗИЯ

I *Былинные Зачины*

(I)

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днепровские.

(II)

Нам не дорого не злато да чисто се́ребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да как злато-то, се́ребро минуется,
Дорога наша любовь не позабудется.

(III)

Лесы темные, подходили леса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокия Сорочинския;
Чисты поля подходили ко городу ко Обскому;
Мхи да болота по Белу-озеру;
Реки-озера по Синю морю.
Была как тут матушка Волга река —
Широка и долга она —
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань.
Выпадала она устьем во Сине море,
В море Синее, во Турецкое.

2 *Прощание Дюка с Матерью*

Во славном во городе во Галиче,
Во той Кореле богатыи,
Не кувыль-трава шатается,
Не белая береза погибается, —
Сын со матушкой прощается,
А молодой боярин Дюк Степанович
Со честной вдовой Афимьей Александровной:
«Ай же, свет государыня-матушка,
Честная вдова Афимья Александровна!
Долго ли мне жить во глупом во малом во ребячестве,
Ходить мне дома по улице широкия,
С ребятами тешиться?
Пора мне съездить во чисто поле,
Поразломать мне своего плеча богатырского,
Спробовать силы-удачи молодецкие,
Разгонять мне бурушка косматого.»
Она ему говорит таковы слова:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Не бывал ты, молодец, во чистом поле,
Не слыхал ты писку и визгу Татарского,
Дела ратного, поездки богатырския:
Можешь ли вынести из чиста поля головушку?
Лучше бы ты ехал ко славному ко городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимеру:
Солнышко князь стольно-Киевский
На приезде заводит столованье—почестен пир
Для вас для удалых для молодцев,
На поезде он вас жалует
Многою несчетной золотой казной.» —

«Ай же, свет государыня-матушка!
Куда мне с бессчетной золотой казной?
Лучше я поеду во да́лече-дале́че во чисто поле,
Давай мне прощенье-благословенье родительско,
На веки не рушимое,
Благославляй меня во чисто поле.»

Алеша Попович

I

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по именю Алешенька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали:
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскучего,
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано?»
И скочил Еким со добра коня,

Посмотрел на каменю подписи,
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Друга дорога в Чернигов град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец, Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.»

II

А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимеру и княгине Апраксевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимер князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по именю зовут:
А по именю вам мочно место дать,
По изотчеству можно пожаловати.»
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного.»
Втапоры Владимер князь обрадовался,

Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь.»
Не садился Алеша в место большое,
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на полатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле его сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские,
Стали тут пить, есть, прохлажатися;
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские;
И нечестно Тугарин питья пьет,
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:
«Гой еси, ты, ласковой сударь, Владимер князь!
Что у тебе за болван пришел,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,

Тебе, князю, насмехается!
А у моего сударя, батюшка,
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И косью та собака подавилася.
Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!»
Тугарин почернел, как осення ночь,
Алеша Попович стал, как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носят ества сахарные.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!»
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую;
Говорит Алеша на полатном брусу:
«Гой еси, ласковой осударь, Владимер князь!
Что у тебе за болван сидит,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест,
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил!
У моего сударя, батюшка,

Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!»
Тугарин потемнел, как осення ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича;
Алеша на то-то верток был;
Не мог Тугарин попасть в него;
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в него, али мне велишь?»
«Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове.»

III

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли Алеша, конем стопчу,

Али тебя, Алешу, копьем заколю.»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мной о велик заклад,
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича.»
Оглянется Тугарин назад себя,
Втапоры Алеша подскочил, ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню
И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил середи двора княженецкого.
И увидел Алешу Владимер князь,
Пошел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы,
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимер князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне князю Владимеру,
До люби тебя пожалую!»
Втапоры Алеша Попович млад князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,

С молодым Змеем Тугаретиным!»
Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксеевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою.»
То старина, то и деянье.

4 *Неудавшаяся Женитьба Алеши*

I

Как во славном граде, в стольне Киеве,
Ай у ласкова князя у Владимера
Начинался стол, почесен пир.
Не от ветра палаты покачалися,
Не от вихоря ворота открывалися, —
Заходил в их Добрынюшка Микитич млад.
Как за им зашли князья все, многи бояра
Многи русскии могучии богáтыри.
Вполсыте оне да наедалися,
Вполпьяне оне да напивалися,
Оне все на пиру да порасхвастались.
Уж как тот тем хвастает, новóй новым:
Еще умной хвастат отцом, матерью,
Ай безумной хвастат золотой казной.
Как Добрынька-ка хвастат молодой жоной,
Молодой Настасьей, дочерью Микуличной.
Оне все на пиру да росмехнулися,
Друг на друга на чесном да оглянулися,
Промежу собой разговор ведут:
«Видно, нечем уж Добрынюшке похвастати, —
Дак уж хвастает Добрынька молодой жоной,
Молодой жоной Настасьей, дочерью Микуличной!»

УСТНАЯ ПОЭЗИЯ

Не ясён сокóл с теплá гнезда солятывал,
Не белóй кречет с теплá гнезда сопархивал, —
Соходил-ли тут да сам Владимер князь
Со своего места с княженецкого.
Он по гридне столовыя похаживат,
Сам таки он речи поговариват:
«Уж как все-ти добры молодцы росхвастались;
Мне-ка нечем, князь-Владимеру, похвастати.
Как во далече, далече во чистом полй
Там летат Невежа черным вороном,
Уж он пишет мне-ка со угрозою,
Уж он кличет-выкликает поединшика.
Мне кого послать с Невежой биться-ратиться,
Очищать дороги прямоезжия,
Постоять на крепкиих заставушках?»
Уж как бóльшой-от туляится за среднего,
Еще средней-от хоронится за меньшого;
Ай от меньшого Владимеру ответу нет.
Из-за заднего стола-та белодýбова
Вышол первой богатырь наш граду Киеву,
Еще старой казак да Илья Муромец.
С ним по гридне столовыя похаживат,
Он такие речи поговариват:
«Я теперь недавно из дорожочки.
На заставушках стоял целых двенадцать лет,
Как Невежа, черной ворон, не казал мне глаз.
Кабы видел я Невежу, черна ворона,
Пострелил бы я собаку из тугá лука.
Нам послать было Добрынюшку Никитича:
Он защита будет граду Киеву,
Оборона будет нашой крепости.»
Выпивал Добрынька чару зеленá вина,

Не большую пил, не малу — полтора ведра.
Как покончили почесен пир, пошел с пиру,
Он невесёл пошел и нерадосен.
Приходил в полаты в княжецкия,
Как не белая березка к земли клонится,
Не зеленыя листочки расстилаются, —
Припадат Добрыня к своей матушки:
«Уж ты вой еси, матушка родимая,
Ты честна вдова Офимья Олександровна!
Ты почто меня бесчастного споро́дила,
Ай почто ты бесталанного отро́дила.
Породила бы меня ты, ро́дна матушка,
Лучше маленьким катушим серым камешком,
Завернула бы меня да в полотенышко,
Опустила в глубину, на дно-синё-море.
Там лёжал бы я о́т веку до́ веку;
Буйны ветры хоть меня да не завеяли,
Добры люди про меня де не забаяли;
Дак не ездил бы я да по святой Руси,
Не губил бы я да християнцких душ,
Не слезил бы я да отцей, ма́терей.
Не вдовил бы я да жон моло́дыих,
Не сиротал бы я да малых детушок,
Ай тепере нать ехать во чисто́ поле,
На заставушках стоять целых двенадцать лет».

II

Тут не две утушки серые сплывалися,
Не две белые лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невестушка в одно место,
Плачут — обливаются,
Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются,

Приедучись не начаются.
Тут-то день-то за день как дождь дождит,
Неделя за неделей как трава растет,
Год-то за годом как река бежит:
Прошло тому времечки ровно три года,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Приходит смелый душечка Олеша Попович-то
К ним в палаты белокаменны,
Крест сполна кладал-то по писаному,
Поклоны вел по ученому,
Клонился на все четыре стороны,
Честной вдовы Намельфе Тимофеевной в особину,
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу,
Начал он забаивать и начал заговаривать.
Молоду Натальюшку в за муж подсватывать:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца во замужество;
Не будет Добрыня из чиста поля:
Вчерась прошла круглая неделюшка,
Как я приехал из чиста поля:
Видел во чистом поле Добрынюшку убитого,
Головкой он лежит во ракитов куст,
Ножками лежит опачей реку,
Ясные очи у польских у воронов повыклеваны,
Сквозь белую грудь травка повыросла.» —
Тут говорит она: «Ты поди-ка прочь, смелый Олеша Попович!
Не пойду я за тебя в за муж:
Надобно мне ждать Добрынюшку
Из чиста поля еще три года,
Всего на все будет шесть годов.»

Тут Олешенька да не весел стал,
Сам говорил Олеша таковы слова:
«Ай же, молода Наталья Микулична!
Хошь ты туляешься-виляешься,
За инного в за муж не достанешься,
Как будешь за мной во замужестве!» —
Сам пошел-то из полат-то белокаменных.
День-то за день как дождь дождит,
Неделя за неделей как трава растет,
Год-то за год как река бежит:
Прошло тому времени ровно шесть годов,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Опять приходит смелый Олеша Попович-то
К ним в палаты белокаменны,
Крест кладал-то по писаному,
Поклоны вел по ученому,
Клонился на все четыре стороны,
Честной вдовы Намельфе Тимофеевной в особину,
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу,
Начал он забаивать и начал заговаривать,
Молоду Наталюшку в за муж подсватывать:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца во замужество:
Не будет Добрыня из чиста поля.» —
Она ему говорит таковы слова:
«Ай же ты, смелый Олеша Попович!
Ты с добра поди с палат белокаменных:
Я прожила заповедь мужскую,
Я еще кладу заповедь да женскую на шесть лет,
Всего на все будет двенадцать лет;
Ежели не будет Добрыня через двенадцать лет,

Тогда будет у меня своя воля вольная,
Тогда хошь я вдовой живи, а хошь за муж поди;
Но мне не велено итти за тебя, за смелого Олешу Поповича,
Потому что ты пустохваст-то есть,
Пустым ты, Олеша, хвастаешь;
Мне не велено итти за молодого Чурило Пленкова;
Еще не велено итти ни за купца, ни за барина,
Ни за Московского гостя торгового:
Велено итти за Российского могучего богатыря,
«Чтобы наши жены богатырские доставались Российским богатырям»».

III

Залезал на печку на брусовую,
Вынимал он гуселышка яровчаты,
Уж он клал на колена молодецкия,
Уж он начал струночки натягивать,
Уж он начал по гуселькам похаживать,
Уж он стал на гуселышках выигрывать:
Уж он игрыши берет да со Царя́града,
Ай выигрыши ведет до града Киева.
Ай стоит Настасья за столом да белоду́бовым,
Худо видит вольный белый свет;
У ей слезы-то скачут из ясны́х очей,
Не в один скочили ру́чей — ровно в три ручья:
«Я была как за любимой-то державушкой,
У его были ведь эки же гуселышка,
Уж он так же по гуселочкам похаживал!»
Ай спрого́ворит Владимер стольне-киевский:
«Ай же ты, удала скоморошина!
Солезай со печки со брусовыя.

За твою игру за веселую
Я даю тебе три места три хорошиих:
Ай перво́ тебе место — подле меня,
Ай друго тебе место — супротив меня,
Ай третье тебе место — куда сам похошь.»
Не садился скоморошина подле князя,
Не садился он да супротив князя,
Он садился к Настасьи дочери к Микуличны.
Говорил скоморошина таковы речи:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимер стольне-киевский!
Ты позволь-ко мне-ка налить чарку зелена́ вина,
Поднести мне чарку, да кому я хочу.
Кому задумаю, кого пожалую.»
Говорит Владимер стольне-киевский:
«За твою игру да за веселую
На моем пиру да что ты хошь твори.»
Наливал он чарку зелена́ вина,
Подносил Настасьи дочери Микуличны,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Всю ты выпей чарочку до донышка;
Не допьешь до дна — дак не видать добра.»
Как брала Настасья чарку во белы руки,
Выпивала чарочку до донышка;
Подкотился какой-то ей злачён перстень.
Уж как видит Настасья дочь Микулична,
Что й была с Добрынькой в церквы божия,
Принимала с Добрыней по злату́ венцу, —
Выходила иза столов да белоду́бовых,
Она падала Добрыньки во резвы́ ноги:
«Ты прости меня, вины да виноватую!
Я наказу твоего да не исполнила.
Меня силой берут и неволею,

Не честью берут, не охотою,
Сватом был сам Владимер-князь,
Свахой Опраксия-королевична.»
Как спрого́ворит Добрынюшка Никитич млад:
«Не дивую я уму женскому:
Уж как бабей волос долог, а ум ко́роток:
Как дивую я брату-ту названому
Еще на имя Олешеньке Поповичу.
Да еще дивую князю я Владимеру:
У жива мужа да отымат жону!»
Уж как вышел Олеша за столов да белоду́бовых,
Уж он кланялся Добрыни во резвы ноги:
«Ты прости меня, вины да виноватого.» —
«Уж как в той вины да тебя бог простит,
А в другой вины я не прощу тебя:
Ты зачем ходил к родимой моей матери,
Приносил ей весточку нерадостну,
Досажал ее победно ретиво́ сердце?»
Уж он брал Олешу за жолты́ кудри;
Водит он его по гридине столовыя,
Уж он сам на гуслях да выговариват,
А Олеша тут поахиват.
Как от буханья не слышно было оханья.
Пригодился в беседы Илья Муромец;
Захватил Добрыню за могуты́ плеча,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Не убей ты за напраслину бога́тыря:
Хоть он силой-то не си́лен, а напу́ском смел.»
Тут Владимеру ко стыду пришло;
Потупил он ясны очи во кирпичен пол.
Брал Настасью Добрыня за белы́ руки.
И встречала Офимья Олександровна:

«Не красное солнышко повызошло,
Не мелкие звездочки рассыпались,—
Пришел Добрыня на широкий двор!»

5 *Гибель Богатырей*

I

Ай еще шли где туры подле сине море,
Да и поплыли туры за сине море,
Еще выплыли туры да на Буян остров
Да идут по Буяну да славну острову.
Ай как навстречу турица златорогая,
Златорогая турица да однорогая,
А им же турица родна матушка:
«Уж вы здравствуйте, туры да златорогие,
Златорогие туры да однорогие!
Уж вы где были, туры, да чего видели?»
«Уж мы были где, матушка, во Шахове
Да во славном-то городе во Ляхове;
А случилося итти нам мимо красен Киев град,
А мимо Божьюю-то церковь да Воскресенскую;
Уж мы видели чудышку пречудную:
Ай выходила девица да из Божьей церкви,
Выносила она книгу да на буйной главе,
Забродила в Непру реку по поясу
Да и клала тут книгу на сер горюч камень,
Она клала, читала да слезно плакала.»
А и говорит-то им матушка родимая:
«Уж вы глупые туры да неразумные!
А не девица выходила да из Божьей церкви, —
Выходила Божья Мати да Богородица,

Выносила она книгу да все Евангелье,
Забродила в Непру реку по поясу,
Она клала тут книгу на сер горюч камень,
Она клала, читала да слезно плакала:
Она слышит над Киевом невзгодушку.»

II

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася:
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев град
И хочет крашен Киев град в полон взять.
И брал он себе силы много множество:
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей;
И за всяким визирем по сту тысячей;
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия прекрасного,
И брал за ним силы войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счета не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля от войска потрясалася;
В конном топище красного солнца не видать было,
А светлый месяц от пару конного померкнул весь, —
Заметно было в городе во Киеве.
Дошла до Мамая славушка немалая,
Будто в том же городе во Киеве
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто все сильные богатыри

Во чисто поле разъехались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.

III

Во ту пору, во то времечко
Пошол старый по Киеву граду,
Нашол дружинушку хоробрую,
Того ли Потанюшку Хроменького;
Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьицам ко названным:
Во первых-то к Самсону Колыванову,
Во вторых-то к Дунаю Ивановичу,
Во третьих-то к Василию Казимирову,
Во четвертых-то к Михайлушке Игнатьеву с племянником,
Во пятых-то к Потоку Ивановичу,
Во шестых-то к Добрынюшке Никитичу,
Во седьмых-то к Алеше Поповичу,
Во восьмых-то к двум братьям двум Суздальцам.
Поехал Потанюшка во чисто поле,
Собрал всех удалых добрых молодцев.
Русских могучих всех богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
А славны добры молодцы соезжалися,
Ко тому ли Владимиру собиралися
И почали думу думати, совет советовать.
И начал старый у них спрашивати:
«Уж вы удалы добры молодцы!
Постоим-ка-ся мы за веру христианскую
И за те же за храмы за Божие,

И за те же за честные монастыри
И своею мы кровью горячею,
И поедем мы в далече чисто поле
На рать-силу великую,
Поедем мы все, покаемся.
А и ты, Владимир стольнокиевский!
Ты пошли-ка нам да во чисто поле
Сорок возов хлеба белого,
Да сорок возов хлеба черного,
Да сорок сороков зелена вина.
Уж как мы живы приедем из рать-силы великия,
Тогда вздумаем позабавиться,
И тогда не дошедши моим ребятам низко кланяйся;
А не приедем из того побоища Мамаева, —
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей,
И пройдет славушка про нас немалая.»

IV

Говорил же Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, Личарда слуга верная!
И зачем ты ходишь, и что тебе надобно,
И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
Из Киева идешь, али из Чернигова?»
«Иду же я из города из Киева.»
«А и что же ноне во Киеве-то деется,
Не знаешь ли то, добрый молодец,
И не слыхал ли ты да про старого?
Расскажи-ка ты мне, какой он ростом,
И сколь широк он плечьми?»
Отвечает тут калека переходная:
«Уж ты гой еси, Мамай, богатый царь!

Довольно видел я Илью Муромца.
Ты гляди на него все равно, как на меня же:
Ростом он умеренный, в плечах не широк был,
Лицо у него постное, пиво пьет он по стаканчику,
А вино-то пьет он всего по рюмочке,
А закусывает да по калачику.
У старого-то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая.»
А и тут Мамай да прирасхонулся:
«Напрасно же шла славушка великая про старого,
От востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли Мамая грозного:
Лучше меньше гонить бы силы-войска.
Еще есть-ко при мне Рославней Рославнеевич:
Приготовь-ка для него говядины быка зараз,
А зелена вина пивной котел,
А промеж глаз у него калена стрела.
А промеж плечами две сажени печатных.»
Ответ тут держит старый казак:
«Ты безумный богатый царь!
Как у нас-то во городе во Киеве,
Собирался у князя Владимира почестен пир;
А была у Владимира собака обжорлива,
По подстолью собака водилася,
Костьем-та собака подавилася;
Тут собаке и смерть пришла:
Не уехать, тебе, Мамай, от города от Киева,
Срубит у тебя стар казак буйну голову.»
Тут Мамаю за беду стало,
За великую досаду показалося,
И шиб старого вострым ножом.

А на то старый увертлив был, ухватку знал,
И ухватил старый вострый нож в белы руки,
И обратил старый острый нож,
И заколол старый Мамая и срубил ему буйну голову,
И разбил палачей множество,
И добрался до своего добра коня.
Скоро старый на коня вскочил,
И затрубил старый во турий рог;
И сомутилися у старого очи ясные,
И разгорелось у старого ретиво сердце;
Не увидел старый свету белого,
Не узнал старый ночи темныя;
И расходились у него плечи могучие,
И размахались руки белые,
И засвистела у него палица боевая,
И зачивкала его сабелька вострая.
И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поли быки кормленые,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого.
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на семена.
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трупья до облака.

V

Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутные плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупилися мечи наши булатные.»

И говорит Алеша Попович млад:
«Подавай нам силу нездешнюю:
Мы и с тою силою, витязи, справимся!»
Как промолвил он слово неразумное,
Так и явились двое воителей,
И крикнули они громким голосом:
«А давайте с нами, витязи, бой держать!
Не глядите, что нас двое, а вас семеро.»
Не узнали витязи воителей;
Разгорелся Алеша на их слова,
Поднял он коня борзого,
Налетел на воителей
И разрубил их пополам со всего плеча:
Стало четверо — и живы все.
Налетел на них Добрыня молодец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
Налетел на них Илья Муромец,
Разрубил из пополам со всего плеча:
Стало вдвое более — и живы все.
Бросились на силу все витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут,
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахались их плечи могутные,
Уходилися их кони добрые,

Притупились мечи их булатные:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Испугались могучие витязи,
Побежали в каменные горы,
В темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет;
Как подбежит другой,
Так и окаменеет;
Как подбежит третий,
Так и окаменеет.

С ТЕХ ПОР И ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

6

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, все обманывал:
«Полетим мы кукушка во темны леса,
Мы совьем ли кукушка тепло гнездо.
И мы выведем малых детушек,
Малых детушек соловьятушек.»
Молодец девицу подговаривал,
Подговаривал, все обманывал:
«Мы поедем девица во Казань город,
Как Казань город на краси стоит.
Казанка-речка медом протекла,
А малы ручьи зеленым вином.
По горам горам по высокиим
Лежат камни самоцветные,

По лугам лугам по зеленыим
Растет трава шелковая».
«Не обманывай доброй молодец,
Я сама знаю, про то ведаю,
Что Казань город на крови стоит,
А Казанка речка кровью протекла,
Малые ручьи горючими слезми.
По горам горам по высокиим
Лежат головы молодецкие,
Молодецкие все солдацкие.
По лугам лугам по зеленыим
Лежат кудри молодецкие,
Молодецкие все козацкие.»

7 *Набег Крымского Хана*

А не сильная туча затучилася,
А не сильны громы грянули:
Куде едет собака Крымской царь?
А к сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменнóй Москве,
А назад мы поедем, Резань возьмем.»
А как будут они у Оки реки,
А тут станут белы шатры расставливать:
«А подумайте вы думу с целá ума:
Кому у нас сидеть на каменной Москве,
А кому у нас в Володимере,
А кому у нас сидеть в Суздале,
А кому у нас держать Резань старая,
А кому у нас в Звенигороде,
А кому у нас сидеть в Новегороде?»

Выходит Диви-Мурзы сын Уланович:
«А еси, государь наш, Крымской царь!
А тебе, государь, у нас сидеть на каменнóй Москве,
А сыну твоему в Володимере,
А племнику твоему в Суздале,
А сродичу в Звенигороде,
А боярину конюшему держать Резань старая,
А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
У меня лежит там свет-добры-дни батюшка,
Диви-Мурза сын Уланович.» —
Прокличет с небес Господень глас:
«Ино, еси, собака, Крымской царь!
То ли тебе царство сведомо?
А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
Опришенно трех святителей;
Еще есть на Москве православный царь!»
Побежал еси, собака, Крымской царь,
Не путем еси — не дорогою,
Не по знамени не по черному!

8 *О Ксении Борисовне Годуновой*

Сплачется малая птичка,
Белая перепелка:
— «Охте мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малые дети побити,
Меня перепелку поймати.» —
Сплачется на Москве царевна:
— «Охте мне, молоды, горевати,

Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев, Росстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив, меня хочет постричи,
Чернеческий чин наложити,
Ино мне постритчися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молодцев посмотрити.
Ино, ох, милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити,
После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова?
Ах, малые наши теремы!
А кому будет в вас да седети,
После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова?» —

9 *Плач Никиты Романовича*

Ай же молодость моя молодая!
Улетела от меня да й во чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом!
Ай ты старость ты моя да и глубокая!
Налетала ты да из чиста поля,
Из чиста поля да черным вороном,
Да й садилася ко мне на плечка на могучии!

10 *Под Ригою стоял Царь Государь*

А под славным было городом под Ригою,
Что стоял царь государь по три годы,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.
Изволил царь государь наряжатися;
Наряжается царь государь в каменну Москву
А и бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнышка,
Как бы гуси, лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
«А свет государь, благоверной царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою!
Уж и так нам-де Рига наскучила,
А наскучила нам, Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вздвое того.»
Что злата труба под Ригою протрубила,
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки, вы, солдаты новобраные!
Не одним вам Рига-то наскучила,
Самому мне, государю, напрокучила.
Когда Бог принесет в каменну Москву,
А забудем бедность, нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, меды сладкие.»

11

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козаки Донски!
Не здорово на Дону у нас,
Помутился славной Тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря Азовскова.
Помешался весь казачей круг;
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина;
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.»

12

Во матушке во Россеюшке,
Во Россеюшке, в кременной Москве,
У крыльца-то дворца было у царского,
Часовой стоит, как свеча горит,
Слезно плачет, приговаривает:

«Вы подуйте, ветры буйные,
Пошатните горы крутые, леса темные,
Разнесите, ветры, царскую могилушку!
Ты восстань, восстань, грозный царь,
Царь Иван Васильевич!
Посмотри-ка на свою Россеюшку,
Посмотри на свою армеюшку:
Стоит не по старому, стоит не по прежнему;
Уж усы-то, бородушки повыбриты,
Кудри длинные пообстрижены.»

13

Бережечек зыблется,
Да песочек сыплется,
Ледочек ломится,
Добры кони тонут,
Молодцы томятся.
Ино, Боже, Боже!
Сотворил ты, Боже!
Да и небо, землю;
Сотвори же, Боже,
Весновую службу!
Не давай ты, Боже,
Зимовые службы!
Зимовая служба —
Молодцам кручинно,
Да сердцу надсадно.
Ино, дай же, Боже,
Весновую службу!
Весновая служба —
Молодцам веселье,
Сердцу утеха.

И емлите, братцы,
Яровы весельца;
А садимся, братцы,
В ветляны стружечки;
Да грянемте, братцы,
В яровы весельца,
Ино, вниз по Волге!
Сотворил нам, Боже,
Весновую службу!

14

Шел молодец дорогою, разудаленький широкою,
Без товарищей, без огонечку.
Пристигла молодца ночка темная,
Ночь осенняя.
Где мне, молодцу, ночку ночевати будет?
Ночевать мне, молодцу, во темном лесу,
Во сыром бору под сосенкою;
А кроватушка у молодца — мать сыра земля;
Как постелюшка у молодца — шелкова трава.
Не ветры буйны зашумели, —
Зашумела, раскачалась зелена сосна.
Не качайся, не шатайся, зелена сосна!
Не мешай мне, молодцу, думу думати,
Думу крепкую, молодецкую . . .

15

Как бывало мне, ясну соколу, да времечко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал мелку пташечку;
Как, бывало, мелкой пташечке пролету нет.
А нонече мне, ясну соколу, время нет:

Сижу я, млад ясен сокол, во поиманье,
Я во той ли в золотой во клеточке,
Во клеточке, на жестяной нашесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путички шелковые;
Занавесочки на глазоньках жемчужные!
Как бывало мне, добру молодцу, да времечко.
Я ходил-гулял, добрый молодец, по синю морю,
Уж я бил-разбивал суда-корабли,
Я татарские, армянские, бусурманские;
Еще бил-разбивал легки лодочки;
Как, бывало, легким лодочкам проходу нет.
А нонече мне, добру молодцу, время нет:
Сижу я, добрый молодец, во поиманье,
Я во той ли во злодейке земляной тюрьме,
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженьках оковушки немецкие.
На рученьках у молодца замки затюремные,
А на шеюшке у молодца рогатки железные!

16

«Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку!» —
«Хорошо вам, братцы, петь, — вы пообедали,
А я, сирота, лег не ужинавши,
Лег не ужинавши, встал не завтракавши!
У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,
Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей;
Одна корочка-засушенка, и та летошняя!» —
«Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородил?» —

«Воспородила меня, сиротку, родна матушка;
Воспоила, воскормила меня Волга-матушка;
Воспитала меня легка лодочка ветляненька;
Возлелеяли меня няньки-мамки — волны быстрые;
Возрастила меня чужа-дальна сторона Астраханская:
Я со этой со сторонушки на разбой пошел.» —
«Ты скажи, скажи, сиротка: с кем разбой держал?» —
«Не один я разбой держал, — с тремя товарищами:
Первый мой товарищ — ночь темная;
Другой мой товарищ — конь добра лошадь;
Третий мой товарищ — стально ружье.»

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

1743–1816

17 *Из Оды «Бог»*

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень естества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб, я червь — я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — Безвестен.
А сам собой я быть не мог.
  Твое созданье я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь.
Источник жизни, благ податель.
Душа души моей и царь!

Твоей тò правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец, в бессмертие Твое!

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

1768–1844

18 *Два Голубя*

Два голубя как два родные брата жили;
Друг бéз друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль — все было пополам;
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них лететь,
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
— «Куда ты?» говорит сквозь слез ему другой:
«Что пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны
И все, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль;

Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так и мал;
Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Все стану над тобой бояться я несчастья;
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: Ах! где то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать, и чувствовать мешает.
— «Не плачь, мой милый», так он друга утешает.
«Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь,
Все наскоро в пути замечу на полете
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Все расскажу: дела-ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь все так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной.»
Тут — делать нечего — друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг в встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синеет степь кругом.

Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнездился, прижался
К нему наш голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку дале стало.
Встряхнулся и летит, — летит и видит он:
В заглушьи под леском рассыпана пшеничка.
Спустился — в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется.
По счастью: сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул, да крылышко помял;
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот, пуще той беды, беда над головой.
Отколь ни взялся ястреб злой.
Не взвидел света голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет:
Тогда орел, с небес направя свой полет,
Ударил в ястреба всей силой —
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем.
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком наметя в голубка,
— Сей возраст жалости не знает, —
Швырнул, и раскроил висок у бедняка.

Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей;
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

—

О вы, которые об'ехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы зту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтеся не вдруг:
Что б ни сулило вам воображенье ваше,
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

19 *Крестьяне и Река*

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себе управы у реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донесть!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты
Потоплено скота, что и не счесть!
А та река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда

За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет,
Между собой крестьяне рассуждали.
Но что ж? Как подходить к реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам?
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам.»

20 *Орел и Паук*

За облака орел
На верх кавказских гор поднялся,
На кедре там столетнем сел
И зримым под собой пространством любовался.
Казалось, что оттоль он видел край земли:
Там реки по степям излучисто текли;
Здесь рощи и луга цвели
Во всем весеннем их уборе;
А там сердитое Каспийско море,
Как ворона крыло, чернелося вдали.
«Хвала тебе, Зевес, что управляя светом,
Ты рассудил меня снабдить таким полетом,
Что неприступной я не знаю высоты»,
Орел к Юпитеру взывает:

«И что смотрю оттоль на мира красоты,
Куда никто не залетает.»
—«Какой же ты хвастун, как погляжу!»
Паук ему тут с ветки отвечает:
«Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижу?»
Орел глядит: и подлинно, паук,
Над самым им раскинув сеть вокруг,
На веточке хлопочет,
И, кажется, орлу заткать он солнце хочет.
—«Ты как на этой высоте?»
Спросил орел: «и те,
Которые полет отважнейший имеют,
Не все сюда пускаться смеют;
А ты без крыл и слаб; неужли ты дополз?»
—«Нет, я б на это не решился.»
—«Да как же здесь ты очутился?»
—«Да я к тебе же прицепился,
И с низу на хвосте ты сам меня занес:
Но здесь и без тебя умею я держаться;
И так передо мной прошу не величаться,
И знай, что я» . . . Тут вихрь, отколе ни возьмись,
И сдунул паука опять на самый низ.

—

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх держась за хвост вельможи;
А надувают грудь,
Как будто б силою их Бог снабдил орлиной,
Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
Чтоб их унесть и с паутиной.

21

Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягненок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, ручей журчит сердито:
— «Река несытная! что, если б дно твое
Так было, как мое,
Для всех и ясно и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И в темных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
Не приключа нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилася чиста, как серебро.»
Так говорил ручей, так думал в самом деле.
И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод ручей сравнялся вдруг с рекой;

Но, ах! куда в ручье смиренность делась;
Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы.
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом
Погиб со всем своим в нем стадом,
А хижины его пропали и следы.

—

Как много ручейков текут так смирно, гладко,
И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!

22 *Орел и Крот*

Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.

—

Со стороны прибыв далекой
В дремучий лес, орел с орлицею вдвоем,
Задумали навек остаться в нем
И, выбравши ветвистый дуб, высокой,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится.
Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится:
Так чтоб орел гнезда на нем не вил.

Но кстати ли орлу принять совет из норки,
И от крота! А где же похвала,
Что у орла
Глаза так зорки?
И что за стать кротам мешаться сметь в дела
Царь-птицы!
Так многого с кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря, —
И новоселье у царя
Поспело скоро для царицы.
Все счастливо: уж есть и дети у орлицы.
Но что ж? — Однажды, как зарей,
Орел из-под небес к семье своей
С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит: дуб его свалился!
И подавило им орлицу и детей.
От горести не взвидя свету,
«Несчастный!» он сказал:
«За гордость рок меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный крот совет мог добрый дать?»
— «Когда бы ты не презрел мною»,
Из норки крот сказал: «то вспомнил бы, что рою
Свои я норы под землей
И что, случаясь близ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней.»

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

23

Василек

В глуши расцветший василек
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило!»
—«Уж как ты прост, мой друг!»
Ему сказал, вблизи копаясь, жук:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты, или цветешь?
Поверь, что у него ни время ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает,
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты ни пышен, ни пахуч;
Так солнца ты своей докукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань:
Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

—

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достигнет, там оно
Былинке ль, кедру ли—благотворить равно,
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И все его благословляет.

24 *Осел и Соловей*

Осел увидел соловья,
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье.»
Тут соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры;

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом
—«Изрядно», говорит: «сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша суд такой, мой бедный соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

—

Избави Бог и нас от этаких судей.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

1783–1852

25 *Сельское Кладбище Элегия*

(Второй перевод из Грея)

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
С тихим блеяньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
Мир уступая молчанью и мне. Уж бледнеет окрестность,
Мало по малу теряясь во мраке, и воздух наполнен

Весь тишиною торжественной: изредка только промчится
Жук с усыпительно-тяжким жужжаньем, да рог отдаленный,
Сон наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только с вершины той, пышно плющем украшенной, башни
Жалобным криком сова пред тихой луной обвиняет
Тех, кто, случайно зашедши к ее гробовому жилищу,
Мир нарушают ее безмолвного, древнего царства.
Здесь под навесом нагнувшихся вязов, под свежею тенью
Ив, где зеленым дерном могильные холмы покрыты,
Каждый навек затворяся в свою одинокую келью,
Спят непробудно — смиренные предки села. Ни веселый
Голос прохладно-душистого утра, ни ласточки ранней
С кровли соломенной трель, ни труба петуха, ни отзывный
Рог, ничто не подымет их боле с их бедной постели.
Яркий огонь очага уж для них не зажжется; не будет
Их вечеров услаждать хлопотливость хозяйки; не будут
Дети тайком к дверям подбегать, чтоб подслушать, нейдут ли
С поля отцы, и к ним на колена тянуться, чтоб первый
Прежде других схватить поцелуй. Как часто серпам их
Нива богатство свое отдавала; как часто их острый
Плуг побеждал упорную глыбу; как весело в поле
К трудной работе они выходили; как звучно топор их
В лесе густом раздавался, рубя вековые деревья!
Пусть издевается гордость над их полезною жизнью,
Низкий удел и семейственный мир поселян презирая;
Пусть величие с хладной насмешкой читает простую
Летопись бедного; знатность породы, могущества пышность,

Все, чем блестит красота, чем богатство пленяет, все будет
Жертвой последнего часа, ко гробу ведет нас и слава.
Кто обвинит, их за то, что над прахом смиренным нх память
Пышных гробниц не воздвигла; что в храмах, по сводам высоким,
В блеске торжественном свеч, в благовонном дыму фимиама
Им похвала не гремит, повторенная звучным органом?
Надпись на урне иль дышущий в мраморе лик не воротят
В прежнюю область ее отлетевшую жизнь, и хвалебный
Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое
Ухо смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет.
Может быть, здесь в могиле, ничем незаметной, истлело
Сердце, огнем небесным некогда полное; стала
Прахом рука, рожденная скипетр носить, иль восторга
Пламень в живые струны вливать. Но наука пред ними
Свитков своих, богатых добычей веков, не раскрыла,
Холод нужды умертвил благородный их пламень, и сила,
Гением полной души их, безплодно погибла на веки.
О, как много чистых, прекрасных жемчужин сокрыто
В темных, неведомых нам глубинах океана! Как часто
Цвет родится на то, чтоб цвести незаметно и сладкий
Запах терять в безпредельной пустыне! Быть может,
Здесь погребен какой-нибудь Гампден незнаемый, грозный
Мелким тиранам села, иль Мильтон немой и неславный,
Или Кромвель неповинный в крови сограждан. Всемогущим
Словом сенат покорять, бороться с судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цветущую область, и в громких

Плесках отечества жизнь свою слышать — то рок запретил
им;
Но, ограничив в добре их, равно и во зле ограничил:
Не дал им воли стремиться к престолу стезею убийства,
Иль затворять милосердия двери пред страждущим
братом,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитах
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласом поэзии славя могучий разврат и фортуну.
Чуждые смут и волнений безумной толпы, из-за тесной
Грани желаньям своим выходить запрещая, вдоль свежей,
Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолком
Шли по тропинке своей, и здесь их приют безмятежен.
Кажется, слышишь, как дышет кругом их спокойствие
неба,
Все тревоги земные смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющий голос, из тихих могил подымаясь,
Здесь разливает предчувствие вечного мира. Чтоб праха
Мертвых никто не обидел, надгробные камни с простою
Надписью, с грубой резьбою прохожего молят почтить их
Вздохом минутным; на камнях рука неграмотной музы
Их имена и лета написала, кругом начертавши,
Вместо надгробий, слова из Святого Писанья, чтоб
скромный
Сельский мудрец по ним умирать научился. И кто же,
Кто в добычу немому забвению эту земную
Милую, смутную жизнь предавал и с цветущим пределом
Радостно-светлого дня расставался, назад не бросая
Долгого, томного, грустного взгляда? Душа, удаляясь,
Хочет на нежной груди отдохнуть, и очи, темнея,
Ищут прощальной слезы; из могилы нам слышен
знакомый

Голос, и в нашем прахе живет бывалое пламя.
Ты же, заботливый друг погребенных без славы, простую
Повесть об них рассказавший, быть может, кто-нибудь, сердцем
Близкий тебе, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелает о том, что случилось с тобой, и быть может,
Вот что расскажет ему о тебе старожил поседелый:
«Часто видали его мы, как он на рассвете, поспешным
«Шагом, росу отряхая с травы, всходил на пригорок
«Встретить солнце; там, на мшистом, изгибистом корне
«Старого вяза, к земле приклонившего ветви, лежал он
«В полдень, и слушал, как ближний ручей журчит, извиваясь;
«Вечером часто, окончив дневную работу, случалось,
«Нам видать, как у входа в долину стоял он, за солнцем
«Следуя взором и слушая зяблицы позднюю песню;
«Так же не раз мы видали, как шел он вдоль леса с какой-то
«Грустной улыбкой, и что-то шептал про себя, наклонивши
«Голову, бледный лицом, как будто оставленный целым
«Светом и мучимый тяжкою думой или безнадежным
«Горем любви. Но однажды, поутру, его я не встретил,
«Как бывало, на холме, и в полдень его не нашел я
«Подле ручья, ни после в долине; прошло и другое
«Утро и третье; но он не встречался нигде, ни на холме
«Рано, ни в полдень подле ручья, ни в долине
«Вечером. Вот мы однажды поутру печальное пенье
«Слышим: его на кладбище несли. Подойди; здесь на камне
«Если умеешь, прочтешь, что о нем тогда написали:—

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

«Юноша здесь погребен, неведомый счастью и славе;
«Но при рожденьи он был небесною музой присвоен,
«И меланхолия знаки свои на него положила.
«Был он душой откровенен и добр, его наградило
«Небо; несчастным давал, что имел он — слезу; и в награду
«Он получил от неба самое лучшее — друга.
«Путник, не трогай покоя могилы; здесь все, что в нем было
«Некогда доброго, все его слабости робкой надеждой
«Преданы в лоно благого Отца, правосудного Бога.»

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

1799–1837

26 *Пророк*

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами, легкими как сон.
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»

27 *Анчар*

(древо яда)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой
Стоит один во всей вселенной.
Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.
Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет, лишь вихорь черный
На древо смерти набежит—
И мчится прочь, уже тлетворный.
И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.
Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.
Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами—
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями.
Принес—и ослабел, и лег
Под сводом шалаша, на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

28 *Гусар*

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке;
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думой о горелке.
Здесь на тебя, как лютый зверь,
Глядит хозяин, а с хозяйкой . . .
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.
То-ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!
Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши» . . .
— А чем же? Расскажи, служивый.—
Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.
Ну, слушай; около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.
Вот, с ней и подружился я . . .
Живем согласно, так что любо:
Прибыо — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;
Напьюсь — уложит и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? Враг попутал, видно.
Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? Кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?
Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),—
И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько спрыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула,
И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой;
Там с полки стклянoчку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась до нага; потом
Из стклянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.
Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя! . . .
И с печки слез и вижу: стклянка.
Понюхал: кисло . . . Что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот,
И на него я брызнул стклянкой —
Как фыркнет он! Я: брысь! . . . И вот —
И он туда же за лоханкой.
Я — ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы —
Марш-марш! Все в печку поскакало.
Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! И духом
Всю стклянку выпил; верь не верь —
Но к верху вдруг взвился я пухом.
Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда — не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей! . . . И на земь упадаю.
Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.
Я плюнул и сказать хотел . . .
Как вдруг бежит моя Маруся:
«Домой! Кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят!» — Но я, не струся:
Домой? Да! Чорта с два! Почем
Мне знать дорогу! — «Ах он, странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.»
Чтоб я . . . я сел на кочергу,
Гусар присяжный? Ах ты, дура!
Или предался я врагу!
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — «На, дурень, вот и конь.» —
И точно: конь передо мною —
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.
«Садись.» — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.
Гляжу: все так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья . . .
Вот что случается порою!»
И стал крутить свой длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.»

29

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин . . .
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
— Эй, пошел, ямщик! . . . — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
  Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой.»
  Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали . . . — Что там в поле? —
«Кто их знает: пень, иль волк?»
  Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет,
Лишь глаза во мгле горят!
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин . . .
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
  Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре . . .

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне . . .

30 *Воспоминание*

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме подавленном тоской
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

31

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может-быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

32

Красавица

В альбом Г * * *

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,

Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

33

Я вас любил; любовь еще, быть-может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

34

К А. П. Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

35 *Предчувствие*

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине,
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне . . .
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может-быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду . . .
Но предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости;
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

36

Элегия

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец!
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?
Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

37

Телега Жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время
Везет, не слезет с облучка.
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: попел . . .

Но в полдень нет уж той отваги —
Порастрясло нас, нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей.
Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней,
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

38

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть-может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы;
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы. . . .

39

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром,
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

40

Молитва

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв.
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста —
И падшего свежит неведомою силой.
«Владыка дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей;
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.»

41

Мадона

(Сонет)

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.
В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —
Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

42

Ненастный день потух, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла . . .
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами . . .
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна . . .
Одна . . . никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна . . . ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

. . . . . .

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна . . . ты плачешь . . . я спокоен;

. . . . . .

Но если. . . . . .

43

Три Ключа

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности — ключ быстрый и мятежный —
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ — холодный ключ забвенья:
Он слаще всех жар сердца утолит.

44

Осень

Из «Евгения Онегина»

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван

Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора —
Стоял ноябрь уж у двора.
Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.
Его почуя, конь дорожный
Храпит, — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядет — и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней!

45 *Зимнее Утро*

Мороз и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный;
Пора, красавица, проснись,
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче . . . погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет;
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

46 *Зимняя Дорога*

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска . . .

Ни огня, ни черной хаты . . .
Глушь и снег . . . Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.
Скучно, грустно . . . Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля, смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

47

Зима

Из «Евгения Онегина»

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе.
Зимы ждала — ждала природа,—
Снег выпал только в январе,
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
По-утру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы

Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.
Зима. . . Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью, как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик,
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно. . .

48

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах. . .
Луч зари сияет алый. . .
Серебрится снежный прах. . .

49 *Монастырь на Казбеке*

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.
Далекий вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

50 *Пир Петра Великого*

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?
Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь —
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нет, он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пенит с ним одну:
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом.
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.
Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

51 *Клеветникам России*

Vox et praeterea nihil.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это — спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,—
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? — Вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас. . .
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди не чуждых им гробов.

52 *Руслан и Людмила*

ПРОЛОГ

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках, перед народом,
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет-бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух . . . там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил,
У моря видел дуб зеленый,
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню — сказку эту
Поведаю теперь я свету. . .

53 *Памятник*

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный:
К нему не заростет народная тропа;
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет! весь я не умру: душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

54 *Письмо Татьяны к Онегину*

«Я вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда

Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела,
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь, до новой встречи.
Но, говорят, вы — нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно;
А мы . . . ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

«Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив, со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

«Другой! . . . Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в высшем суждено совете . . .
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой:
Я знаю, ты мне послан Богом,
До гроба ты — хранитель мой. . .

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Ты в сновиденьях мне являлся:
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно . . . нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль с отрадой и любовью
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты: мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомненья разреши.
Быть-может, это все пустое,
Обман неопытной души,
И суждено совсем иное. . .
Но так и быть! судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю. . .
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,

И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

«Кончаю! страшно перечесть. .
Стыдом и страхом замираю. . .
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю. . .»

55 *Полтавский Бой*

Из «Полтавы»

Горит восток зарею новой;
Уж на равнине по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули,
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое

Гремит, пылает здесь и там:
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины:
Сдается пылкий Шлиппенбах;
Тесним мы шведов рать за ратью,
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
  Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожит, глазами косо водит,
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.
  Уж близок полдень. Жар пылает
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев;

И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.
  И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.
  И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье . . .
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.
  И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины —
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,

Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет . . .
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
  Среди тревоги и волненья,
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.
Уж на коня не вскочит он:
Одрях, в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи
И гневом, будто мглою ночи,

Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он сквозь бранный дым увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?
  Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву, с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.
Но близок, близок миг победы . . .
Ура! мы ломим; гнутся шведы;
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит;

И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.
Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен:
При кликах войска своего
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

56 *Разговор Книгопродавца с Поэтом*

КНИГОПРОДАВЕЦ

Стишки для вас одна забава:
Немножко стоит вам присесть,—
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новых умственных затей.
Итак — решите, жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим.
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТ

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
И видел вновь приюты скал,
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неиз'яснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,

Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады;
Вы разошлися по рукам,
Меж тем, как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

ПОЭТ

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья!
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,

Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что̀ слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦ

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил:
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

ПОЭТ

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Мои слова, мои напевы,

Коварной силой иногда
Смирять умели в сердце девы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои!
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье,
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо, и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь сердцу больно,
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?
Ах, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ах, если б Лета поглотила
Мои летучие мечты!

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

КНИГОПРОДАВЕЦ

Люблю ваш гнев. Таков поэт.
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

ПОЭТ

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж, какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

. . . . . .

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем.
Судьбою так уж решено.
С кем поделюсь я вдохновеньем?

Одна была — пред ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

ПОЭТ

Свободу.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

КНИГОПРОДАВЕЦ

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата,
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье:
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? Уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И, признаюсь, от вашей лиры
Предвижу много я добра.

ПОЭТ

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

57 *Из «Бориса Годунова»*

ЦАРЬ

Подите все — оставьте одного
Царевича со мною. (*Все удаляются.*) Умираю . . .;
Обнимемся. Прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь . . . о Боже! Боже!
Сейчас явлюсь перед Тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем!
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья . . . так и быть!
Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало,
Но я достиг верховной власти — чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь;
А я за все один отвечу Богу.
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен.
Я, с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала;
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но Бог велик! он умудряет юность,
Он слабости дарует силу . . . Слушай:

Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных зрелых лет,
Любимого народом, а в боярах
Почтенного породой или славой,—
Хоть Шуйского. Для войска ныне нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Современем и понемногу снова
Затягивай державные бразды;
Теперь ослабь, из рук не выпуская.
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив: не должен царский голос
На воздухе теряться попустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О, милый сын! ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,

И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй сам собою:
Ты муж и царь; люби свою сестру —
Ты ей один хранитель остаешься.

ФЕОДОР (*на коленях*)

Нет, нет — живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

ЦАРЬ

Все кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад . . .
(*Входят патриарх, святители; за ними все бояре. Царицу ведут под-руки; царевна рыдает.*)

Кто там?
А! схима . . . так! святое постриженье . . .
Ударил час! в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей.
Повремени, владыка патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре —
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору. . . Басманов,
Друзья мои . . . при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад, и непорочен.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ

Клянемся.

ЦАРЬ

Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные, и тайные, обиды. . .
Святый отец, приближься, я готов.
(*Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.*)

58 *Из «Бориса Годунова»*

ПИМЕН

(*пишет перед лампадой*)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил:
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный;
Засветит он, как я, свою лампаду,
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,—
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют . . .
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходит предо мною . . .

Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно! . . .
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье. (*Пишет.*)

59 *Из «Скупого Рыцаря»*

(Подвал)

БАРОН

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще не полный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Немного, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,—
И гордый холм возвысился, и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда, в подвал,
Вознес мой холм — и с высоты его

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? . . . Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою,
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель, и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну — и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.

. . . . . .

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ РЫЛЕЕВ

1795–1826

60

Вере Николаевне Столыпиной

Не отравляй души тоскою,
Не убывай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ

1779–1840

61 *На Погребение Английского Генерала Сира Джона Мура*

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.
И бедная почесть в ночи отдана:
Штыками могилу копали. . .
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.
На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники, в поле.
Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.
Быть может, на утро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны. . .
О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.
Еще не свершен был обряд роковой —
И час наступил разлученья,

ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ

И с вала ударил перун вестовой —
Тебе он не вестник сраженья.
Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой,
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой!

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ

1800–44

62 *На Смерть Гете*

Предстала — и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.
Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа:
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.
Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья;
Мечтою, по воле, проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.
С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,
    И чувствовал трав прозябанье:
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.
Изведан, испытан им весь человек!
    И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
    И нас за могильной доскою,
За миром явлений не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.
И если загробная жизнь нам дана,—
    Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
    Все дольное долу отдавший,
К Предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯЗЫКОВ

1803–46

63 *Песнь Баяна*

О ночь, о ночь! лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой. . .
О ночь, о ночь! лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки-ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит. . .
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки-ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней,
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей. . .
Дружине борзых дань коней,
Не то — мечи ее нагонят.
Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы — славяне:
Удар наш меток и тяжел. . .
Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой! . . .
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

64 *Пловец*

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.
Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней!
Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯЗЫКОВ

Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!
Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
Но туда выносят волны
Только сильного душой. . .
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЬЦОВ

1808–42

65 *Урожай*

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется.
Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор,
Нагустил его
В тучу черную. . .
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину. . .

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого. . .
Ополчается
Громом, бурею,
Огнем-молнией,
Дугой-радугой;
Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую
И с горы небес
Глядит солнышко:
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.
Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою.
За-одно с весной
Пробуждаются
Их заветные

Думы мирные.
Дума первая:
Хлеб из закрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза.
А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.
Третью думушку
Как задумали, —
Богу-Господу
Помолилися.
Чем-свет по полю
Все раз'ехались
И пошли гулять
Друг за дружкою,
Горстью полною
Хлеб раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать. . .
Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Чтó послал Господь
За труды людям.
Выше пояса
Рожь зернистая

Дремит колосом
Почти дó земи,
Словно Божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается;
Ветерок по ней
Плывет-лóснится,
Золотой волной
Разбегается. . .
Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.
В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрипит музыка,
На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.
Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;
Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери.

66

Песня

Ты не пой, соловей,
Под моим окном,
Улети ты в леса
Моей родины!
Полюби ты окно
Души-девицы!
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску. . .
Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.
Без нее ночью мне
Месяц сумрачен,
Среди дня без огня
Ходит солнышко.
Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?
Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет пó сердцу?
Что-ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

67 *Не Шуми Ты, Рожь*

Не шуми ты, рожь
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!
Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!
Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.
Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
Очи полные
Полюбовных дум!
И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!
Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

68

Разлука

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.
Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелкóвая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!
Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть-тоску!
А при ней вас — хоть бы не было. . .
С ней зима — весна, ночь — ясный день!
Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, Бог велел — расстанемся,
Но когда нибудь увидимся». . .
Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.
«Не ходи, постой! Дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола». . .
Занялся дух — слово замерло. . .

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

1814–41

69 *Смерть Поэта*

Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Поникнув гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид;
Восстал он против мнений света,
Один, как прежде — и убит!
Убит! . . . К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья —
Судьбы свершился приговор!
Не вы-ль сперва так долго гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что-ж? Веселитесь! . . . Он мучений
Последних перенесть не мог.
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок! . . .
Его убийца хладнокровно
Навел удар — спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнет пистолет.
И что за диво? . . . Издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов

Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку подымал!

И он погиб, и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и клятвам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей!
И, прежний сняв венок, они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело. . .
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд . . .
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать!
А вы, надменные потомки

Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!
Но есть и Божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный Судия, — он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

70 *Отчизна*

Люблю отчизну я, но странною любовью —
Не победит ее рассудок мой! . . .
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спаленной нивы,
В степи кочующий обоз
И на холме, средь желтой нивы,
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом,
Под говор пьяных мужичков.

71 *Бородино*

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
— Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля. . .
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы долго, молча, отступали
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

«Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
  О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
  Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
  Французы тут-как-тут.
Забил заряд я в пушку туго,
И думал: угощу я друга!
  Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
  За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке
Что толку в этакой безделке?
  Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
  Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
  Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
  Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом,
Слуга царю, отец солдатам. . .
Да жаль его: сражен булатом;
  Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
  Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
  Мы в Бородинский бой.
Ну ж был денек! . . . Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
  И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,
  Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений! . . .
Носились знамена, как тени,
  В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
  Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый
  Наш рукопашный бой!
Земля тряслась, как наши груди;

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
  Слились в протяжный вой. . .
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
  И до конца стоять. . .
Вот затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
  Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
  Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля,
Когда б на то не Божья воля,
  Не отдали б Москвы!

72 *Последнее Новоселье*

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
  В изгнаньи мрачном и цепях;
Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв,
И вздорная толпа, довольная собою,
  Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
  Ты жалкий и пустой народ!

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Все, все великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений,
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил с плеча;
Ты погибал! И он явился — с строгим взором.
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем.
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один — он был везде холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы.
А вы что́ делали, скажите, в это время,
Когда в полях чужих он гордо погибал? —
Вы потрясали власть, избранную, как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его.
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один —
Один, замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой. . .
Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш! Его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину. — Безумно,
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И, краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред ним!
И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет — спокойствия и сна.
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

73 *Дума*

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Меж тем, под бременем познанья и сомнения,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы,
Перед опасностью позорно-малодушны
И перед властию презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья
Но юных сил мы тем не сберегли:
Из каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом!

74

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел — и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

75 *Парус*

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом. . .
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.
Увы! он счастия не ищет
И не от счастия бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой;
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

76 *Молитва*

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышет непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко. . .

77 *И Скучно, и Грустно*

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды. . .
Желанья! . . . что пользы напрасно и вечно желать? . . .
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить! . . . но кого же? . . . на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь; — там прошлого нет и следа,
И радость, и муки, и все там ничтожно.
Что страсти? — ведь рано иль поздно, их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка. . .

78 *Тучи*

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная, злоба-ль открытая?
Или на вас тяготит преступление,
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные . . .
Чужды вам страсти и чужды страдания . . .
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания!

79

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.
Окружи счастием душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела — душу прекрасную.

80

Казачья Колыбельная Песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;

Но отец твой — старый воин,
Закален в бою;
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь — будет время —
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью . . .
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой.
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю. . .
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;

Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою. . .
Спи, младенец мой прекрасный
Баюшки-баю.

81 *Завещание*

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж. . . Да что! моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь. . .
Ну, кто бы ни спросил,—
Скажи им, что на вылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых. . .
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна. . .
Как вспомнишь, как давно
Расстались!. . . Обо мне она
Не спросит. . . Все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей —
Пускай она поплачет. . .
Ей ничего не значит! . . .

82 *Из «Мцыри»*

XXII

И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался — и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал,
В оцепенении глухом,
Отчаянья тяжелым сном,
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет. . . Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой

Покрытый до-низу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах. . .

XXIII

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко. . .
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был. . .
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,

Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь. . .
И я боялся лишь заснуть —
Так было сладко, любо мне. . .
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны. . .
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно-нежен и глубок. . .
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил:
«Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье —
И холод и покой:

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И пух усталый твой.

Усни! постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов;

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою. . .»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил. . .

83

Из «Демона»

Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далекó, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы. . .
Что жизни мéлочные сны
И стон, и слезы бедной девы

Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!»
«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость ни печаль;
Им в грядущем нет желанья,
Им прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты о них лишь вспомяни,
Будь к земному без участья
И беспечна, как они!»
«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травою,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной;

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет —
К тебе я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелкóвые ресницы
Сны золотые навевать. . .»

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ

1804–60

84 *Орел*

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных Орел,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушел!
Лети; но в горнем море света,
Где силой дышащая грудь
Разгулом вольности согрета,
О младших братьях не забудь!

На степь полуденного края,
На дальний Запад оглянись;
Их много там, где гнев Дуная,
Где Альпы тучей обвились,
В ущельях скал, в Карпатах темных,
В Балканских дебрях и лесах,
В сетях Тевтона вероломных,
В стальных Татарина цепях. . .

И ждут окованные братья —
Когда же зов услышат твой,
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой?
О, вспомни их, Орел Полночи!
Пошли им звонкий свой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет!

Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней,
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей!
Их час придет: окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат Орлы, — и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

85

Поэт

Все звезды в новый путь стремились,
Рассеяв вековую мглу;
Все звезды жизнью веселились
И пели Божию хвалу.

Одна, печально измеряя
Никем незнаемы лета, —
Земля катилася немая,
Небес веселых сирота.

Она без песень путь свершала,
Без песень в путь текла опять,
И на устах ее лежала
Молчанья строгого печать.

Кто даст ей голос? . . . Луч небесный
На перси смертного упал,
И смертного покров телесный
Жильца бессмертного приял.

Он к небу взор возвел спокойный,
И Богу гимн в душе возник:
И дал земле он голос стройный,
Творенью мертвому язык.

86 *России*

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую.
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, диких сил.

Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная —
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов он судит строго, —
А на тебя — увы! — как много
Грехов ужасных налегло.

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом — то Божий меч!

87 *По Прочтении Псалма*

(По освящении Исакиевского собора)

Земля трепещет; по эфиру
Катится гром из края в край.
То Божий глас; он судит миру:
«Израиль, Мой народ, внимай!

Израиль! Ты мне строишь храмы,
И храмы золотом блестят,
И в них курятся фимиамы,
И день, и ночь огни горят.

К чему Мне пышных храмов своды,
Бездушный камень, прах земной?
Я создал землю, создал воды,
Я небо очертил рукой!

Хочу — и словом расширяю
Предел безвестных вам чудес,
И бесконечность созидаю
За бесконечностью небес.

К чему Мне злато? В глубь земную,
В утробу вековечных скал
Я влил, как воду дождевую,
Огнем расплавленный металл.

Он там кипит и рвется, сжатый
В оковах темной глубины;
А ваши серебро и злато —
Лишь всплеск той пламенной волны.

К чему куренья? Предо Мною
Земля, со всех своих концов,
Кадит дыханьем под росою
Благоухающих цветов.

К чему огни? Не я ль светила
Зажег над вашей головой?
Не я ль, как искры из горнила,
Бросаю звезды в мрак ночной?

Твой скуден дар. — Есть дар бесценный,
Дар нужный Богу твоему;
Ты с ним явись и, примиренный,
Я все дары твои приму:

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ

Мне нужно сердце чище злата
И воля крепкая в труде;
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде! . . .»

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

1821–77

88 *Гимн*

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь, Ты вверишь на Руси! . . .

89 *Родина*

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства
Разврата грязного и мелкого тиранства;

Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И не ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег. . .
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной!
Вот темный, темный сад. . . Чей лик в аллее дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил. . . о! знаю, знаю я!
Навеки отдана угрюмому невежде —
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы. . .
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна,
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шопот твой губителю простил!
И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе, и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила. . .

Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой!
Вот серый, старый дом . . . Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг.
А встарь . . . Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал. . . Ах, няня! Сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?
Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой. . .
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Всему, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом! . . .
И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьем,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий.
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил. . .

90

Еду ли ночью по улице темной,
Бури-ль заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой. . .
С детства судьба не взлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю,
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной. . .
Помнишь ли день, как больной и голодный
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик. . . Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок. . .
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду, завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин с проклятьем три гроба,
Вместе свезут и положат рядком. . .
В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,

Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили. . .
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был . . .
Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!

91 *Песня*

Из «Медвежьей Охоты»

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый —
Корабли мне снятся. . .
Скучно! В этой жизни вялой
Дни так долго длятся.
Здесь, как в клетке, заперта я.
Сон кругом глубокий, —
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,
Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала!
Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.
Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалей ты дочку!
Коли выростет у моря —
Не спастись цветочку.
Все равно! Сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,
В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И на веки похоронит. . .
Отпусти, мой светик!. . .

92

Мать

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка. . .

93

Из «Коробейников»

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала;
А как жала рожь высокую —
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице не втерпежь: —
Под косой трава валилася,

Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до поздней ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? Как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает. . .
— Ты женись, женись на мне!
Ни тебе ни свекру-батюшке
Николи ни согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашеньку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненький!»

Больше слова не скажу.
Видит Бог, не осердилась бы. . .
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
— Поцелуй, дружок, меня! —
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов;
Катя пуще разгорается. . .
Вот и праздничек Покров!

94

Плач Детей

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?
«В золотую пору малолетства
Все живое счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!
Колесо чугунное вертится
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет.

Красный нос безжалостной старухи
Чтó за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Все и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье,
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит, гудит, гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться. . .
Но зачем идем мы и туда?
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей. . .»

95

Вырубка Леса

Из поэмы «Саша»

Сколько тут было кудрявых берез!. . .
Там из-за старой нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,
Там поднимался дубок молодой,

Птицы царили в вершине лесной,
По низу всякие звери таились. . .
Вдруг, мужики с топорами явились!
Лес зазвенел, застонал, затрещал;
Заяц послушал и вон побежал,
В темную нору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,
В недоуменьи тащат муравьи,
Что ни попало, в жилища свои.
С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,
С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,
Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней
Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.
Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин;
Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы
И пропадали, одна за другой,
Данью последней на почве родной.
Кончились поздно труды роковые:
Вышли на небо светила ночные,
И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна.
Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,
Жалобно листья шумели кругом.

Так, после битвы, во мраке ночном
Раненый стонет, зовет, проклинает. . .
Ветер над полем кровавым летает —
Праздно лежащим оружьем звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!
Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;
Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь о земь крылом;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,
Шумно летая над лесом. . . Но ей
Не отыскать неразумных детей!
С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,
Прыгали, злились. . . Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

96 *Несжатая Полоса*

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна. . .
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяц нас топчет и буря нас бьет.
Где же наш пахарь? Чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?
Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.
Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?»
Ветер несет им печальный ответ:
Вашему пахарю моченьки нет.
Знал, для чего и пахал он, и сеял,
Да не по силам работу затеял.
Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет;
Руки, что́ вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,
Очи потускли и голос пропал,
Что́ заунывную песню певал,
Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою! . . .

97 *Из поэмы «Мороз Красный-Нос»*

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли мятели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею.
Чу! ближе подходит, седой,
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет,
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Набряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

«Мятели, снега и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо-льда.

«Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

«Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

«Люблю я в глубоких долинах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

«На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору,
Затеять в лесу трескотню.

«Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей. . .
А пьяных — и конных, и пеших,
Дурачить еще веселей.

«Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К возжам — хоть руби топором!

«Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

«Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Процарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

«Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой. . .»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодица?»
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло-ли? . . .» — Тепло, золотой! —

Тепло, — а сама коченеет . . .
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился,
«Тепло-ли?» промолвил опять,
И в Проклушку вдруг обратился
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и бледны ресницы,
Морозные иглы в бровях. . .

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она;
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха?
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», сказала старуха.
— Гришуха! отец закричал.

На небо взглянул. — Чай не рано?
Испить бы. . . Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом.
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит?. . . у!. . . бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает в присядку,
(На шее горох хомутом)
Попотчивал баушку, матку,
Сестренку, — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул:
Меж тем не дремал и Савраска:
Он шею тянул да тянул.

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует.
И в мягкие, добрые губы
Гришухино ухо берет. . .

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, с собой!
Спрыгнула с мешка и — упала.
Отец ее поднял. «Не вой!

«Убилась — неважное дело! . . .
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

«Смотри же». . . Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного!
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя). . . «Ну, Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришутка с разбегу,
И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась. . .
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь.

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца. . .
Последние признаки муки
У Дарьи слетели с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне. . .
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — Бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца. . .
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышет усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный. . . Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

1803–73

98

В июле 1850 года.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;
  Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных светлых луговин.
  Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.
  Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.
  Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

99

Бессонница

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык, для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески прощальный глас?
Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг,
И мы, в борьбе с природой целой,
Покинуты на нас самих;
И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали.
И новое младое племя,
Меж тем, на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!
Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

100 *Сон на Море*

И море, и буря качали наш челн;
Я сонный, был предан всей прихоти волн —
И две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Кругом, как кимвалы, звучали скалы,
И ветры свистели и пели валы.
Я в хаосе звуков летал, оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон.

Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир;
Сады, лабиринты, чертоги, столпы. . .
И чудился шорох несметной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья я гордо шагал,
И мир подо мною недвижно сиял. . .
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

101

Святая ночь на небосклон взошла —
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила —
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел . . .
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.
На самого себя покинут он —
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры ни предела . . .
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое . . .
И в чуждом неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

А. ФЕТ
(АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ШЕНШИН)

1820–92

102

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь.
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал. . . Не помню, что думал. . .
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали, —
И звезды люблю я с тех пор.

103

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне. . .
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

104

Шопот. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной. Ночные тени, —
Тени без конца.

Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы, —
И заря, заря!. . .

105

Теплым ветром потянуло.
Смолк далекий гул.
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.
В загородке улеглися
И жуют волы.
Звезды чистые зажглися
По навесу мглы.
Только выше все всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.
Редко-редко кочевая
Тучка бросит тень.
Неподвижная, немая,
Ночь светла, как день.

106

Тайна

Почти ребенком я была. . .
Все любовались мной:
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
Молилась по утру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.
Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок.
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.
Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал,
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал. . .
И, помню, стало мне вокруг
При нем все так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.
Летели дни, — промчался год, —
Настал последний час, —
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.
И долго-долго мне пришлось
И плакать и грустить,
Но я боялася о нем
Кого-нибудь спросить.
Однажды, вижу, — милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит — «Не бойся, друг,
Я для других незрим.»
И с этих пор он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.

Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих — больной. . .
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!

107 *Степь Вечером*

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля.
В последний раз за третьим перевалом
Пропал ямщик, звеня и не пыля.
Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь:
Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.
За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.
Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали.
И, слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.
Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут —
И, как река, засветит млечный путь.

108

Я пришел к тебе с приветом —
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало,

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой. . .
Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все также счастью
И тебе служить готова;
Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет. . .

109

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом, раскинувшись, дрожал.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я-ль несся к бездне полунощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

110 *Майская Ночь*

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.
Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. . .
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле, —
А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно, как дым. . .
За ним, за ним воздушною дорогой, —
И в вечность улетим!

111 *Alter Ego*

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей;
И была ли при этом победа, и чья,
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?. .

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить!

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы, как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут;
Нас с тобой ожидает особенный суд:
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ

1821–97

112 *Ласточки*

Мой сад с каждым днем увядает,
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст. . .
Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.
Взгляну-ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем. . .
А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его,
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него.
Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!
И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор. . .
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор.

И вот их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко. . .
О, если бы крылья и мне!

113

Сенокос

Пахнет сеном над лугами. . .
В песне душу веселя,
Бабы с граблями, рядами
Ходят, сено шевеля.
Там сухое убирают;
Мужички его, кругом,
Нá воз вилами кидают. . .
Воз ростет, ростет, как дом!
В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит. . .
Уши врозь, дугою ноги,
И, как будто, стоя спит. . .
Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

114

Поле зыблется цветами. . .
В небе льются света волны. . .
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.
Взор мой тонет в блеске полдня. . .
Не видать певцов за светом. . .
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом.

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю. . .
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

115 *Под Дождем*

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома —
Вдруг застал нас ливень далеко от дома,
Мы спешили скрыться под мохнатой елью. . .
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли, точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку. . .
Помнишь — как все тише смех наш становился. . .
Вдруг над нами прямо гром перекатился!
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря. . .
Благодатный дождик! Золотая буря!

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ПОЛОНСКИЙ

1819–98

116 *У Аспазии*

гость

Что-б это значило? — Вижу, сегодня ты
Дом свой, как храм, убрала:
Между колонн занавески приподняты,
Благоухает смола;

Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающих пол
Смуглых рабынь твоих косы расчесаны,
Ставят амфоры на стол.
Ты же бледна, — словно всеми забытая,
Молча стоишь у дверей?

АСПАЗИЯ

Площадь отсюда видна мне, покрытая
Тенью сквозных галлерей. . .
Шум ее замер, и это молчание
В полдень так странно, что вновь
Сердце мне мучит тоска ожидания,
Радость, тревога, любовь.
Буйных Афин тишину изучила я:
Это Перикл говорит. . .
Если бледна и молчит его милая,
Значит — весь город молчит!
Чу! шум на площади. . . рукоплескания. . .
Друга венчает народ. . .
Но и в лавровом венке из собрания
Он к этой двери придет!

117 *Иная Зима*

Я помню, как детьми с румяными щеками
По снегу хрупкому мы бегали с тобой,
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой.
А поздним вечером твои сияли глазки
И на тебя глядел из печки огонек,
А няня старая нам сказывала сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок.

Но та зима ушла от нас с улыбкой Мая,
И летний жар простыл — и вот, заслыша вой
Осенней бури, к нам идет зима иная —
Зима бездушная, — и уж грозит клюкой. . .
А няня старая уж ножки протянула —
И спит себе в гробу, и даже не глядит,
Как ты, усталая, к моей груди прильнула,
Как будто слушаешь, что сердце говорит.
А сердце в эту ночь, как няня, к детской ласке
Неравнодушное, раздуло огонек
И на ушко тебе рассказывает сказки
О том, как жил да был на свете дурачок.

118 *Встреча*

Вчера мы встретились: она остановилась,
Я также. . . Мы в глаза друг другу посмотрели. . .
О, Боже! как она с тех пор переменилась,
В глазах потух огонь и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я, молча, строго. . .
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась. . .
Я говорить хотел; она же ради Бога
Велела мне молчать и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку
И молвила: «Прощайте, до свиданья!»
А я хотел сказать: на вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье! . . .

119

Ангел

Любил я тихий свет лампады золотой,
Благоговейное вокруг нее молчанье,
И, тайного исполнен ожиданья,
Как часто я, откинув полог свой,
Не спал, на мягкий пух облокотясь рукою,
И думал: в эту ночь хранитель-ангел мой
Прийдет ли в тишине беседовать со мною?
И мнилось мне: на ложе, близ меня,
В сияньи трепетном лампадного огня,
В бледно-серебряном сидел он одеяньи. . .
И тихо, шепотом я поверял ему
И мысли, детскому доступные уму,
И сердцу детскому доступные желанья.
Мне сладок был покой в его лучах;
Я весь проникнут был божественною силой.
С улыбкою на пламенных устах
Задумчиво внимал мне светлокрылый;
Но очи кроткие его глядели в даль,
Они грядущее в душе моей читали,
И отражалась в них какая-то печаль. . .
И ангел говорил: «Дитя, тебя мне жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я их не понимал,
Края одежд его ловил и целовал,
И слезы радости в очах моих сверкали.

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ПОЛОНСКИЙ

120

Вижу-ль я, как во храме смиренно она
Перед образом Девы, Царицы небесной, стоит —
Так молиться лишь может святая одна. . .
И болит мое сердце, болит!
Вижу-ль я, как на бале сверкает она
Пожирающим взглядом, горящим румянцем ланит —
Так надменно блестит лишь один сатана. . .
И болит мое сердце, болит!
И молю я Владычицу Деву, скорбя:
Ниспошли ей, Владычица Дева, терновый венок,
Чтоб, ее за страданья, за слезы любя,
Я ее ненавидеть не мог.
И зову я к тебе, сатана: оглуши,
Ослепи ты ее! Подари ей блестящий венок,
Чтоб, ее ненавидя всей силой души,
Я любить ее больше не мог.

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН

1824–61

121

Ночь

Оделося сумраком поле. На темной лазури сверкает
Гряда облаков разноцветных. Бледнея, заря потухает.
Вот вспыхнули яркие звезды на небе, одна за другой,
И месяц над лесом сосновым поднялся, как щит золотой;
Извивы реки серебристой меж зеленью луга блеснули;
Вокруг тишина и безлюдье: и поле, и берег уснули;
Лишь мельницы старой колеса, алмаз рассыпая, шумят,
Да с ветром волнистые нивы, Бог знает о чем, говорят.

На кольях, вдоль берега вбитых, растянуты мокрые сети;
Вот бедный шалаш рыболова, где вечером резвые дети
Играют трепещущей рыбой и ищут в траве водяной
Улиток и маленьких камней, обточенных синей волной;
Как лебеди, белые тучи над полем плывут караваном,
Над чистой рекою спят ивы, одетые легким туманом,
И, к светлым струям наклонившись, сквозь чуткий прерывистый сон,
Тростник молчаливо внимает таинственной музыке волн.

122 *Утро*

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь, безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, — воду морщит, рябит;
Понеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко, далеко колокольчик звенит,
Рыбаки в шалаше пробудилися.
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут. . .
А восток все горит, разгорается,
Птички солнышка ждут, птички песни поют:
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.

Едет пахарь с сохой, едет — песню поет:
По плечу молодцу все тяжелое. . .
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

123

Вырыта заступом яма глубокая. . .
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.
Что-же? Усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится. . .
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!. . .
Вот она — слышится песнь беззаботная —
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается
Тише! . . . О жизни покончен вопрос —
Больше не нужно ни песен, ни слез!

ГР. АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

1817–75

124

Ой, стогú, стогú,
На лугу широком,
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой, стогú, стогú,
В зеленóм болоте,
Стоя на часах,
Чтó вы стережете?

— Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами.

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга.

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные ворóны.

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда.

Ой, орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный светлоокий!

Ой, орел, орел,
Внемли нашим стонам!
Доле нас срамить
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далёко, далёко!

125

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что́ к тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы.

Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

126

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
Что ты грустна? и о чем эти слезы во взоре?
Им отвечала она: я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-б о ком пожалеть и утешить кого бы.

127

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?

Меж камней, обросших густым виноградом,
Дорога была так узка;
В молчаньи над морем мы ехали рядом.
С рукою сходилась рука!

Ты так на седле нагибалась красиво,
Ты алый шиповник рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала;

Одежды твоей непослушные складки
Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась — цветы на лошадке,
В руках и на шляпе цветы.

Ты помнишь ли рев дождевого потока
И пену и брызги кругом?
И как наше горе казалось далёко,
И как мы забыли о нем!

128

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил и слезами твоими я плакал!
Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,
Все перечувствовал вместе с тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих ни страданий;
Дóроги мне твои слезы, и дорого каждое слово!
Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры!
Рано познала ты горе, обман и людское злословье,

Рано под тяжестью бед твои преломилися силы!
Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу:
Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!

129

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галлерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

ГР. АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

130

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые пó-ветру летят.
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча, слезы лью,
Не умею высказать, кáк тебя люблю!

131

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю. . .
Люблю ли тебя, я не знаю —
Но кажется мне что люблю!

132

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней;

Сижу и смотрю я доро́гой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид;
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит;

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик;

Близ мельницы старой и шаткой
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки. . .

Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда:
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно,
Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;

И так же шел жид бородатый
И так же шумела вода —
Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда. . .

133 *Тропарь*

Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно,
И где счастливый меж людей?
Все то превратно все ничтожно,
Чтó мы с трудом приобрели —
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все, как вихорь пыльный

И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья —
Прийми усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла
Меня, как хищник низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я.
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем как цветы —
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши разрушенье —
Прийми усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Средь груды тлеющих костей
Кто царь, кто раб, судья иль воин?
Кто царства Божия достоин,
И кто отверженный злодей?
О, братья, где сребро и злато,
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?

Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье —
Лишь у Тебя, на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, чтó было плоть,
Величье наше будет тленье —
Прийми усопшего, Господь,
В Твои блаженные селенья!

И Ты, предстательница всем,
И Ты, заступница скорбящим,
К Тебе о брате, здесь лежащем,
К Тебе, Святая, вопием!
Моли божественного Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отживший на земли
Оставил здесь свои кручины!
Все пепел, прах, и дым, и тень,
О, други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах —
Прийми усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,

И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье:
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье —
Прийми усопшего раба
В Твои блаженные селенья!

134

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила. . .

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О, жизнь! о, лес! о, солнца свет!
О, юность! о, надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О, счастие! о, слезы!
О, лес! о, жизнь! о, солнца свет!
О, свежий дух березы!

135

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто.
— Дурачье! Сказал дьяк, из вас должен быть всяк
В теле:
Еще в думе вчера мы с трудом осетра
Съели.

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост; знай, везет через мост —
Так ли?
Вишь дурак! Сказал дьяк, тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты-б его поберег; ведь плыли-ж поперек
Утки.

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты.
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо.

Дьяк сказал: Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать. Стало, Ваське и дать
Таску.

Пришел к дьяку больной, говорит: Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче.
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько.
— Вишь дурак! Сказал дьяк, ну не ешь натощак
Только.

Пришел к дьяку истец, говорит: Ты отец
Бедных.
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных —
Я-б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка.
— Сыпь сейчас. Сказал дьяк, подставляя колпак,
Нутка.

Н. МИНСКИЙ
(НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ ВИЛЕНКИН)

1855–

136

В Горах

Здесь тучи родятся. На горы взирая,
Здесь учится ветер лепить облака.
Отсюда они, как из стана войска,
Всю землю воюют от края до края.

И прежде чем в дальний умчаться поход,
Здес часто вкруг солнца сбираются тучи
И строятся чинно, — и взад, и вперед
Бесстрашно шагают чрез бездны и кручи.
Вот, в пурпур одетый промчался отряд,
Вот, в сизых доспехах идут исполины. . .
Все небо в движеньи, зарницы горят,
И солнце, как вождь, озирает дружины.

137

Как сон пройдут дела и помыслы людей:
Забудется герой, истлеет мавзолей —
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся.
И уж не те слова под тою же рукой,
Далеко от земли, застывшей и немой,
Возникнут вновь загадкой бледной.
И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы,
И кто-то будет жить не так, как жили мы,
Но так, как мы, умрет бесследно.
И невозможно нам предвидеть и понять,
В какие формы Дух оденется опять,
В каких созданьях воплотится.
Быть может из всего, что будит в нас любовь,
На той звезде ничто не повторится вновь. . .
Но есть одно, что повторится.
Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном,
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,

Н. МИНСКИЙ

Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
И жажда жгучая святынь, которых нет, —
Одно лишь это чуждо тленья. . .
В каких бы образах и где бы средь миров
Ни вспыхнул мысли свет, как луч средь облаков,
Какие-б существа ни жили,
Но будут рваться в даль они, подобно нам,
Из праха своего к несбыточным мечтам,
Грустя душой как мы грустили.
И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в добре или во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью, бесцельною, как сон,
Пред кем толпы людей — такой же прах, как он —
Благоговели, иль дрожали.
Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали,
Не существующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Что силой жажды сам себе мираж создал
Среди пустыни бесконечной!

С. Я. НАДСОН

1862–87

138

Не говорите мне: он умер, — он живет;
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает.

139

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбине.
Весь облит серебром потонувший в тумане залив;
Синих гор полукруг наклонился к цветущей долине,
И чуть дышет листва кипарисов, и пальм, и олив.
Я ушел бы бродить, — и бродить, и дышать ароматом,
Я-б на взморье ушел, где волна за волною шумит,
Где спускается берег кремнистым сверкающим скатом,
И жемчужная пена каменья его серебрит;
Да не тянет меня красота этой чудной природы,
Не зовет эта даль, не пьянит этот воздух морской,
И как узник в тюрьме жаждет света и жаждет свободы,
Так я жажду отчизны, отчизны моей дорогой!. . .

140 *Из Дневника*

Сегодня всю ночь голубые зарницы
Мерцали над жаркою грудью земли;
И мчались разорванных туч вереницы,
И мчались, и тяжко сходились вдали. . .
Душна была ночь, — так душна, что порою
Во мгле становилось дыщать тяжело;
И сердце стучало, и знойной волною
Кипевшая кровь ударяла в чело. . .
От сонных черемух, осыпанных цветом
И сыпавших цветом, как белым дождем,
С невнятною лаской, с весенним приветом,
Струился томительный запах кругом.
И словно какая-то тайна свершалась
В торжественном мраке глубоких аллей,
И сладкими вздохами грудь волновалась,
И страсть, трепеща, разгоралася в ней. . .

С. Я. НАДСОН

Всю ночь пробродил я, всю ночь до рассвета,
Обвеянный чарами неги и грез;
И страстно я жаждал родного привета,
И женских объятий, и радостных слез. . .
Как волны, давно позабытые звуки
Нахлынули в душу, пылая огнем.
И отклика ждали в затишьи ночном. . .

А демон мой, — демон тоски и сомненья,
Не спал. . . Он шептал мне:—«Ты помнишь о том,
Как гордо давал ты обет отреченья
От радостей жизни — для битвы со злом?
Куда-ж они скрылись, прекрасные грезы?
Стыдись — ведь горячие слезы твои
О счастье и ласке — позорные слезы, —
В них жажда забвенья и жажда любви!. . .»

Да, смейся, мой демон, но грезы былого
Не трогай язвительным смехом твоим!. . .
Ты смейся над тем, что я сердца больного
Еще не осилил сознаньем святым,
Что мне еще тяжки борьба и ненастья,
Что трудно порою мне спорить с тобой,
Что мне, малодушному, хочется счастья,
Как путнику тени — в томительный зной. . .

Но знай, что я твердо сознал, что покуда
Так душны покровы ночной темноты,
Так много на свете бездольного люда, —
О личном блаженстве постыдны мечты.

И знаю я твердо, что скоро с тобою
Я слажу, мой демон, изгнав тебя прочь,
И сердце, как встарь, не сожмется тоскою,
Тоскою о счастьи в весеннюю ночь!

141

Окрыленным мечтой сладкозвучным стихом
Никогда не играл я от скуки.
Только то что грозой пронеслось над челом,
Выливал я в покорные звуки.

Как недугом я каждою песнью болел,
Каждой творческой думой терзался;
И нередко певца благодатный удел
Не посильным крестом мне казался.

И нередко клялся я навек замолчать,
Что б с толпою в забвении слиться,--
Но Эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнам ее мчится.

И не властен весною гремучий ручей
Со скалы не свергаться к долине,
Если солнце потоками жгучих лучей
Растопило снега на вершине!. . .

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АПУХТИН

1841–93

142

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые. . .
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!
Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что́ было в вас ложного, —
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного!
Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные несносные, шумные,
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные. . .

143

Проселок

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по лугам, по нивам,
Все бежит куда-то шагом торопливым.
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогий,
Утро ли займется на небе румяном,
Вся она росою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Все молчит, все дремлет — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое.

И куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью да простором.
На гору-ль въезжаешь, за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина . . .
Бедная картина! Милая картина! . . .
Вот навстречу бодро мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегает;
Жарко. . . День, краснея, всходит понемногу . . .
Скоро на большую выедем дорогу.
Там стоят ракиты, по порядку, чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Из столиц идет там всякая новинка . . .
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!
  По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съехал: впереди застава,
Сзади пыль да версты. . . Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной, —
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ СЛУЧЕВСКИЙ

1837–1904

144 *Бандурист*

На Украйне жил когда-то,
Телом бодр и сердцем чист,
Старый дед, слепец маститый,
Седовласый бандурист.

В черной шапке, в серой свитке
И с бандурой на ремне,
Много лет ходил он в людях
По родимой стороне.
Жемчуг—слово, чудо—песни
Сыпал вещий с языка;
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика.
Много он улыбок ясных,
Много вызвать слез умел,
И, что птица Божья, песни,
Где приселось, там и пел,
Он на песню душу отдал,
Песней тело прокормил;
Родился он безымянным,
Безымянным опочил. . .
Мертв казак! Но песни живы —
Все их знают, все поют!
Их знакомые созвучья
Сами так-вот к сердцу льнут!
К темной ночке засыпая,
Дети, будущий народ,
Слышат, как он издалека
В песне матери поет. . .

145

По небу быстро поднимаясь,
Навстречу мчась одна к другой,
Две тучи, медленно свиваясь
Готовы ринуться на бой!

Темны, как участь близкой брани,
Небесных ратников полки,
Подъяты по ветру их длани
И режут воздух шишаки!
Сквозят их мрачные забрала
От блеска пламенных очей . . .
Как-будто в небе места мало,
И разойтись в нем нет путей?

146 *Подле Сельской Церкви*

Свевая пыль с цветов раскрытых,
Семья полуночных ветров,
Несет в пылинках, тьмой повитых,
Рассаду будущих цветов.
В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу невидна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной
Свои живые семена.
Теряясь в каменных наростах
Гробниц, дряхлеющих в гербах,
Они плодятся на погостах —
И у крестов, и на крестах.
Кругом цветы! Цветам нет счета!
И, мнится, сквозь движенья их
Стремятся к свету из-под гнета
Былые силы душ людских.
Они идут — свои печали
На вешнем солнце осветить,
Мечтать, о чем не домечтали,
Любить, как думали любить . . .

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

1853–1900

147 *Сон на Яву*

Лазурное око
Сквозь мрачно нависшие тучи. . .
Ступая глубоко
По снежной пустыне сыпучей,
К загадочной цели
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругом лишь далеко
Раскинулась озера ширь в своем белом уборе
И вслух тишина говорит мне: «Нежданное сбудется вскоре!»
Лазурное око
Опять потонуло в тумане;
В тоске одинокой
Бледнеет надежда свиданий. . .
Печальные ели
Темнеют вдали без движенья,
Пустыня без цели
И путь без стремленья. . .
И голос все тот-же звучит, в тишине, без укора:
«Конец уже близок; нежданное сбудется скоро!»

КОНСТАНТИН ДИМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

1867–1942

148 *Меж Подводных Стеблей*

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.
Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут,
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.
Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.
Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб!

149 *Завет Бытия*

Я спросил у свободного Ветра:
Что мне сделать, чтоб быть молодым?
Мне ответил играющий Ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»
Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

КОНСТАНТИН ДИМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услыхала: «Гори!»

150 *Утро*

На вершине горной коршун прокричал.
Ветер этот возглас до меня домчал,
Я рассвет весенний не один встречал.
Солнце протянуло острые лучи,
И они зардели, ярко горячи,
И от них запели горные ключи.
О, как много силы и любви вокруг,
О, как нежно млеет этот горный луг,
Я с тобой душою, мой далекий друг.
Я гляжу в долину с горной высоты,
В мыслях, полных страсти, расцвели цветы,
В этом мире — Солнце, в этом сердце — ты.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

1873–1924

151 *Орфей и Эвридика*

ОРФЕЙ

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой,
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

ЭВРИДИКА

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна итти, должна. . .
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

ОРФЕЙ

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

ЭВРИДИКА

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

ОРФЕЙ

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

ЭВРИДИКА

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевой страны!

ОРФЕЙ

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!

Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко жгучий ужас ласк!

ЭВРИДИКА

Сердце — мертво, грудь — недвижна,
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

ОРФЕЙ

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах! я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить в мне твой лик!

ЭВРИДИКА

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон . . .
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен. . .

ОРФЕЙ

— Так смотри! — И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей,
— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

152 *Адам и Ева*

ЕВА

Адам! Адам! Приникни ближе,
Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

АДАМ

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.

ЕВА

Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клонит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои касанья — из огня!

АДАМ

Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть . . .
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?

ЕВА

Адам, Адам я вся безвольна. . .
Где ты, где я? . . . все — сон иль явь?
Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня — оставь! оставь!

АДАМ

Так надо, надо, Ева! Ева!
Я — твой! Я — твой! Молчи! Молчи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!

ЕВА

Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?

Ты позабыл слова запрета
Уйди! Уйди! дай быть одной!

АДАМ

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О вот он, знак Святого Гнева,
Текущий красный, красный сок!

153 *Два Голоса*

ПЕРВЫЙ

Где ты? где ты, милый?
Наклонись ко мне.
Призрак темнокрылый
Мне грозил во сне.
Я была безвольна
В сумраке без дня. . .
Сердце билось больно. . .

ДРУГОЙ

Кто зовет меня?

ПЕРВЫЙ

Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?

ДРУГОЙ

В склепе я — с тобой!

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

первый

Саваном одеты
Руки, плечи, — прочь!
Милый, светлый, где ты?
Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где-ж твои объятья?

другой

Разве ты жива?

первый

И сквозь тьму немую
Вижу — близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты
Про любовь свою?
Любишь, как любил ты?

другой

Понял. Мы — в раю.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

1870–

154 *Весенняя Гроза*

То разростаясь, то слабея,
Гром за усадьбой грохотал,
Шумела тополей аллея.
На стекла сумрак набегал.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительней, свежей
Порывы ветра обвевали
Дождем и запахом полей.
В полях хлеба к межам клонились . . .
А из лощин и из садов —
Отвсюду с ветром доносились
Напевы ранних соловьев.
Но вот, по тополям и кленам
Холодный вихорь пролетел . . .
Сухой бурьян зашелестел,
Окно захлопнулось со звоном.
Блеснула молния огнем . . .
И вдруг над самой крышей дома
Раздался треск короткий грома
И тяжкий грохот. . . Все кругом
Затихло сразу и глубóко,
Сад потемневший присмирел, —
И благодатно, и широко
Весенний ливень зашумел.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК

1880–1921

155 *Незнакомка*

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочный
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, пленен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакей сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
'In vino veritas!' кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

156 *Тени на Стене*

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух. . .

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принесь. . .

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз. . .

157

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначалный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

Иль в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду также помнить дожей,
Как ныньче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Все, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл.

158 *На Поле Куликовом*

I

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь. . .

И вечный бой. Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль. . .
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль. . .

И нет конца! Мелькают версты, кручи . . .
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови.

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь . . .
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

II

Мы, сам друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат . . .

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: — Остри свой меч,
— Чтоб не даром биться с татарвою,
— За святое дело мертвым лечь!

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни-ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

III

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою. —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня,
Ты сошла в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече.
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда на утро, тучей черной,
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

IV

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали. . .

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою.
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне. . .
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли
Сожженные темным огнем. . .

— Явись мое дивное диво.
— Быть светлым меня научи.
Вздымается конская грива. . .
За ветром взывают мечи. . .

V

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев.

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И словно облаком суровым
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной.
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней.
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Не даром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

159 *Родине*

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться. . .
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых. . .

Лодки, да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла. . .
Соколов, лебедей в степь распустила ты,
Кинулась из степи черная мгла. . .

За море Черное, за море Белое,
В черные ночи и в белые дни,
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни. . .

Тихое, долгое красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим. . .
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

160

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен.

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне?
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне.

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь. . .
Из под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять). . .

Слова? — Их не было. — Что-ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли.

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года. . .
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода). . .

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека,
Раздался голос: Ecce homo!
Меч выпал. Дрогнула рука . . .

И перевязан шелком душным,
(Чтоб кровь не шла из черных жил)
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: нет, я не слуга.
Так падай, перевязь цветная,
Хлынь, кровь, и обагри снега!

161 *Художник*

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе неслышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

162

Скифы

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев.

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой! . . .

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью! . . .

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет и губит!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений;
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений. . .

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады. . .

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах. . .
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых. . .

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
  И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
  Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
  Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
  Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
  Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышет интеграл,
  С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
  Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
  Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
  В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
  И мясо белых братьев жарить! . . .

В последний раз — опомнись, старый мир!
  На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
  Сзывает варварская лира!

30 Января 1918.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

1880–1934

163

Есть в лете что-то роковое, злое . . .
И — в вое злой зимы . . .
Волнение, кипение мирское!
Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты:
В мирах, в годах, в часах —
Одни тела, тела, простерты . . .
И — праздный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —
Рабы: без чувств, без душ. . .
Грядущее, как прошлое, покроем
Лишь грудой туш.

В мятеж миров — в немаревные муки
Когда-то спасший нас,
Простри ж и Ты измученные руки, —
В который раз!

Москва.
1916.

164

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия —
Безумствуй, сжигая меня.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучем безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

1917 г. Август. Поворово.

ВЕЛЕМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ХЛЕБНИКОВ

1885–1922

165 *Курган*

Копье татар чего бы ни трогало —
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин до гола,
Летит в Сибирь — Сибири конница.

Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик Еврея.
Вокруг земля, свист суслика, нора и
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц подъемлет стаю рожиц,
Несется конь, похищенный цыганом.
Лежит суровый запорожец
Часы столетий под курганом.

166 *Саян*

I

Саян здесь катит вал за валом,
И берега из мела.
Здесь думы о бывалом
И время онемело.
Вверху широким полотнищем
Шумят тревожно паруса;
Челнок смутил широким днищем
Реки вторые небеса.

ВЕЛЕМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ХЛЕБНИКОВ

Что видел ты? войска?
Собор немых жрецов?
Иль повела тебя тоска
Туда, в страну отцов?
Зачем ты стал угрюм и скучен,
Тебя течением несло,
И вынул из уключин
Широкое весло?
И, прислонясь к весла концу,
Стоял ты очарован,
К ночному камню одинцу
Был смутный взор прикован.
Пришел охотник и раздел
Себя от ветхого покрова,
И руки на небо воздел
Молитвой зверолова.
Поклон глубокий три раза,
Обряд кочевника таков.
«Пойми, то предков образа,
Соседи белых облаков».
На вышине, где бор шумел
И где звенели сосен струны,
Художник вырезать умел
Отцов загадочные руны.
Твои глаза, старинный боже,
Глядят в расщелинах стены.
Пасут оленя и треножат
Пустыни древние сыны.
И за суровым клинопадом
Бегут олени диким стадом.
Застыли сказочными птицами
Отцов письмена в поднебесьи.

Внизу седое краснолесье
Поет вечерними синицами.
В своем величии убогом
На темя гор восходит лось,
Увидеть договора с богом
Покрытый знаками утес.
Он гладит камень своих рог
О черный каменный порог.
Он ветку рвет, жует листы,
И смотрит тупо и устало
На грубо древние черты
Того, что миновало.

II

Но выше пояса письмен,
Каким-то отроком спасен,
Убогий образ на березе
Красою ветхою сиял.
Он наклонился детским ликом
К широкой бездне перед ним.
Гвоздем над пропастью клоним,
Грозою дикою щадим,
Доской закрыв березы тыл,
Он, очарованный, застыл.
Лишь черный ворон с мрачным криком
Летел по небу нелюдим.
Береза что ему сказала
Своею чистою корой,
И пропасть что ему молчала
Пред очарованной горой?

Глаза нездешние расширил
В них голубого света сад,
Смотрел туда, где водопад
Себе русло ночное вырыл.

1919

167 *Единая Книга*

Я видел, что черные Веды
Коран и Евангелие
И в шелковых досках
Книги монголов,
Сами из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки каждой зарей, —
Сложили костер
И сами легли на него.
Белые вдовы в облаке дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы больше моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка — закладка,
Где остановился взором читатель —
Реки великие синим потоком:
— Волга, где Разину ночью поют,
— Желтый Нил, где молятся солнцу,
— Янцзекиянг, где жижа густая лю
— И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги,

— И Ганг, где темные люди — деревья ума,
— И Дунай, где в белом белые люди
В белых рубахах стоят над водой,
— И Замбези, где люди черней сапога,
— И бурная Обь, где бога секут
И ставят в угол глазами
Во время еды чего-нибудь жирного,
— И Темза, где серая скука.
Род человечества — книги читатель!
И на обложке — надпись творца,
Имя мое, письмена голубые.
Да, ты небрежно читаешь,
Больше внимания,
Слишком рассеян и смотришь лентяем.
Точно уроки закона божия,
Эти горные цепи и большие моря!
Эту единую книгу
Скоро ты, скоро прочтешь!
В этих страницах прыгает кит
И орел, огибая страницу угла,
Садится на волны морские, груди морей,
Чтоб отдохнуть на постели орлана.

1920

168 *Не шалить!*

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,

ВЕЛЕМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ХЛЕБНИКОВ

В соболях-рысаках,
Чтоб катались глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги,
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

1922

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

1886–1921

169 *Наступление*

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо явства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Божие слово
Лучше хлеба питает нас.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки. . .
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий —
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

О, как белы крылья победы,
Как безумны ее глаза!
О, как мудры ее беседы,
Очистительная гроза!

И как сладко рядить Победу,
Точно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

1887-

170

И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим.

171

Когда изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Во-да. О-гонь. Старик. Олень. Трава», —

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова.
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

1889–

172 *Мильтон*

Ночная Тверская — сыра и темна,
пустынно витрин одичалых сияние. . .
Вся в водочной мути до самого дня,
а люди в ней — водоросли в океане.

Качаются пятна каких-то теней,
отверженных светом. И вид ее чуден.
и вместо железа и камня — на ней
обломки погибших в крушении суден.

И если в случайный отсвет фонаря
ворвется агония гибнущих суток —
не думай о ней и скорее ныряй
меж мокрых и вялых хвостов проституток.

Направо — проулок, налево — тупик,
неслышные лица скользнут и утонут,
едва появившись, едва наступив,
едва прикоснувшись ногою к бетону.

Тогда начинается черный прилив,
сжигает дыхания сизая жажда,
несет и колышет она, охмелив,
по темной пучине качаемых граждан.

Ослизлая ругань с разъязвленных губ,
на ней оскользаются даже копыта,
глаза динозаврьи — на каждом шагу
и затхлого запаха спертый напиток.

Как будто бы город до нитки раздет,
как будто во тьме истерической вымок.
и только созвездье: клинок и кастет
сверкает в запястьях, никем не любимых.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АСЕЕВ

Тогда, на бегу подбирая шинель,
уродливой шапкой прикрытый, как чайник,
в убийством окрашенной тишине
мильтон поспешает на хрип и отчаянье.

Он в тесный и липкий становится круг,
туда, где — предательство и увечье,
во мглу хулиганов и сиплых старух —
восходит, как месяц, лицо человечье.

И тьма расступается. Город спасен.
Бульвары немеют, прохожие реже.
Косматый кошмар превращается в сон,
и свет спозаранный по улице брезжит.

1923

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

1890–

173 *Марбург*

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженней!

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.

Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозье играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал на-зубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты. . .
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Все ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутолока не про нас.
Что будет со мною, старинные плиты?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

1915

174

О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем
Разрыве столько грез, настойчивых еще!
Когда бы человек, — я был пустым собраньем
Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!

Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку,
По крепости тоски, по юности ее
Я б уступил им всем, я б их повел в атаку,
Я б штурмовал тебя, позорище мое!

1918

175

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.

1931

176

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

177 *Художник*

Зима 1936 г

I

Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе: он отвык
От фраз, и прячется от взоров,
И собственных стыдится книг.

Но всем известен этот облик.
Он миг для пряток прозевал.
Назад не повернуть оглобли,
Хотя б и затаясь в подвал.

Судьбы под землю не заямить.
Как быть? Неясная сперва,

При жизни переходит в память
Его признавшая молва.

Но кто ж он? На какой арене
Стяжал он поздний опыт свой?
С кем протекли его боренья?
С самим собой, с самим собой.

Как поселенье на Гольфштреме,
Он создан весь земным теплом.
В его залив вкатило время
Все, что ушло за волнолом.

Он жаждал воли и покоя,
А годы шли примерно так,
Как облака над мастерскою,
Где горбился его верстак.

II

Скромный дом, но рюмка рому
И набросков черный грот,
И взамен камор — хоромы
И на чердаке — чертог.

От шагов и волн капота
И расспросов — ни следа.
В зарешеченном работой
Своде воздуха — слюда.

Голос, властный, как полюдье,
Плавит все наперечет.
В горловой его полуде
Ложек олово течет.

Что ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплава
В слово сплочены слова?

Он на это мебель стопит,
Дружбу, разум, совесть, быт.
На столе стакан не допит,
Век не дожит, свет забыт.

Слитки рифм, как воск гадальный,
Каждый миг меняют вид.
Он детей дыханье в спальной
Паром их благословит.

178 *На ранних поездах*

Начало 1941 г.

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг,
Прожектор несся всей махиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

179 *Мерани*

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед мой конь, и ни о чем не думай
Вперед! Все мысли по ветру развей.

Вперед, вперед, не ведая преград,
Сквозь вихрь и град, и снег, и непогоду.
Ты должен сохранить мне дни и годы.
Вперед, вперед, куда глаза глядят.

Пусть оторвусь я от семейных уз.
Мне все равно. Где ночь в пути нагрянет,
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звездам в небе в подданство впишусь.

Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай,
Вперед! Все мысли по ветру развей.

Пусть я не буду дома погребен.
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.

Крик беркутов заменит певчих хор,
Роса небесная меня оплачет.
Вперед! Я слаб, но ничего не значит.
Вперед, мой конь, вперед во весь опор!

Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай.
Вперед! Все мысли по ветру развей.

Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай.
Вперед! Все мысли по ветру развей.

ОСИП ЭМИЛЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

1891–1938

180

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница, —
Успенье нежное, Флоренция в Москве!
И пятиглавые московские соборы,
С их итальянскою и русскою душой,
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

181

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры;
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий;
А вечность — как морской песок:

Он осыпается с телеги —
Нехватит на мешки рогож —
И недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь!

1913

182

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты;
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

1914

183

Как тельце маленькое крылышком
По солнцу всклянь перевернулась,
И зажигательное стеклышко
На эмпирей загорелось.

ОСИП ЭМИЛЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

Как комариная безделица
В зените ныла и звенела
И под сурдинку пеньем жужелиц
В лазури мучилась заноза:

Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя:
Мне будет легче с ним — пойми меня
В беременной глубокой сини.

1923

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

1891–

184

Чужое горе, оно, как овод:
Ты отмахнешься — и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно;
Оно — горячий и мокрый воздух,
И как ни дышишь, все так же душно;
Оно не слышит, оно — кликуша,
Оно приходит и ночью ноет,
А что с ним делать? — оно чужое.

185

О них когда-то горевал поэт:
Они друг друга долго ожидали,
А, встретившись, друг друга не узнали,
На небесах, где горя больше нет.
Но не в раю, на том земном просторе,
Где шаг ступи — и горе, горе, горе,

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

Я ждал ее, как можно ждать любя.
Я знал ее, как можно знать себя,
Я звал ее в крови, в грязи, в печали.
И день настал, закончилась война,
Я шел домой, навстречу шла она,
И мы друг друга не узнали.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

1892–1941

186 *Стихи о Москве*

I

Когда рыжеволосый Самозванец,
Тебя схватил, — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? Румянец,
Красавица? — Разумница, где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою, —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стойла.
— Все вынесут кремлевские бока!

II

Жидкий звон, постный звон,
На все стороны поклон.

Крик младенца, рев коровы,
Слово дерзкое царево.

Плеток свист, да снег в крови
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

III

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? — Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? — Далече.
Голубочки где твои? — Нет корму.
Кто унес его? — Да ворон черный.
Где кресты твои святые? — Сбиты.
Где сыны твои, Москва? — Убиты.

1918

АННА АХМАТОВА

1893–

187 *Сероглазый Король*

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!. . .
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля. . .»

1910

188

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

1913. Осень.

АННА АХМАТОВА

189

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Мы знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

1893–1930

190

Домой!

Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись, души и моря глубь.
Тот, кто постоянно ясен —
тот, по-моему, просто глуп.
Я в худшей каюте из всех кают —
всю ночь надо мною ногами куют.

Всю ночь, покой потолка возмутив,
несется танец, стонет мотив:
«Маркита, Маркита,
Маркита моя,
зачем ты, Маркита,
не любишь меня. . .»
А зачем любить меня Марките?!
У меня и франков даже нет.
А Маркиту (толечко моргните!)
за сто франков препроводят в кабинет.
Небольшие деньги — поживи для шику, —
нет, интеллигент, взбивая грязь вихров.
будешь всучивать ей швейную машинку,
по стежкам строчащую шелка стихов.
Пролетарии приходят к коммунизму низом —
низом шахт, серпов и вил, —
я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм,
потому что нет мне без него любви.
Все равно — сослался сам я или послан к маме —
слов ржавеет сталь, чернеет баса медь.
Почему под иностранными дождями
вымокать мне, гнить мне и ржаветь?
Вот лежу, уехавший за воды,
ленью еле двигаю моей машины части.
Я себя советским чувствую заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу, чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали после служебных тя́гот.
Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан,
мне давая задания на́ год.
Я хочу, чтоб над мыслью времен комиссар
с приказанием нависал.

Я хочу, чтоб сверх-ставками спеца
получало любовищу сердце.
Я хочу, чтоб в конце работы завком
запирал мои губы замком.
Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо.
С чугуном чтоб и с выделкой стали
о работе стихов, от Политбюро,
Чтобы делал доклады Сталин.
«Так, мол, и так. . . И до самых верхов
прошли из рабочих нор мы:
в Союзе Республик пониманье стихов
выше довоенной нормы. . .»

1926

191 *Сергею Есенину*

Вы ушли, как говорится, в мир иной.
Пустота. . . Летите, в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса, ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин, это не насмешка, —
в горле горе комом, не смешок.
Вижу — взрезанной рукой помешкав,
собственных костей качаете мешок.
Прекратите, бросьте! Вы в своем уме ли?
Дать, чтоб щеки заливал смертельный мел?
Вы ж такое загибать умели,
что другой на свете не умел.
Почему, зачем? Недоуменье смяло.
Критики бормочут: «Этому вина
то да сё, а главное, что смычки мало,
в результате много пива и вина».

Дескать, заменить бы вам богему классом,
класс влиял на вас, и было б не до драк.
Ну, а класс-то жажду заливает квасом?
Класс — он тоже выпить не дурак.
Дескать, к вам приставить бы кого из напостóв, —
стали б содержанием премного одаренней:
вы бы в день писали строк по стó,
утомительно и длинно, как Доронин.
А по-моему, осуществись такая бредь,
на себя бы раньше наложили руки.
Лучше уж от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют нам причин потери
ни петля, ни ножик перочинный.
Может, окажись чернила в «Англетере»,
вены резать не было б причины.
Подражатели обрадовались: бис!
Над собою чуть не взвод расправу учинил.
Почему же увеличивать число самоубийств?
Лучше увеличь изготовление чернил!
Навсегда теперь язык в зубах затворится.
Тяжело и неуместно разводить мистерии.
У народа, у языкотворца,
умер звонкий забулдыга подмастерье.
И несут стихов заупокойный лом,
с прошлых с похорон не переделавши почти.
В холм тупые рифмы загонять колом, —
разве так поэта надо бы почтить?
Вам и памятник еще не слит, —
где он, бронзы звон или гранита грань? —
а к решеткам памяти уже понанесли
посвящений и воспоминаний дрянь.

Ваше имя в платочки рассоплено,
ваше слово слюнявит Собинов,
и выводит под березкой дохлой —
«Ни слова, о друг мой, ни вздо-о-о-о-ха».
Эх, поговорить бы и́наче
с этим самым с Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь гремящим скандалистом:
— Не позволю мямлить стих и мять! —
Оглушить бы их трехпалым свистом
в бабушку и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась бездарнейшая погань,
раздувая темь пиджачных парусов,
чтобы врассыпную разбежался Коган,
встреченных увеча пиками усов.
Дрянь пока что мало поредела.
Дела много — только поспевать.
Надо жизнь сначала переделать,
переделав — можно воспевать.
Это время — трудновато для пера.
Но скажите вы, калеки и калекши,
где, когда, какой великий выбирал
путь, чтобы протоптанней и легше?
Слово — полководец человечьей силы.
Марш! чтоб время сзади ядрами рвалось.
К старым дням чтоб ветром относило
только путаницу волос.
Для веселия планета наша мало оборудована.
Надо вырвать радость у грядущих дней.
В этой жизни помереть не трудно.
Сделать жизнь значительно трудней.

1926

192 *Идиллия*

Революция окончилась. Житье чини.
Ручейковою журчи водицей.
И пошел советский мещанин
успокаиваться и обзаводиться.
Белые обои ка̀ри —
в крапе мух и в пленке пыли,
а на копоти и гари
Гаррей Пилей прикрепили.
Спелой дыней лампа свисла,
светом ласковым упав.
Пахнет липким, пахнет кислым
от пеленок и супов.
Тесно править варку, стирку,
третее дитё родив.
Вот ужо сулил квартирку
в центре кооператив.
С папой «Ниву» смотрят детки,
в «Красной ниве» — нету терний.
«Это, дети, — Клара Цеткин,
тетя эта в Коминтерне».
Впились глазки, снимки выев,
смотрят — с час журналом вея.
Спрашивает папу Фия:
«Клара Цеткин — это фея?»
Братец Павлик фыркнул: «Фи, как
немарксична эта Фийка!
Политрук сказал же ей —
аннулировали фей».
Самовар кипит со свистом,
граммофон визжит романс,

два знакомых коммуниста
подошли на преферанс.
«Пизырь коки . . . черви . . . масти . . .»
Ритуал свершон сполна . . .
Смотрят с полочки на счастье
три фарфоровых слона.
Обеспечен сном и кормом,
вьет очаг семейный дым . . .
И доволен сам домкомом,
и домком доволен им. —
Революция не кончилась. Домашнее мычанье
покрывает приближающейся битвы гул . . .
Б трубы в самоварные господа мещане
встречу выдувают прущему врагу.

1928

193 *Стихи о Советском Паспорте*

Я волком бы выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями катись
любая бумажка.
Но эту. . .
По длинному фронту купе и кают
чиновник учтивый движется.
Сдают паспорта, и я сдаю
мою пурпурную книжицу.
К одним паспортам — улыбка у рта.
К другим — отношение плевое.
С почтеньем берут, например, паспорта
с двухспальным английским левою.
Глазами доброго дядю выев,

не переставая кланяться,
берут, как будто берут чаевые,
паспорт американца.
На польский — глядят, как в афишу коза.
На польский — выпяливают глаза
в тугой полицейской слоновости —
откуда мол, и что это за
географические новости?
И не повернув головы кочан,
и чувств никаких не изведав,
берут, не моргнув, паспорта датчан
и разных прочих шведов.
И вдруг, как будто ожогом, рот
скривило господину.
Это господин чиновник берет
мою краснокожую паспортину.
Берет — как бомбу, берет — как ежа,
как бритву обоюдоострую,
берет, как гремучую в 20 жал
змею двухметроворостую.
Моргнул многозначаще глаз носильщика,
хоть вещи снесет задаром вам.
Жандарм вопросительно смотрит на сыщика,
сыщик — на жандарма.
С каким наслажденьем жандармской кастой
я был бы исхлестан и распят
за то, что в руках у меня молоткастый,
серпастый советский паспорт.
Я волком бы выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями катись
любая бумажка.

Но эту. . .
я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза.
Читайте, завидуйте, я — гражданин
Советского Союза.

1929

194 *Во Весь Голос*

Первое вступление в поэму.

Уважаемые товарищи потомки!
Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы, возможно, спросите и обо мне.
И, возможно, скажет ваш ученый,
кроя эрудицией вопросов рой,
что жил-де такой певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор, снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу о времени и о себе.
Я, ассенизатор и водовоз,
революцией мобилизованный и призванный,
ушел на фронт из барских садоводств
поэзии — бабы капризной.
Засадила садик мило
дочка, дачка, водь и гладь.
«Сама садик я садила,
сама буду поливать».
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит, набравши в рот, —
кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки —

кто их, к чорту, разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н. . .»
Неважная честь, чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам, где харкает туберкулез,
где блядь с хулиганом да сифилис.
И мне агитпроп в зубах навяз,
и мне бы строчить романсы на вас, —
доходней оно и прелестней.
Но я себя смирял, становясь
на горло собственной песне.
Слушайте, товарищи потомки,
агитатора, горлана-главаря!
Заглуша поэзии потоки,
я шагну через лирические томики,
как живой с живыми говоря.
Я к вам приду в коммунистическое далеко
не так, как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет через хребты веков
и через головы поэтов и правительств.
Мой стих дойдет, но он дойдет не так, —
не как стрела в амурно-лировой охоте,
не как доходит к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих трудом громаду лет прорвет
и явится весомо, грубо, зримо,
как в наши дни вошел водопровод,
сработанный еще рабами Рима.
В курганах книг, похоронивших стих,

железки строк случайно обнаруживая,
вы с уважением ощупывайте их,
как старое, но грозное оружие.
Я ухо словом не привык ласкать;
ушку девическому в завиточках-волосках
с полупохабщины не разалеться тронуту.
Парадом развернув моих страниц войска,
я прохожу по строчечному фронту.
Стихи стоят свинцово-тяжело,
готовые и к смерти и к бессмертной славе.
Поэмы замерли, к жерлу прижав жерло
нацеленных зияющих заглавий.
Оружия любимейшего род,
готовая рвануться в гике,
застыла кавалерия острот,
поднявши рифм отточенные пики.
И все поверх зубов вооруженные войска,
что в двадцать лет в победах пролетали,
до самого последнего листка
я отдаю тебе, планеты пролетарий.
Рабочего громады класса враг —
он враг и мой, отъявленный и давний.
Велели нам итти под красный флаг
года труда и дни недоеданий.
Мы открывали Маркса каждый том,
как в доме собственном мы открываем ставни,
но и без чтения мы разбирались в том,
в каком итти, в каком сражаться стане.
Мы диалектику учили не по Гегелю.
Бряцанием боев она врывалась в стих,
когда под пулями от нас буржуи бегали,
как мы когда-то бегали от них.

Пускай за гениями безутешною вдовой
плетется слава в похоронном марше, —
умри, мой стих, умри, как рядовой,
как безымянные на штурмах мерли наши.
Мне наплевать на бронзы многопудье,
мне наплевать на мраморную слизь.
Сочтемся славою, — ведь мы свои же люди, —
пускай нам общим памятником будет
построенный в боях социализм.
Потомки, словарей проверьте поплавки:
из Леты выплывут остатки слов таких,
как «проституция», «туберкулез», «блокада».
Для вас, которые здоровы и ловки,
поэт вылизывал чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов я становлюсь подобием
чудовищ ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь, давай быстрей протопаем,
протопаем по пятилетке дней остаток.
Мне и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики не слали мебель на дом.
И кроме свежевымытой сорочки,
скажу по совести, мне ничего не надо.
Явившись в Це Ка Ка идущих светлых лет,
над бандой поэтических рвачей и выжиг
я подыму, как большевистский партбилет,
все сто томов моих партийных книжек.

1930

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

1895–1925

195

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом.
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль.
Что под вечер путник
Нашептал ковыль?

1914

196

В том краю, где жолтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочом ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щок.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу —
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на щее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

197

Клюеву.

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О, друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

198

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь . . .
Будь же ты во-век благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

1921

199

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит . . . чорт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
— Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

1922

200

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств —
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки . . . пеньки . . . косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ БАГРИЦКИЙ

1895–1934

201 *От Черного Хлеба и Верной Жены*

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены. . .

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах. . .
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах. . .
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собой теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют. . .
Бездомною стужей уют раздуваем. . .
Мы в ночь улетаем!

Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад. . .
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят . . .

Чуть ветер,
Чуть север, —
Срывайтесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах. . .

1927

202 *Песня Павлы*

С Карпат на Украину
Пришел солдат небритый,
Его шинель в лохмотьях,
И сапоги разбиты.
Пропахший мглой ночлегов
И горечью махорки,
С георгиевской медалью
На рваной гимнастерке,
Он встал перед простором
На брошенном погосте.
Четыре ветра кличут
К себе солдата в гости.

Взывает первый ветер:
«В моем краю хоромы,
Еда в стеклянных бочках,
В больших машинах громы,
Горит вино в стаканах,
Клубится пар над блюдом . . .
Иди! Ты будешь главным
Над подневольным людом!»

Второй взывает ветер:
«В моем краю широком
Взлетели кверху сабли,
Рванулась кровь потоком,
Там рубят и гуляют,
Ночуют под курганом . . .
Иди ко мне — ты будешь
Свободным атаманом!»

Взывает третий ветер:
«Мой тихий край спокоен,
Моя пшеница зреет,
Мой тучный скот удоен.
Когда закроешь веки,
Жена пойдет за гробом . . .
Иди ко мне — ты будешь
Достойным хлеборобом».

Кричит четвертый ветер:
«В моем краю пустынном
Одни лишь пули свищут
Над брошенном овином.

ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ БАГРИЦКИЙ

Копытом хлеб потоптан,
Нет крова, и нет пищи . . .
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих».

Кружат четыре ветра.
Трубят. Листву взметают.
Стоит солдат и толком,
Куда пойти, не знает.

1933

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

1896–

203

Мост

Поволжскому сердцу ветер над мостом
Дул многоверстным гудком,
Синим плясал на костях погоста
Чехословацким штыком.

И виделось мосту — черному чуду —
С его неживой высоты:
Вскипают под берегом руды,
Кипят и палят плоты.

Не рыбу-чехонь по отмели гонит
Остроперый орел-белохвост,
На восток застучали толпы и кони
Через утренний сизый мост.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

А ночью он змеем в небо прянул,
О холод вод разбил чешую —
Пытала земля в крови, в бурьяне
Ненасытную силу свою.

Над верблюжьим и лошадьим храпом
Мост тянул в прозрачной высоте
Черные обугленные лапы,
Перерубленные у локтей.
Вкруг деревни, как шальные крысы,
Жались по береговой стене,
Но уж алым яблоком-анисом
Наливалось солнце в ильмене.

Хоронили кости по дорогам,
Спрашивала медная мордва
Мастырпаса — лугового бога,
Жирно ли подымется трава.
На дворе раскольничьего дома
Догорала старая солома,
Низким дымом поле не слепя,
И бежало слово Исполкома,
Горицветом красным по степям.

Мастер молчаливый, четкий
Крикнул клич в поемные луга,
И связали умною решеткой,
Черным чудом снова берега
И когда, отчетливый и грозный,
Над водой простерся переход,
Снова версты в крике паровозном
Хлынули с заката на восход.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

Над гуртом аульим, по каменьям,
В Богородичном бору
Рельсовые закрутились звенья,
Соловьем заныли на ветру.

Породнились свистами с овчиной,
С хлябью баломутною реки,
Там, где сом, объевшись мертвечиной,
Белым брюхом бился о быки.

Над мостом же полотняный голубь
Ширь клевал у неба на краю,
Над мостом же часовой веселый
Пел про злую молодость свою.

1922

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

1896–

204 *Последние Известия*

Европа! Кровь твоя
В моих струится венах.
Европа! Мысль твоя
Горит в моем мозгу.
А весь мой долг тебе —
В проклятьях откровенных.
Лишь в этом отказать
Тебе я не могу.

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

Прощай, прощай, прощай,
Великая, тупая,
В огне ста тысяч вольт,
В чеканке и резьбе!
Вернешься ль, победив,
Падешь ли, отступая. . .
Ты гибнешь все равно.
Час только жить тебе.

Ты гибнешь! Вот они,
Все книги, все музеи,
Все школы, все гроба,
Весь пурпур на пирах,
Все, перед чем вчера
Торчали ротозеи,
Все, что скопила ты, —
Растоптано во прах.

Все! Ни семейных льгот,
Ни купленных отсрочек,
О, даже песни нет,
Какой бы ты могла
Урвать от времени
Летящего кусочек,
Ласкут старинного
Домашнего тепла!

Когда же ты пойдешь
От вывороченных рельсов,
Седая, жалкая,
С толпой нагих ребят,

И грубая зима
Отвергнет погорельцев,
И штормы всех морей
Вам гибель протрубят, —

Тогда приди сюда!
Мы знаем соль и горечь
Слез, за которые
Заплачено сполна.
Мы окружим тебя
Стеной народных сборищ
И морем голосов,
Где каждая волна
О будущем поет.
Ты нас не переспоришь!
Мы — человечество,
Каким ты стать должна.

1940

205

Что, же, старость — так старость. Нехитрая, кажется, вещь.
Не силен ее голос, да все-таки он не зловещ.
Небольшое пространство — жилплощадь моя человечья,
А друзья соберутся — шумней новгородского веча.
И пылятся на полках тома перечитанных книг.

Если б сын мой достал их и жадно к страницам приник, —
Всю бы жизнь мою длинную понял и заново начал,
Кое-что сохранил бы, но главное переиначил.
Но далеко мой мальчик уехал, куда, не сказал.
Взял мешок вещевой и пошел прямиком на вокзал.

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

Телеграммы не шлет и короткой открытки не пишет.
А когда позовешь его, — он ничего не услышит.

Что же, старость — так старость. Посмотрим куда она гнет,
Что за дверь распахнет, что за пыль с человека смахнет.
Может, сказкой порадует, может, и правду присудит,
Может, печку затопит, а может, и вовсе остудит.
Что же, холод — так холод! Прижмись ко мне крепче, дружок.
Я окно занавесил, неяркую лампу зажег.
Расплываются лица. Слезятся усталые веки.

Что же, значит, навеки? Выходит, и вправду навеки.

ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ СЕЛЬВИНСКИЙ

1899–

206 *Два Слова о Поэзии*

Солдаты, няньки да нищие
Пели, бывало, в стране,
И песня гнездилась под нишей,
Плакала о старине.

Но пушки Невы и Пресни,
Как рельс, прокатили струну —
По белозубой песни
Узнаешь теперь страну:
Она глуховато, но жарко
Баском жужжит из метро;
Она звенит у доярки
Струйками о ведро;

Ее выносит Стаханов
Грохотом «на-гора»,
И тостом железных стаканов
Подъял ледокол якоря!
Где ж командиры чувства?
Почему не возглавили массы?
Ведь стало поэтам чуждо
Бездушное слово «мастер».
  Неужели поэзия — зрелище
Ювелиризма куцого?
Неужели мы не дозрели еще
До всенародного искусства?

Проверим же наши метафоры,
Громы, огни и стяги, —
Быть может, придется завтра
С песней итти в атаки;
Быть может, придется завтра
Во лбу военной колонны
Такие
        рычать
            ядра,
Чтоб корни взлетели у клена!

Звенящее слово — это не кружево
Не перлы, где переливы льются.
Звенящее слово — это оружие
На карауле у революции.

1936

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ

1910-

207

I

Когда прижимались солдаты, как тени,
К земле и уже не могли оторваться, —
Всегда находился в такое мгновенье
Один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
Она подтвердит, не прикрасив ни мало, —
Один поднимался, но был он — как совесть.
И всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколенье запомнит,
Но в тот исступленный, клокочущий полдень
Безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
Поднялся и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое — Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: «Пора!»

Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
Он звал, и храпел, и карабкался в гору,
Он первым взлетел на нее, — обернулся
И ахнул, увидев открывшийся город!

И, может быть, самый счастливый на свете,
Всей жизнью в тот миг торжествуя победу, —
Он смерти мгновенной своей не заметил
Ни страха, ни боли ее не изведав.

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
А город стремительно мчался навстречу. . .
. . . Впервые за долгие годы — снаряды
На улицы к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отрадно,
Над городом темным, уставшим от бедствий . . .
— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде, —
Сказала сестра и уснула, как в детстве.

— Как тихо, — подумала мать и вздохнула,
Так вольно давно никому не вздыхалось.
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
Забытой земной тишины испугалось . . .

II

Мертвый, мертвый. . .
Он лежит и слышит
Все, что недоступно нам, живым:
Слышит — ветер облако колышет,
Высоко идущее над ним.

Слышит все, что движется без шума,
Что молчит и дремлет на земле;
И глубокая застыла дума
На его разглаженном челе.
Этой думы больше не нарушить . . .
О, не плачь над ним, — не беспокой
Тихо торжествующую душу,
Услыхавшую земной покой.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

1915–

208

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкою с «Ньюпора»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытав последнего мотора.

Никак не можем примириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы . . .

1939

NOTES

Устная Поэзия

THE earliest extant examples of Russian traditional poetry were written down in 1619 for Richard James, chaplain to the English Ambassador to Tsar Mikhail Fyodorovich. James's manuscript (now in the Bodleian) contains six historical and lyrical poems of which three are included in this anthology (Nos. 7, 8 and 13). Fragments of byliny are preserved in a number of other seventeenth-century manuscripts, but the first considerable collection of traditional poetry, Древние Российские Стихотворения собранные Киршею Даниловым dates from the 'sixties of the following century. This collection of seventy poems, epic, historical, lyrical, and comic, was, along with the song-books of Chulkov (1770) and Lvov (1790) for many years the principal text of a literature which was believed by the contemporaries of Pushkin and Lermontov to have perished leaving no other trace.

Not until the 'sixties of last century was it discovered that ancient poems similar to those of Kirsha Danilov were still preserved in the far north. P. N. Rybnikov, exiled in 1859 to the region north of Lake Onega, passed his time there in taking down copies of songs from their peasant performers (сказители). These texts aroused the interest of Rybnikov's friend, the Slavophil poet A. S. Khomyakov, who insisted that they be published. The result was one of the basic collections of byliny, four volumes containing 224 poems, which appeared between 1861 and 1867. Rybnikov was followed a few years later by A. F. Hilferding, who reaped a still richer harvest in the same area. Since then many scholars have combed the north, Siberia, and the Cossack country, and new versions of byliny and historical songs are still being recorded. The byliny have not yet been assembled into a corpus, and the reader who is not satisfied by anthologies must go to the separate collections published under the names of the scholars who recorded them. The case is somewhat different with traditional lyrical poetry. The seven

volumes of Великорусские народные песни published by A. I. Sobolevsky between 1895 and 1902 were in their time a pretty complete collection and, although an equal or greater quantity of material has been published since then, are still the principal source.

The byliny are composed in unrhymed verse of loose metric structure. Normally the line has three main beats with a weaker fourth on the last syllable; the beats are separated by a varying number of unaccented syllables:

Высота́ ли, высота́ поднебе́сная́,
Глубота́, глубота́ окия́н-море́.

The structure of the typical bylina is the following; first, the introduction (зачин, запев, прибаутка) which is sometimes an introduction to the particular story, sometimes almost a musical overture, a few lines designed to create atmosphere and to induce the suitable mood but having no direct relation to what follows; then the narrative itself; finally the conclusion (исход) often a variant of the following:

То старина, то и деяние:
Синему морю на утишение;
Быстрым рекам слава до моря;
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье.

Byliny are always sung, never recited, by the сказители. Most byliny are too long for inclusion in this book; and they are represented here by selections.

1. Былинные зачины (i) Kirsha Danilov, No. 1, (ii) Markov, Беломорские былины No. 107, (iii) Rybnikov, Vol. II, No. 31.

2. Rybnikov, Vol. II, No. 30.

3. Kirsha Danilov, No. 20. Tugarin is a corruption of Tugor Khan, the name of a Polovtsy Khan of the eleventh century.

гридня: hall; полтретья: two-and-a-half; чембур: rein; волочайка: trollop.

4. (i) and (iii) Martov, Maslov and Bogoslovsky, Труды Муз-Этногр. Комиссии, Vol. II, 1911, No. 24; (ii) Rybnikov, Vol. II, No. 7. The story of how Dobrynya Nikitich was sent

out to the крепкие заставушки, how in his absence Alyosha Popovich courted his wife and, after twelve years, won her, how finally Dobrynya attired as a minstrel appeared at the wedding feast to claim his wife, is one of the most popular of the bylina repertoire and is extant in dozens of versions. The contaminatio in the text covers the main episodes.

тулять: to hide; приедучись не начаются : ждут-не дождутся когда приедет (Rybnikov's note to first edition); опачей реку: задом к реке (Rybnikov's note to first edition); яровчатый: of plane wood; победный: wretched.

5. (i), (iii) and (iv) A. D. Grigoryev, Архангельские былины и исторические песни, Vol. III, No. 15; (ii) Tikhonravov and Miller, Русские былины старой и новой записи, No. 8; (v) Песни собранные П. В. Киреевским, Sec. iv, p. 108. (i) is in effect a зачин, longer than usual. The невзгода which Our Lady foresees is the destruction of Kiev by the Mongols. The historical kernel of the byliny which relate the end of the bogatyrs is the Mongol invasion; its episodes are not clearly distinguished, and Mamai, who was defeated by Dmitri Donskoi 140 years after the fall of Kiev is in the byliny associated with this, the greatest of Russian defeats. A poetical invention is the episode related in (iv) in which Ilya Muromets (старый казак, старый) comes in disguise to Mamai's tent and kills him.

прирасхонуться: to laugh aloud.

6. Sobolevsky, Vol. I, No. 226. The poem is probably an echo of the capture of Kazan by Ivan the Terrible in 1552.

7. Miller, Исторические песни русского народа, No. 92. One of the songs taken down by Richard James. The Tartar inroad is that of Devlet Khan (1572).

8. Miller, op. cit., No. 240. Another of Richard James's texts.

9. Hilferding, Онежские былины, No. 88. A passage from an historical song dealing with events of the year 1610.

10. Kirsha Danilov, No. 34. Alexei Mikhailovich laid unsuccessful siege to Riga in the autumn of 1656 (for six weeks, not for three years).

11. Chulkov, Собрание разных песен, Vol. I, No. 134. Stenka Razin, the hero of many Cossack songs, led the great

peasant rising of the seventeenth century (1667–1671). He was executed on the Red Square on 6 June 1671.

12. Sobolevsky, Vol. VI, No. 256.

13. Sobolevsky, Vol. VI, No. 211. A soldier's lament, recorded by Richard James.

14. Sobolevsky, Vol. VI, No. 391.

15. Sobolevsky, Vol. VI, No. 480.

16. Sobolevsky, Vol. VI, No. 394.

GAVRILA ROMANOVICH DERZHAVIN, b. 1743 in the province of Kazan; his family were landed gentry; he served in the army and took part in the suppression of Pugachev's revolt (1773). His first extant poems are dated 1774. In 1782 he attracted Catherine II's attention by his 'ode' *Felitsa*, in which he praised the Empress and satirized her courtiers. This poem laid the foundation of his popularity and of a career in the Civil Service: he was in turn governor of Olonetz, of Tambov; private secretary to the Empress; Senator; Minister of Justice and a Member of the Council of Empire. He died in 1816. During his life-time he was generally considered to be the first of Russian poets, and it needed the advent of Pushkin to eclipse his fame. His verse is unequal, but at its best it has a sweep of splendid rhetoric, and he combines realism and humour with sublimity; he has, too, an astonishing power of rendering impressions of colour and light. The standard edition of his work was published by the Academy of St. Petersburg, and edited by J. K. Grot (1868 and foll.) in seven volumes. Several of Derzhavin's lyrics are translated in John Bowring's *Russian Anthology* (1821–1823).

17. The Ode Бог (*God*) was in its time the most famous of all Derzhavin's lyrics. God is the God of a Deist rather than of a Christian. The Ode has been translated into several languages. The British Museum possesses a copy of an English version published by the Anti-Vivisection Society in Aurora, Illinois.

IVAN ANDREYEVICH KRYLOV, b. 1768 in Orenburg. His father was an officer in the army, promoted from the ranks. He was not well educated and was still young when he turned to journalism and the drama for a living. He wrote his first

fable in 1805, and the first book of his *Fables* appeared in 1809. They achieved a speedy and immense popularity, and Krylov was recognized to be the most national of Russian writers. During the nineteenth century his *Fables* went into a greater number of editions and had a better sale than any other secular book. Soon after the publication of his first book of Fables, Krylov was given an appointment in the Imperial Public Library—a sinecure—which lasted all his life. Many anecdotes are told about his laziness, his untidiness, his voracious appetite, and his shrewd and malicious humour. He died in 1844.

18. Два Голубя: an adaptation of La Fontaine's fable *Les deux Pigeons*. It is interesting to compare these two poems. Lines 5 and 6 in the Russian version are inimitable, untranslatable, and peculiarly Russian.

Vasily Andreyevich Zhukovsky, b. 1783 in the province of Tula, died 1852. The natural son of a gentleman called Bunin and of a Turkish girl. Educated at the University of Moscow. In 1802 he published his first version of Gray's *Elegy*, which has often been described as the dawn of modern Russian poetry; in 1808 appeared *Lyudmila* (an adaptation of Bürger's *Lenore*), which started a rage for ballads; in 1812 he enlisted in the militia and while in the army wrote his Певец во стане Русских воинов (well translated in John Bowring's *Russian Anthology*, 1823), which made him popular all over Russia. In 1816 he became intimate with the Imperial Family, first as teacher of Russian to Nicholas I's wife, later on as tutor to the future Emperor, Alexander II. Zhukovsky was the pioneer of Romantic (or rather, pre-Romantic) poetry in Russia. His work consists almost wholly of translations. His favourite poets were English (Gray, Scott, Southey, Moore, Byron) and German (Schiller and Uhland). He also translated the whole of the *Odyssey* (1847). Zhukovsky is looked upon by Russians as the Poet's poet, and as a craftsman of Russian verse, and a master of technique, second only to Pushkin.

25. This is Zhukovsky's second version of Gray's *Elegy*, written in 1839 after a pilgrimage to Stoke Poges. The use of

hexameters, with frequent *enjambements*, is characteristic of Zhukovsky's latest manner. The earlier version was his first effort in translation.

ALEXANDR SERGEYEVICH PUSHKIN, b. May 26 (o.s.), 1799, in Moscow. On his father's side Pushkin was descended from one of the oldest families of the Russian nobility. His mother's grandfather was an Abyssinian (not a negro as is generally said). He was educated at the Lyceum of Tsarskoe Selo (1811–1817). He began writing poetry when still a boy. His first poems were printed in 1814; his first book, *Ruslan and Lyudmila*, in 1820, a romance in the style of Ariosto, which was instantly successful. Pushkin was at once acclaimed as the first Russian poet. In the same year he was banished to South Russia for writing revolutionary poetry. He spent four years in the South: the Caucasus, the Crimea, Bessarabia, Odessa. It was here that he discovered Byron (in a French translation), and under the influence of his Oriental Tales wrote *The Prisoner of the Caucasus* and *The Fountain of Bakhchisaray*. But Byron's influence was never more than skin-deep. Pushkin's 'Byronic' or 'Southern' poems were still more successful than *Ruslan* and found endless imitators. In 1824 Pushkin was again banished to his father's estate in the province of Pskov. His exile lasted until 1826, when he was pardoned by Nicholas I. Most of his best work, including *Evgenie Onegin*, *The Gipsies*, *Boris Godunov*, and *Poltava*, was written between 1824 and 1831. In 1831 he married Nathalie Goncharova, famous for her beauty, and thirteen years younger than himself. He settled in St. Petersburg, where he met with an exacting and exasperating patron in Nicholas I. The increase of his family led to money difficulties (although considering the epoch and the state of the market his work was handsomely remunerated). His wife's coldness and frivolity was a perpetual source of torment to him. Her relations with Baron D'Anthès (a French Royalist in the Russian service) led to a duel. Pushkin was mortally wounded, and died after a prolonged agony on January 29 (o.s.), 1837. During the last years of his life he abandoned verse for prose: fiction, history, and journalism. With the publication of *The Prisoner of the*

Caucasus, Pushkin's contemporaries recognized him as the first of Russian poets. In his later years his popularity waned, but after his death his supremacy was once more unquestioned. His fame suffered a temporary eclipse in the 'sixties and 'seventies, but from 1880 onwards (the date of Dostoyevsky's famous speech) it has increased steadily. Pushkin is to a civilized Russian what Dante is to the Italians and Goethe to the Germans. Editions of Pushkin's works are numerous, but none are completely satisfactory. The best is the 'Academia' edition in six volumes, 1936–1938.

26. Пророк, written in 1826.

27. Анчар (The Upas-tree), written in 1828.

28. Гусар, written in 1833.

29. Бесы, written in 1830.

30. Воспоминание, written in 1828. This is one of the only three *poems* included by Tolstoy in his *Reading Book* (Круг Чтения). The other two are Baratynsky's *Death* (Смерть) and Tyutchev's *Silentium*.

31. Элегия, written in 1830. Translated by Maurice Baring in *Outline of Russian Literature*.

32. Красавица, written between 1831 and 1834.

33. Я вас любил, written in 1829.

34. К А. П. Керн, written in 1825. An example of Pushkin's art at its highest and perhaps the most perfect of his love poems.

35. Предчувствие, written in 1828.

36. Элегия, written in 1820.

37. Телега Жизни, written in 1823, and printed in this shape in 1824. The preceding rhyme makes a reconstitution of the second half of the eighth line easy. In the posthumous edition, edited by Zhukovsky, the sixth and eighth lines were 'emended', that is to say, bowdlerized, by the editor.

38. Поэт, written in 1827.

39. Туча, written in 1835.

40. Молитва, written in 1836. The second half of the poem (from l. 10) is a paraphrase of the Penitentiary Prayer of St. Ephraim of Syria, which is recited in the Eastern Church at every service during Lent.

41. Мадонна, written in 1830. One of Pushkin's three Sonnets. The sonnet was first introduced into Russia by

Sumarokov (1717–1774), who followed the French model. Delvig (1798–1831), Pushkin's closest friend and schoolfellow, was the first Russian poet to write sonnets in decasyllabics, after the manner of Goethe and Schlegel. But the tradition of writing sonnets in alexandrines was revived by the Polish poet Mickiewicz. Two of Pushkin's sonnets are in alexandrines and one in decasyllabics. The latter is a paraphrase of Wordsworth's 'Scorn not the sonnet, critic'.

42. Ненастный день потух, written in 1824. The poem is not an unfinished fragment, but was printed in this form by Pushkin.

43. Три Ключа, written in 1827.

44. From Евгений Онегин, canto iv, stanzas 40–41 (see note to No. 54).

45. Зимнее Утро, written in 1829.

46. Зимняя Дорога, written in 1826.

47. From Евгений Онегин, canto v, stanzas 1–2.

48. Стрекотунья белобока, a posthumous fragment written in 1825.

49. Монастырь на Казбеке, written in 1829, during Pushkin's tour to the Russian army, which was at that time fighting the Turks in Armenia.

50. Пир Петра Великого, written in 1835.

51. Клеветникам России, written in 1831, during the Polish Rebellion. The pretext for this outburst were the pro-Polish speeches in the French Chamber.

52. Руслан и Людмила, Пролог, written in 1828 for the second edition of that Romance. An epitome of the favourite subjects of Russian folklore.

53. Памятник, written in 1836. This is, as is hinted in the epigraph, an imitation of Horace's ode and more directly of Derzhavin's adaptation of it. The fourth stanza has been commented on *ad nauseam* by Liberal and Radical critics. M. Gershenzon (in Мудрость Пушкина, 1918) has tried to prove that the stanza, taken with the one that follows it, should be interpreted ironically.

54. Евгений Онегин, begun in 1823 and finished in 1831. The third Canto, which contains Tatyana's letter, was written in 1824.

55. Полтава, written in October 1828.

56. Разговор Книгопродавца с Поэтом, written in 1824.

57 and 58. Борис Годунов was written in 1825 under the influence of Karamzin's *History of Russia* and of Shakespeare's Chronicle plays. It is the longest, but in the opinion of many critics not the most successful of Pushkin's dramas. In it Pushkin used a peculiarly monotonous and fettered form of blank verse, with a compulsory caesura after the fourth syllable, as in the French *décasyllabe*. The English public has been made familiar with *Boris Godunov*, Musorgsky's great 'musical drama'. But Musorgsky did not follow the play in all points: many of Pushkin's scenes are omitted and a few which are not in Pushkin's text are added.

59. Скупой Рыцарь: written in 1830, together with three other 'little tragedies' (Каменный Гость, Моцарт и Сальери, and Пир во Время Чумы). In these plays Pushkin reaches the high-water mark of his work as a dramatist. They were written mainly under English influence: Пир во Время Чумы is an adaptation of a scene from John Wilson's *City of the Plague*; Скупой Рыцарь Pushkin ascribed to a fictitious English poet 'Chenstone'; the form may have been suggested by some of Barry Cornwall's work. The blank verse of these 'tragedies' is much freer than that of *Boris Godunov*; it has no caesura, and frequently uses *enjambements*.

Kondraty Fyodorovich Ryléyev, b. 1795. Like most of the poets of his time he came of the stock of the landed gentry. He took a prominent part in the Revolutionary movement of 1825 and was the brains, and the soul, of the Northern Secret Society. After the failure of the Revolt he was one of the five leaders to be sentenced to death. He was hanged on June 13 (o.s.), 1826. His reputation as a poet rests on *Voynarovsky* (1825), an historical poem of the times of Peter the Great, and on a few lyrics inspired by his love of freedom, one of which is quoted here under No. 60.

Ivan Ivanovich Kozlóv, b. 1779. Served in the army. In 1820 he became blind. It was only then that he began to write verse. In 1824 he published Чернец (The Monk), a Byronic poem which met with a success second only to that

of Pushkin's. But his best work are translations, mainly from the English poets (Wordsworth, Byron, Moore, &c.). He died in 1840.

61. На Погребение, &c. This is of course a translation of Charles Wolfe's famous ode *On the Death of Sir John Moore*. The poem is quite as much of a classic in Russia as in England.

Evgeny Abramovich Baratýnsky (or Boratynski), b. 1800 on his parents' estate in the province of Tambov. For a misdemeanour committed when a schoolboy he had to serve six years as a private soldier. In 1825 he was given a commission and left the service. His later life was uneventful. He died in 1844 in Naples. His elegies and tales in verse were popular among his own generation (Эда, 1825, and Бал, 1828). He was greatly admired by Pushkin. The next generation neglected him, though it was only towards the end of his life that he wrote his best poems (Сумерки, Twilight, 1842). In the second half of the century he had but few readers (one of them was Tolstoy). But since then he has met with a triumphant revival. His most characteristic work are his philosophical lyrics, like the one quoted here. He is, after Pushkin and Zhukovsky, one of the three great masters of technique in Russian verse.

Nikolai Mikhailovich Yazýkov, b. 1803 on the Volga; a student at the German University of Dorpat. He became a permanent invalid before the age of thirty. He died in 1846. Yazykov's poetry is mainly remarkable for its wonderful rhythm. Readers of Yazykov are familiar with the effect produced by his verse, which has again and again been compared with physical intoxication. His early poetry is Anacreontic, his later work mainly patriotic and religious. He was Gogol's favourite poet. Neglected in the second half of the nineteenth century, he, too, was 'revived' in the last decade.

64. Пловец. This poem, set to music, has become very popular.

Aleksei Vasilyevich Koltsov, b. 1808 in Voronezh. The son of a wholesale cattle-dealer. His father was a man of means, but as he did not belong to the nobility and received

no regular education, Koltsov, according to the ideas of the time, belonged to the 'people'. The poetry he wrote in the ordinary style of the day is uncouth and clumsy, but his 'Russian Songs' are unique. They carry on a tradition of *literary* song-writing which can be traced as far back as the eighteenth century, and which does not proceed directly from Russian folk-song. His metre, though an imitation of the 'popular' metres, is distinctly conventional at times. His first book appeared in 1835, when he came into contact with the budding *intelligentsia* of Moscow (Belinsky), and under the influence of his new friends and of their German idealism wrote a series of very puerile 'philosophical' meditations. He died in 1842. His works have been excellently edited by the Academy of St. Petersburg (1911). *A Sheaf of Papers*, by Professor Oliver Elton, contains an interesting paper on Koltsov, with some translations.

Mikhail Yuryevich Lérmontov (or Lermantov) was born in 1814 in Moscow. He had for ancestor a Captain George Learmount, a Scottish officer in the Russian service (early seventeenth century). The Learmounts trace their descent to Thomas of Ercildoune, Thomas the Rhymer. At sixteen Lermontov entered the University of Moscow, but was transferred in 1832 to the Cavalry School in St. Petersburg. In 1834 he received his commission, in the Hussars of the Guards. In 1837, for his poem on the death of Pushkin (see No. 69), he was detailed to the Caucasus. In the following year he was allowed to return and became a lion in St. Petersburg society. In 1839 he fought a duel, for which he was again sent to the Caucasus. He took part in several expeditions against the Mountaineers, and fought with distinction. In 1841, when staying at Pyatigorsk (a well-known Caucasian watering-place), his conduct led to another duel with a Captain Martynov. The duel was fatal. Lermontov was killed (June 15, 1841).

Lermontov began writing verse early, but it was not before 1837 that he attracted any attention. His only book of verse appeared in 1840. In the same year appeared his only novel, Герой Нашего Времени (A Hero of our Times), which placed him in the first rank of Russian novelists. His famous poem

Демон appeared posthumously in 1858. Lermontov is the most romantic of Russian poets. Byron exerted a more lasting and a deeper influence over him than over Pushkin. Lermontov ever since his death has been recognized as the second greatest poet of Russia. The editions of his works are all unsatisfactory, as his mature work, small in extent and perfect in quality, is swamped in his voluminous posthumous poems written for the most part before he was eighteen. [The best is the 'Academia' edition in five volumes, 1935–1937.]

69. Смерть Поэта, written in 1837, under the first shock of the death of Pushkin (see biographical note).

70. Отчизна (1839). *Things New and Old* by John Swinnerton Phillimore (1908, H. Milford) contains an English version of this poem (*Lermontov's Patriotism*).

72. Последнее Новоселье, written in 1840, on the occasion of the transfer of Napoleon's body from St. Helena to the Invalides.

74. Ангел, written in 1832, when Lermontov was only eighteen, but not printed till 1840. This poem and the next (No. 75) stand out from the rest of Lermontov's *juvenilia*, which are for the most part morbid in conception and clumsy in execution.

82. Мцыри, written in 1839. *Mtsiri* is a Georgian word and means novice. In this poem Lermontov perhaps attains to the highest reaches of his work. Its versification is interesting; the exclusive use of *single* rhymes is contrary to the established traditions of Russian literature and can be accounted for by the influence of the English poets (Scott's and Byron's octosyllabics). This metre was first used by Zhukovsky in his translation of *The Prisoner of Chillon* (1821).

83. Демон was begun in 1829 and finished in 1839, but not published till 1858. It is Lermontov's most popular poem, mainly owing to the easy and caressing mellifluousness of its verse.

Aleksei Stepanovich Khomyakóv, b. 1804 in Moscow. Served in the Horse Guards and took part in the war with Turkey of 1828–1829. In the 'thirties he was one of the founders, and later became the most influential leader, of

Slavophilism. He is also the most prominent and influential theologian of the Russian Church in the nineteenth century; all Orthodox Theology as it developed later on bears the impress of his thought. His best poems (mainly patriotic and devotional) were written in the 'forties and 'fifties. He died in 1860.

84. Орел, written in 1835, and one of the earliest literary manifestations of Slavophilism.

86. России, written in 1854, at the beginning of the Crimean War.

Nikolai Alexeyevich Nekrásov, b. 1821. His father was an uneducated squire of the crudest type; his mother a Polish gentlewoman. At the age of seventeen he left his home in the province of Yaroslavl and came to St. Petersburg. He was for some time a student at the University, but soon had to leave it for lack of means. He earned a living by literary hackwork, but soon began to publish, and with great success. In 1846 he published a miscellany (Петербургский Сборник), a manifesto of the rising 'Natural School'; it included among other things Dostoevsky's first novel (Бедные Люди). In the same year he bought the Современник, a review which, founded by Pushkin, had sunk into insignificance since his death. In Nekrasov's hands it rapidly became the most popular magazine in Russia and the rallying ground of all the Liberal (and, after 1856, of the Radical) writers. It was suspended in 1866, but was revived soon afterwards under another name. Nekrasov was pushing and unscrupulous as a man of business, but an editor of genius. He was also the best critic of verse of his generation. As a poet he was the only representative of the Natural School in poetry. His poetry is never 'without a purpose'; it is what used to be called in Russia 'civic poetry' (гражданская поэзия). During his lifetime Nekrasov's poetry was usually judged according to party shibboleths, and only recently he has finally been recognized as one of Russia's greatest poets, and certainly one of the most original. His masterpiece, Кому на Руси жить хорошо, was written in 1870–1873. It has been translated into English by Mrs. Soskice (*The World's Classics*). He died in 1877.

89. Родина. A splendid translation of this satire by Professor O. Elton appeared in the *London Mercury*, No. 28, February 1922.

93. Коробейники, written in 1861. This is one of Nekrasov's most charming and original productions. Some passages of it have become popular as songs.

94. Плач Детей. This is not a translation but a condensed paraphrase of Mrs. Browning's *The Cry of the Children*.

95. Саша was written in 1854. The principal characters are reminiscent of Turgenev's *Rudin*, which appeared the year after.

97. Мороз Красный Нос, one of the finest of Nekrasov's longer poems.

Verse 19. The pronoun (над нею) refers to Darya, the heroine of the poem, a peasant woman, whose husband's death has been related in the earlier parts of the poem. She has gone to the forest to cut wood for his coffin.

Fyodor Ivanovich Tyútchev, b. 1803. He studied at the University of Moscow, and in 1822 entered the diplomatic service. He occupied posts at Munich and at Turin, where he was at one time *chargé d'affaires*. In 1840 he left the diplomatic service and came to St. Petersburg, where he became a prominent figure in society owing to his wit and his brilliance. He was married twice; both his wives were Bavarians. Like many Russian nobles of his generation, he wrote and spoke French with greater ease than Russian. All his correspondence and his very interesting political papers are in French. He seems to have used Russian only for verse. In politics he was an ardent Panslavist. He died in 1873. His earliest poems were printed as early as 1820, and many of his best and best-known lyrics appeared in 1836–1838 in Pushkin's Современник. But his poetry attracted little attention until in 1850 Nekrasov wrote enthusiastically of it in his Review. This was followed by a publication of Tyutchev's poetry in book-form (1854). All the best judges (including Turgenev and Tolstoy) recognized Tyutchev as the greatest living poet of the day. But his politics and the peculiar quality of his nature-poetry prevented it from becoming popular among the *intelli-*

gentsia. A brilliant essay on Tyutchev's poetry and on his conception of Chaos and Cosmos was published in 1895 by Vl. Soloviev. About the same time he was 'taken up' by the Symbolists, who considered him as a 'precursor', and before long he was generally recognized as one of the small number of great poets. Several editions of his works have appeared since 1912, but a satisfactory edition is still lacking (see note to No. 100). [The 'Academia' edition 1933–1934 supplies the want.]

100. Сон на Море was first printed in 1836, but in 1854 it appeared in a new form (reproduced here), where the numerous 'irregularities' of the original version were smoothed away by Turgenev. Turgenev exercised a sort of critical dictatorship over the poets of his day. This was especially easy to do towards Tyutchev, because he took no interest in the publication of his verse and refused to read his proofs. The *Vulgate* of both Tyutchev and Fet bear the strong impress of Turgenev's revisions, which on the whole tended towards smoothness of rhythm and what he thought good taste. The original versions presenting Tyutchev's poetical conceptions untouched by the hand of Turgenev have not been reprinted in any edition of the poet's works.

101. Святая ночь. This is one of Tyutchev's most characteristic 'pantheistic' poems. The conception of day as 'a golden cover' of Order and Light thrown over the unfathomable abysses of Night and Chaos occupies a central place in Tyutchev's 'philosophy'.

Afanasy Afanasyevich Fet, b. 1820 in the province of Orel. His father was a country gentleman of the name of Shenshin, his mother a German. Their marriage was invalid in Russia and the poet had consequently to bear his mother's name (in German Foeth) till at last in 1877 he was allowed to adopt his father's. But in literature he retained the old name that he had made famous. He studied at the University of Moscow and served in the Cavalry. In 1856 he retired and for the rest of his days lived the uneventful life of a country gentleman in Central Russia, interested mainly in bettering his worldly estate. His views were extremely reactionary. He died in 1892. He began writing poetry early, and some of his best

and most popular lyrics were published as early as 1842. In the 'sixties the 'anti-aesthetic' critics who rejected poetry altogether choose Fet for their special victim, and the comic papers and reviews of the period are full of more or less amusing jokes at his expense. On account of this he left the world of letters from after 1863. He published new matter in 1885, when the atmosphere had become more favourable for 'pure art'. His influence was great on Vl. Soloviev, and after his death on the Symbolists. Besides two volumes of lyrics he has left us numerous translations from the Latin poets (Virgil, Horace, Catullus, Propertius) and three volumes of interesting but singularly reserved Memoirs.

A Sheaf of Papers, by Professor O. Elton, contains an interesting essay on Fet, with numerous translations.

104. Шопот. Робкое дыханье. This poem was the special favourite of the anti-poetry critics of the 'sixties, and was ridiculed by the comic papers of the time. One of the points especially singled out for ridicule was the absence of verbs in the whole poem, a feature, however, which is in harmony with the spirit of the language.

Apollon Nikolayevich Máikov, b. 1821 in Moscow, of a family of artistic and literary traditions (his great-grandfather, V. I. Maikov, was famous in the eighteenth century for his burlesque poem Елисей или Раздраженный Вакх). Maikov was trained at first to be an artist. He began writing poetry early (his first verse was published in 1835!), and he soon became popular; he was the most universally admired and least criticized poet of the Victorian Age, but of recent times his reputation has suffered eclipse. His early poetry is in the style of André Chénier and the Greek Bucolic poets. He died in 1897.

113. Сенокос. This poem is an inevitable item of every child's anthology. It is often the first piece of poetry to be learnt by heart by Russian children

Yakov Petrovich Polónsky, b. 1819 in Ryazan, d. 1898. His life was entirely uneventful. He was a friend of nearly all the great literary men of the time, and inspired sincere affection among all who knew him (especially Turgenev and

Fet). His first book appeared in 1845; all his best work was done before 1870. For 'lyrical cry' he has no rival among the poets of his time, and he has a fine romantic vision, rare in Russian poetry, which in combination with his homely realism gives his poetry a unique flavour. But he was obsessed by the necessity of expressing 'ideas'; this, together with the low standard of poetical craftsmanship of his time, was fatal to him, and his best work is out of all proportion to his voluminous worst.

118. Встреча. The last line has become a familiar phrase in Russian.

Ivan Savich Nikítin, b. 1824 in Voronezh, the son of a tradesman. Like his fellow townsman Koltsov, he came from the 'people', but most of his poetry is 'literary' both in diction and metre. His most interesting work is the narrative poem Кулак, the most sustained effort in Russian poetry in a ruthless and uncompromising realism. He died in 1861.

Count Alexei Konstantinovich Tolstóy, a distant cousin of his more famous namesake. Born in 1817 in St. Petersburg. He was exceptionally well educated, and on a visit to Weimar sat on Goethe's lap. He was a personal friend of the Emperor Alexander II. Except during the Crimean War, when he served as a major in a militia regiment, he occupied only honorary posts at court and lived the free life of a nobleman of more than independent means. His country place was in Little Russia. He began writing verse rather late (in 1854), and his first book appeared in 1867. In the following years he wrote a noble *Dramatic Trilogy*, the most popular series of Russian historical plays. The second part of the trilogy, Царь Федор, is one of the favourite plays in the repertory of the Moscow Art Theatre. He also wrote an historical novel on the period of Ivan the Terrible. He died in 1875.

As a poet, besides excelling in lyrics and the ballad, he is *facile princeps* among Russian writers of humorous and nonsense verse. Сон Статского Советника Попова, a satire on the Minister Valuiev, is his masterpiece in this line. He invented in collaboration with his cousins, the brothers

Zhemchuzhnikov, the figure of Kosma Prutkov, a Russian M. Prudhomme, and published numerous works in prose and verse under that name. *The Works of K. Prutkov* is a favourite book, 'all quotations', in Russia, and in its way unrivalled.

124. Ой стоги́, стоги́. Compare this Slavophil allegory with Khomyakov's Орел (No. 84). Note the lines:

Поганые гнезда

and

Далёко, далёко,

with the accents shifted to a weak syllable, a thing not tolerated in Russian literary verse, but very common in both Great and Little Russian rhymed folk-song.

126. Горними тихо летела. Compare Lermontov's Ангел (No. 74).

130. Осень! Обсыпается. This poem and Nos. 131 and 134 are all very popular as songs.

The following English paraphrase of No. 130, by Lady Desborough, appeared in the *Dublin Review* (No. 337, 1921):

November

Winter is near, the golden leaves
Lie on the ground in wind-swept sheaves;
The scarlet berries light us still
As you and I go down the hill.

Go down the hill, while stars grow bright,
And hand-in-hand we meet the night:
Tears in my eyes you cannot see
But let my silence speak for me.

132. По гребле неровной и тряской. See English translations of it by Maurice Baring in *An Outline of Russian Literature* and *Landmarks of Russian Literature*.

133. Тропарь. From the poem Иоанн Дамаскин (1858). An imitation of the ἰδιόμελα of St. John Damascene, which is a part of the Requiem of the Eastern Church. Other motifs from the same service have also been introduced.

135. У приказных ворот. This amusing satire of old Muscovite bureaucracy is a good example of the more 'serious' and less nonsensical style of Tolstoy's humorous poetry.

Nikolai Maximovich Minsky (ps. of N. M. Vilénkin), b. 1855 in White Russia. One of the first Jews to make a name in Russian letters. His early poetry is more or less 'civic', but about 1890 he became, together with Merezhkovsky, one of the leaders of the new movement, variously known as Symbolist, Modernist, or Decadent.

Semyen Yakovlevich Nadson, b. 1862. His father was of Jewish extraction, his mother Russian. He was brought up in a cadet school and served for a time in the army. He died of consumption in 1887 in Yalta. His poetry was immensely popular among the *intelligentsia*, and he was the 'best-seller' among the poets until well into the twentieth century.

Aleksei Nikolayevich Apukhtin, b. 1841. Educated at the School of Jurisprudence in St. Petersburg, where his schoolfellow was Chaikovsky. His first book appeared in 1886. He spent all his life in St. Petersburg society and it was mainly there and in provincial society that his verse was most popular, forming a sort of 'aristocratic' counterpart to the 'intelligentsiatic' poetry of Nadson. He died in 1893. The names of Nadson and Apukhtin have come to stand for the low-water marks of Russian verse.

142. Ночи безумные. Set to music this poem has become a popular song of the Gipsy choruses of St. Petersburg and Moscow.

Konstantin Konstantinovich Sluchévsky, b. 1837 in St. Petersburg. Served in the Foot Guards and later on in the Civil Service; he was for a long time editor of the official Правительственный Вестник (Government Gazette). His first poems appeared in 1860, but he was hissed off the literary stage by the Anti-Verse critics and did not appear in book form until 1876. He died in 1904. He is the most remarkable and original poet of an unpoetical period. He had real genius and a wonderfully alert and receptive mind. Much of his best poetry is metaphysical, but he is probably at his best in his 'geographical' poems (especially in his poems of the North of Russia). He was heavily handicapped, for never in any Christian country (except perhaps in America at the same time)

was poetical craftsmanship so low as it was in Russia in the last lap of the nineteenth century. His verse is more often than not uncouth and clumsy, but his ideas are always original and stimulating.

VLADIMIR SERGEYEVICH SOLOVYÓV, b. 1853. The son of the eminent historian, Professor S. M. Solovyov. He studied philosophy at Moscow and mystical subjects at once attracted him. The scene of part of his autobiographical poem where he tells of three mystical visions is laid in the British Museum. He was the most brilliant philosopher, theologian, and political controversialist of his time. In philosophy a passionate opponent of materialism and positivism; in theology he advocated Theocracy and the Union of the Churches with a strong leaning towards Rome; in politics a moderate Liberal, bitterly opposed to the Nationalist policy of Alexander III. His masterpiece from the literary point of view is Три Разговора (Three Dialogues, 1899; disgracefully translated into English under the auspices of Mr. Stephen Graham). He died in 1900. His life by his nephew, S. M. Solovyov (prefixed to an edition of his poems, 1915), is one of the best-written Russian biographies. As a poet he was a pupil of Fet and Alexei Tolstoy; the subject-matter of his poems is mystical and visionary. Like all his contemporaries, he suffered from the low poetical culture of the time. His poetry and his mysticism exercised a deep influence on some of the Symbolists, viz. Blok and Andrei Byely.

KONSTANTIN DMITRYEVICH BALMÓNT, b. 1867 in the province of Vladimir, left Russia after the Revolution. His first book appeared in 1894. He was the first of the Russian Symbolists to gain universal recognition and became a favourite with the reading public. He was strongly influenced by English poetry, and translated into Russian his favourites, Shelley (wretchedly) and Edgar A. Poe (fairly well). He died in 1942.

VALERY YAKOVLEVICH BRYUSOV, b. 1873 in Moscow of a merchant family. Became in 1918 a member of the Communist Party, and held a high post in the Soviet Commissariat for Education. In the early years of the century he was the chief

leader of the Symbolist movement. He represents the French influence in Russian Symbolism. His best books appeared from 1901 to 1909. His later work is merely mechanical. He successfully translated poems from the French, Latin, and Armenian, as well as the *Raven* and the *Ballad of Reading Gaol.* He died in 1924.

Ivan Alexeyevich Bunin, b. 1870. Lives in Paris. Bunin is famous chiefly as a novelist. He is in the opinion of many good judges (including M. Gorky) the greatest living master of Russian prose. As a novelist he proceeds from Turgenev, Flaubert, and Chekhov. Some of his stories (including his masterpiece *The Gentleman from San Francisco*) have been translated into English. His verse is inferior to his prose; in character it is Parnassian, the most genuinely Parnassian poetry in Russia.

Alexandr Alexandrovich Blok, b. 1880 in St. Petersburg. His father was Professor of Law at Warsaw, his mother the daughter of Beketov, the eminent botanist. He married a daughter of the famous Mendeleyev. His early poems (Стихи о прекрасной Даме, 1904) are mystical and reminiscent of Vl. Solovyov. His later verse reflects his loss of faith in the visions of his youth. The older he grew, the more realistic, ironical, and gloomy his work became. In 1917 he welcomed the Bolshevik revolution, but never became a Communist. He wrote his great poem of the Revolution, Двенадцать (*The Twelve*), in January 1918. It is the crowning achievement of modern Russian verse (too long for insertion here). It was his last work. The last three years of his life seem to have been passed in unmitigated gloom. He died in 1921. He is beyond doubt the greatest Russian poet since the days of Lermontov and Tyutchev. His poetical works are collected in five volumes. Vol. I contains his lyrical poetry from 1898 to 1904 (the mystical period); Vol. II, from 1904 to 1908 (largely transitional and still immature); Vol. III (from 1908 to 1916) all his best lyrics; Vol. IV, Двенадцать, and the unfinished autobiographical poem Возмездие; and Vol. V, his wonderful lyrical dramas. Some of his lyrics have been translated into English by Mr. P. Selver, Mr. A.

Yarmolinsky, and others. There are two English versions of the *Twelve* (by Mr. Bechoffer and by Mr. Yarmolinsky and Miss Deutsch), but neither is entirely satisfactory. On the other hand, the French version of the poem by M. Svidersky is good, and the German by Herr Wolfgang Gröger is a masterpiece.

The Reminiscences of Blok, by Byely, his friend and counterpart (Эпопея, Nos. 1–4, Berlin, 1922–3), besides being amusing are indispensable for an understanding of his poetry and personality.

155. Незнакомка (1906). The most widely popular of Blok's poems. The scene is a summer resort in the environs of St. Petersburg.

158. На поле Куликовом (1908). This has often been commented on as a prophetic poem. Blok was certainly extraordinarily sensitive to the Future, and much of his poetry can be called prophetical without any stretch of the imagination. The poem is a lyrical 'variation' on the theme of an Old-Russian prose-poem of the battle of Kulikovo (1380).

Andrei Byely (pseudonym of Boris Nikolayevich Bugayev), b. 1880, the son of a well-known mathematician. He published his first poems in 1901 and soon was recognized as one of the leaders of the younger symbolists, along with Blok and Vyacheslav Ivanov. Between 1906 and 1916 he travelled in Europe and the Near East, and from 1921 to 1923 lived in Germany. Much of his poetry has dated rather badly. His prose, particularly his three volumes of Memoirs, is brilliant and stimulating. He died in 1934.

Velemir Vladimirovich Khlebnikov, b. 1885, in the province of Astrakhan. He did not succeed in getting much of his work published during his lifetime, and in general was distinguished by a marked incapacity in practical matters. Mayakovsky wrote in 1922 in his obituary notice on him: 'Khlebnikov travelled a great deal. It was impossible to comprehend the motives or the timings of his journeys. Three years ago I succeeded with great difficulty in arranging paid publication of some of his manuscripts. . . . The day before he had been told to collect the permit and the money I met him with a suitcase in Theatre Square. "Where are you going?"—

"South—spring!" And he went. He went on the roof of a railway carriage; he travelled for two years, retreated and attacked with our army in Persia, caught typhoid after typhoid. He came back last winter in a carriage of epileptics, worn out and haggard, in nothing but a hospital dressing-gown.'

Khlebnikov's first-published poems appeared in 1908. He was a signatory of the futurist manifesto which introduced Пощечина общественному вкусу (1912) and the first leader of Russian futurism, 'the Columbus of new poetic continents now settled and cultivated by us' (Mayakovsky). He was above all an experimenter and innovator in rhyme, metre, and vocabulary. His collected works were published in five volumes (1928–1933) with a supplementary volume in 1940.

Nikolai Stepanovich Gumilyóv, b. 1886. Studied at the Sorbonne and at St. Petersburg University. Travelled in Europe and East Africa. An officer in the First World War, he served on the Eastern and Salonika fronts and, after the February Revolution, in France. He returned to Russia in 1918. For a time he was married to Anna Akhmatova. In 1921 he was executed for participation in a counter-revolutionary conspiracy.

The acmeist school of which he was the leader aspired to infuse into Russian poetry the virility in which the symbolists were thought to be deficient, but Gumilyov at least did not realize his ambition. He sang of battle and colonial conquest, but his voice was too light. In the words of Nikolai Tikhonov, he aspired to be a Russian Kipling, but did not have it in him to be more than a d'Annunzio.

His collected works were published in Petrograd (1922–1923).

169. Наступление, from Колчан (1916).

Samuil Yakovlevich Marshak, b. 1887. He received part of his schooling in London, and since the beginning of his literary career in 1907 has translated much from the English poets. He is best known as the author of poems and stories for children. The two poems published here are from Стихи 1941–1946.

NIKOLAI NIKOLAYEVICH ASEYEV, b. 1889. Began as a futurist, much influenced by Khlebnikov. After the Revolution he joined the LEF group (Левый Фронт Искусств) of which Mayakovsky was the head. His later verse is at once simpler and less interesting than his poems of the 'twenties.

172. Мильтон (1923). Мильтон is slang for милиционер.

BORIS LEONIDOVICH PASTERNAK, b. 1890, the son of a well-known artist. Educated at Moscow and Marburg Universities. His first poems appeared in 1912, and in 1914 he joined the 'centrifugal' futurists, of whom another was Aseyev. After the Revolution he was for a time a member of LEF, but broke with it when Mayakovsky required of all its members active service to the cause of the Revolution. Some of Pasternak's work—the long poems *1905* (1926) and Лейтенант Шмидт (1927) and his war-time poems—deals with social themes, but most of it is purely personal lyric poetry, often of magnificent quality. He is universally recognized as the greatest living Russian poet. In addition to his original work Pasternak has made some remarkable translations from Georgian, French, German, and English (including five plays of Shakespeare). At present he is engaged on a novel.

179. Мерани. Translated from the Georgian of Nicholas Baratashvili (1816–1845). From Грузинские поэты в переводах Бориса Пастернака (1946).

OSIP EMILYEVICH MANDELSTAM, b. 1891 in Warsaw, studied at Heidelberg and St. Petersburg Universities. He published his first poems in 1909, later joined the acmeists. He began with work of Parnassian aloofness and clarity; the thought and style of his later work is more complex and difficult. He wrote little: two short collections of verse, Камень and *Tristia* which were later published together in a small volume, Стихотворения (1928), and a few novellas and translations. He was arrested during the 1937 purge and died in Vladivostok in December 1938.

ILYA GRIGORYEVICH EHRENBURG, b. 1891 in Moscow. He lived in France from 1909 until 1917 and left Russia again in 1921. Between the two wars he divided his time between

Moscow and Paris and returned to Russia shortly before the German invasion of the U.S.S.R.

Better known as a novelist and publicist, Ehrenburg nevertheless began as a poet strongly influenced by French symbolism. His later verse has a reticence and chastity of style which place it in the classical tradition of Pushkin and Lermontov.

184. Новый Мир 1945, No. 1.

185. Новый Мир 1945, No. 9. Cf. Lermontov:

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали—
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье. . .
Но в мире новом друг друга они не узнали.

Marina Ivanovna Tsvetayeva, b. 1892, the daughter of a professor. She left Russia in 1922 and lived in Czechoslovakia and later in Paris, where she published much of her work. She returned to Russia shortly before the war, and committed suicide towards the end of 1941.

Anna Akhmatova (pseudonym of Anna Andreyevna Gorenko), b. 1893. Her first poems appeared in 1911. Between 1912 and 1923 she published half a dozen short collections of verse which went through many editions. After a gap of seventeen years appeared a further book of poems (Ива 1940); and a few стихи разных лет were recently published in the Leningrad literary journals.

Akhmatova's poetry displays on a small scale some of the best qualities of acmeism: clarity of form and sharpness of imagery. Her range of subject-matter does not include much beyond the themes of love and death, treated with a tinge of mysticism reminiscent of symbolism. A remarkable feature of her work is the absence of any marked line of development of style or ideas; her 1945 poems could almost have come from the books she published in 1912 and 1914.

187. From the collection Вечер (1912) is one of a number of Akhmatova's poems which have been set to music by Prokofiev.

189. From *Anno Domini* (1923).

VLADIMIR VLADIMIROVICH MAYAKOVSKY, b. 1893 in Georgia, the son of a forester. Moved to Moscow in 1906, joined the Social-Democratic Party in 1908 and in that and the following year was three times imprisoned. In 1910 he gave up politics to study drawing and painting. In 1912 he met Khlebnikov and along with him and a number of other young poets and artists founded the 'Gilea' group of futurists, of which he became the leading propagandist. He greeted the October Revolution with enthusiasm and thenceforth placed his talents entirely at the disposal of the Communist Party (of which he did not become a member). From 1923 to 1925 he edited the journal ЛеФ, which appeared again under his editorship in 1927–1928 as Новый ЛеФ. Between 1919 and 1929 he made a number of trips abroad, visiting, among other places, Germany, France, Mexico, and the U.S.A. In April 1930 he committed suicide.

Mayakovsky began as a fauve, more than a little concerned with épatage, and to the end of his life remained a master-showman. He became the great literary agitator and propagandist of Soviet Russia, urging the people along the course which the Bolsheviks had charted, lashing inefficiency and corruption, especially savage against suburban tastes and habits of thought. He made many tours throughout European Russia, reciting his work before mass audiences (he is said to have been an incomparable declaimer). His recitals and his interventions in public debate have become a Moscow legend.

His work includes, apart from shorter poems, a number of поэмы (Облако в штанах; 150,000,000; Владимир Ильич Ленин; Хорошо; &c.) and plays (Мистерия Буфф, 1918; Клоп, 1928; Баня, 1929).

To aid recitation of his verse Mayakovsky used to print it in échelonned lines, с разбивкой. In this book, in order to save space, this has not been done.

190. Домой (1926), the last of a cycle devoted to his American trip of 1925.

191. Сергею Есенину (1926). This poem furnished the text for Mayakovsky's essay Как делать стихи? The last two lines are a reply to those which Yesenin had written in blood

immediately before his suicide in the hotel 'Angleterre' in Leningrad:

В этой жизни умереть не ново—
Но и жить, конечно, не новей.

SERGEI ALEXANDROVICH YESENIN, b. 1895 of peasant parents in Ryazan province. In 1914 he went to St. Petersburg, where he made the acquaintance of Blok and the Merezhkovskys. His first poems appeared in 1916. He was unable whole-heartedly to accept the Revolution, and to the end his social ideal remained the patriarchal village unspoiled by industrialism. In 1921 he met the dancer, Isadora Duncan, and with her visited Europe and America. He returned to Russia in 1923. He had been drinking heavily for a number of years and was by now a hopeless drunkard. He committed suicide in December 1925.

Yesenin was a magnificently gifted lyric poet, one of the greatest whom Russia has produced. Probably no poet enjoys equal popularity in Russia to-day, particularly with the adolescents. His complete works were published in four volumes in 1926–1927, and many volumes of selections have appeared since, the most recent in 1946.

EDUARD GEORGIEVICH BAGRITSKY (pseudonym of E. G. Dzyubin), b. 1895 in the Ukraine. He served throughout the Civil War as soldier and propagandist. His early poetry shows the influences of acmeism and of the 'ego-futurism' of Igor Severianin. His mature work passed through several clearly marked stages; the romantic mood of the Civil War was succeeded by gloom and bitterness during NEP (Юго-Запад 1928); in the last phase, his sense of purpose restored, he became one of the few Communist poets. He died in 1934.

NIKOLAI SEMYONOVICH TIKHONOV, b. 1896 in St. Petersburg. Fought as a volunteer in the First World War, later in the Civil War. His first poems (1921) were written under the influence of Gumilyov and Khlebnikov, but he soon developed his own personal manner. He is at his best in narrative and has written much in the ballad form. In addition, he has produced some notable поэмы and prose.

Pavel Grigoryevich Antokolsky, b. 1896, the grandson of the sculptor, Mark Matveyevich Antokolsky. He began to publish in 1920, his early work showing strong acmeist influence. His literary master was Osip Mandelstam. Antokolsky's powers have increased with his age, and his masterpiece is probably the long poem Сын, written under the impact of his son's death in the Second World War.

205. Третья книга войны, 1946.

Ilya Lvovich Selvinsky, b. 1899 in Simferopol. Went to school in Constantinople and Yevpatoria; Moscow University. His first poems appeared in 1926. For a time he was the leader of the constructivists. He made his mark with the поэмы—Уляляевщина, Пушторг; of his later work his ballads and songs have been the most successful. He has written some witty and venomous epigrams against his brother writers.

Olga Fyodorovna Bergholtz, b. 1910. She is one of the Leningrad group of writers, and her most noteworthy work to date is inspired by the events of the siege of Leningrad. The selection in the text is an excerpt from Памяти защитников, from the volume Твой путь (1945).

Konstantin Mikhailovich Simonov, b. 1915. Simonov is perhaps the most representative of the new generation of Russian writers. He has achieved enormous success as playwright, novelist, and poet (plays, Парень из нашего города, Русские люди; novel, Дни и ночи, which has been translated into English). His poems Убей его and Жди меня were the great hits of the war period. It may be doubted whether Simonov, with all his brilliance, has yet created much that will last; a large part of his work in all genres is magnificently competent journalism and accordingly ephemeral. This is especially true of his war-time writing; some of his pre-war poetry, being not so narrowly occasional, looks more durable.

INDEX OF FIRST LINES

	No.
А и будут они в городе Киеве	3 (II)
А не сильная туча затучилася	7
А под славным было городом под Ригою	10
Адам! Адам! Приникни ближе	152
Ай еще шли где туры подле сине море	5 (I)
Ай же молодость моя молодая	9
Безумных лет угасшее веселье	31
Белеет парус одинокий	75
Бережечек зыблется	13
В глуши расцветший василек	23
В жаркое лето и в зиму метельную	161
В минуту жизни трудную	76
В пустыне чахлой и скупой	27
В разноголосице девического хора	180
В степи мирской, печальной и безбрежной	43
В таверне воровская шайка	181
В том краю, где жолтая крапива	196
В тот год осенняя погода	47
Вижу-ль я, как во храме смиренно она	120
Во матушке, во Россеюшке	12
Во славном во городе во Галиче	2
Во ту пору, во то времечко	5 (III)
Вот прошел король с зубчатым	156
Все в ней гармония, все диво	32
Все звезды в новый путь стремились	85
Все это было, было, было	157
Всю жизнь любил он рисовать войну	208
Вчера мы встретились: она остановилась	118
Вы ушли, как говорится, в мир иной	191
Вырыта заступом яма глубокая	123
Высоко над семьею гор	49
Высоко ты гнездо поставил	84
Высота ли, высота поднебесная	1 (I)

INDEX OF FIRST LINES

	No.
Где ты? где ты, милый?	153
Говорил же Мамай таково слово	5 (iv)
Горит восток зарею новой	55
Горними тихо летела душа небесами	126
Господь! твори добро народу!	88
Гришка-Вор тебя не ополячил	186 (iii)
Да! Теперь решено. Без возврата	199
Два голубя как два родные брата жили	18
Духовной жаждою томим	26
Европа! Кровь твоя	204
Еду ли ночью по улице темной	90
Есть в лете что-то роковое, злое	163
Есть иволги в лесах, и гласных долгота	182
Еще одно, последнее сказанье	58
Жидкий звон, постный звон	186 (ii)
За облака орел	20
Залезал на печку на брусовую	4 (iii)
Запад гаснет в дали бледно-розовой	125
Звезды меркнут и гаснут. В огне облака	122
Здесь тучи родятся. На горы взирая	136
Земля трепещет; по эфиру	87
И вот они опять, знакомые места	89
И, как его, палил меня	82
И море, и буря качали наш челн	100
И поступь и голос у времени тише	170
И скоро Алеша наряжается	3 (iii)
И скучно, и грустно, и некому руку подать	77
Идут часы, и дни, и годы	160
Из славного Ростова, красна города	3 (i)
Из-за моря, моря синего	5 (ii)
Изрубили силу поганую	5 (v)
Как бывало мне, ясну соколу, да времечко	15
Как во славном граде, в стольне Киеве	4 (i)

INDEX OF FIRST LINES

No.

Как лилея глядится в нагорный ручей . . . 111
Как молодой повеса ждет свиданья . . . 59
Как сон пройдут дела и помыслы людей . . 137
Как тельце маленькое крылышком . . . 183
Какая сладость в жизни сей 133
Клубятся тучи, млея в блеске алом . . . 107
Когда для смертного умолкнет шумный день . 30
Когда изведав трудности ученья 171
Когда прижимались солдаты, как тени . . 207 (I)
Когда рыжеволосый Самозванец . . . 186 (I)
Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает 25
Копье татар чего бы ни трогало 165
Край ты мой заброшенный 195
Красным полымем 65
Крестьяне, вышед из терпенья 19

Лазурное око 147
Лесы темные, подходили леса ко городу Смоленскому . . . . . 1 (III)
Любил я тихий свет лампады золотой . . . 119
Любить иных тяжелый крест 175
Люблю отчизну я, но странною любовью . . 70

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий . 72
Мертвый, . . . мертвый, . . . Он лежит и слышит 207 (II)
Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы . 162
Мне по душе строптивый норов . . . 177 (I)
Мой сад с каждым днем увядает 112
Мороз и солнце — день чудесный! 45
Мчатся тучи, вьются тучи 29

На вершине горной коршун прокричал . . 150
На заре-то было, братцы, на утренней . . 11
На заре туманной юности 68
На стоге сена ночью южной 109
На Украйне жил когда-то 144
Над Невою резво вьются 50
Наедине с тобою, брат 81
Нам не дорого не злато да чисто сéребро . 1 (II)

INDEX OF FIRST LINES

	No.
Не бил барабан перед смутным полком	61
Не ветер бушует над бором	97
Не говорите мне: он умер, — он живет	138
Не жалею, не зову, не плачу	198
Не множеством картин старинных мастеров	41
Не отравляй души тоскою	60
Не плачь, дитя, не плачь напрасно!	83
Не презирай совета ничьего	22
Не с теми я, кто бросил землю	189
Не шуми ты, рожь	67
Нелюдимо наше море	64
Ненастный день потух, ненастной ночи мгла	42
Ночи безумные, ночи бессонные	142
Ночная Тверская — сыра и темна	172
О, знал бы я, что так бывает	176
О них когда-то горевал поэт	185
О ночь, о ночь! лети стрелой!	63
О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем	174
О чем шумите вы, народные витии?	51
Облаком волнистым	103
Оделось сумраком поле. На темной лазури сверкает	121
Ой, стоги́, стоги́	124
Окрыленным мечтой сладкозвучным стихом	141
Она была исполнена печали	92
Осел увидел соловья	24
Осень! Обсыпается весь наш бедный сад	130
От черного хлеба и верной жены	201
Отпусти меня, родная	91
Отсталых туч над нами пролетает	110
Отцы-пустынники и жены непорочны	40
Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске	21
Пахнет сеном над лугами	113
Печально я гляжу на наше поколенье	73
По вечерам над ресторанами	155
По гребле неровной и тряской	132
По небу быстро поднимаясь	145
По небу полуночи ангел летел	74

INDEX OF FIRST LINES

	No.
По Руси великой, без конца, без края	143
Поволжскому сердцу ветер над мостом	203
Погиб поэт, невольник чести	69
Подите все — оставьте одного	57
Поздняя осень. Грачи улетели	96
Пока не требует поэта	38
Поле зыблется цветами	114
Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома	115
Последняя туча рассеянной бури!	39
Почти ребенком я была	106
Пошли Господь свою отраду	98
Предстала — и старец великий смежил	62
Равнодушно слушая проклятья	94
Революция окончилась. Житье чини	192
Река раскинулась. Течет, грустит лениво	158
Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться	159
Рыдай, буревая стихия	164
С Карпат на Украину	202
Саян здесь катит вал за валом	166
Свевая пыль с цветов раскрытых	146
Святая ночь на небосклон взошла	101
Сегодня всю ночь голубые зарницы	140
«Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка горькая»	16
«Скажи-ка, дядя, ведь не даром»	71
Сквозь волнистые туманы	46
Сколько тут было кудрявых берез!	95
Скребницей чистил он коня	28
Скромный дом, но рюмка рому	177 (II)
Слава тебе, безысходная боль!	187
Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!	128
Слышу, слышу шаг твой нежный	151
Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбине	139
Снова тучи надо мною	35
Солдаты, няньки да нищие	206
Соловей кукушку подговаривал	6
Спи, младенец мой прекрасный	80
Сплачется малая птичка	8

INDEX OF FIRST LINES

	No.
Средь шумного бала, случайно	131
Стишки для вас одна забава	56
Стрекотунья белобока	48
Стрелой несется конь мечты моей	179
Та страна, что могла быть раем	169
Тебя призвал на брань святую	86
Теперь любовь моя не та	197
Теплым ветром потянуло	105
То было раннею весной	134
То разростаясь, то слабея	154
Тут не две утушки серые сплывалися	4 (II)
Тучки небесные, вечные странники!	78
Ты знаешь, я томлюсь в неволе	188
Ты не пой, соловей	66
Ты помнишь ли вечер, как море шумело	127
Ты помнишь ли, Мария	129
У лукоморья дуб зеленый	52
У приказных ворот собирался народ	135
Уважаемые товарищи потомки!	194
Уж небо осенью дышало	44
Уходите, мысли, во-свояси	190
Хорошо было детинушке	93
Хорошо меж подводных стеблей	148
Хоть тяжело подчас в ней бремя	37
Часов однообразный бой	99
Что-б это значило?—Вижу, сегодня ты	116
Что же, старость—так старость. Нехитрая, кажется, вещь	205
Чужое горе, оно, как овод	184
Шел молодец дорогою, разудаленький широкою	14
Шопот. Робкое дыханье	104
Эй, молодчики-купчики	168
Этой грусти теперь не рассыпать	200

INDEX OF FIRST LINES

	No.
«Я вам пишу—чего же боле?»	54
Я вас любил; любовь еще, быть-может	33
Я вздрагивал. Я загорался и гас	173
Я видел, что черные Веды	167
Я волком бы выгрыз бюрократизм	193
Я долго стоял неподвижно	102
Я, Матерь Божия, ныне с молитвою	79
Я памятник себе воздвиг нерукотворный	53
Я пережил свои желанья	36
Я под Москвою эту зиму	178
Я помню, как детьми с румяными щеками	117
Я помню чудное мгновенье	34
Я пришел к тебе с приветом	108
Я связь миров повсюду сущих	17
Я спросил у свободного Ветра	149

PRINTED IN GREAT BRITAIN
AT THE UNIVERSITY PRESS, OXFORD
BY VIVIAN RIDLER
PRINTER TO THE UNIVERSITY

SOLANO COLLEGE LIBRARY

THE OXFORD BOOKS OF VERSE

(*FOREIGN*)

LATIN VERSE, from the earliest fragments to the end of the Fifth Century A.D. Chosen by *H. W. Garrod.*

MEDIEVAL LATIN VERSE. Selected and edited by *F. J. E. Raby.* Second edition.

GREEK VERSE. Chosen by *Gilbert Murray, Cyril Bailey, E. A. Barber, T. F. Higham,* and *Sir Maurice Bowra.* With an Introduction by *Sir Maurice Bowra.*

GREEK VERSE IN TRANSLATION. Edited by *T. F. Higham* and *Sir Maurice Bowra.*

FRENCH VERSE, XIII—XX Centuries. Chosen by *St. John Lucas.* Second edition edited by *P. Mansell Jones.*
(*Also available on Oxford India Paper*)

GERMAN VERSE, XII—XX Centuries. Edited by *Ernest Stahl,* with a preface by *Gerhart Hauptmann.* Third edition.

ITALIAN VERSE, XIII—XIX Centuries. Chosen by *St. John Lucas.* Second edition revised with XXth Century Supplement by *C. Dionisotti.*

PORTUGUESE VERSE, XII—XX Centuries. Chosen by *Aubrey F. G. Bell.* Second edition edited by *B. Vidigal.*

RUSSIAN VERSE, XIX—XX Centuries. Chosen by the *Hon. Maurice Baring.* Second edition supplemented by *D. P. Costello.*

SPANISH VERSE, XIII—XX Centuries. Chosen by *James Fitzmaurice Kelly.* Second edition by *J. B. Trend.*

GERMAN PROSE. From Luther to Rilke. Chosen, edited and annotated by *H. G. Fiedler.*

THE OXFORD BOOKS OF VERSE

SIXTEENTH CENTURY VERSE. Chosen by *Sir Edmund Chambers.*

SEVENTEENTH CENTURY VERSE. Chosen by *Sir Herbert Grierson* and *G. Bullough.*

EIGHTEENTH CENTURY VERSE. Chosen by *David Nichol Smith.*
(*Also available on Oxford India Paper*)

NINETEENTH CENTURY ENGLISH VERSE. Chosen by *John Hayward.*

ENGLISH VERSE, A.D. 1250–1918. Chosen and edited by *Sir Arthur Quiller-Couch.* Second edition, 1939. (*Also available on Oxford India Paper*)

ENGLISH VERSE OF THE ROMANTIC PERIOD, 1798–1837. Chosen by *Sir Humphrey Milford.*

VICTORIAN VERSE. Chosen by *Sir Arthur Quiller-Couch.*

MODERN VERSE, 1892–1935. Chosen by *W. B. Yeats.*

LIGHT VERSE. Chosen by *W. H. Auden.*

BALLADS. New edition chosen by *James Kinsley.*

ENGLISH MYSTICAL VERSE, XIII–XX Centuries. Chosen by *D. H. S. Nicholson* and *A. H. E. Lee.*

CHRISTIAN VERSE. Chosen and edited by *Lord David Cecil.*

IRISH VERSE. Chosen by *Donagh MacDonagh* and *Lennox Robinson.*

WELSH VERSE. Chosen and edited by *Thomas Parry.*

SCOTTISH VERSE. Chosen by *John MacQueen* and *Tom Scott.*

ENGLISH PROSE. Chosen and edited by *Sir Arthur Quiller-Couch.*

OXFORD UNIVERSITY PRESS
ISBN 0 19 812124 5